

Илья Чернев

таежная армия

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГЕРОИКА

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ГЕРОИКА

Илья ЧЕРНЕВ

**ТАЕЖНАЯ
АРМИЯ**

ПОВЕСТЬ

Хабаровское книжное издательство
1974

О Г Л А В Л Е Н И Е

Остров горячих ключей	3
Демьян Тимофеевич собирается строить . .	5
Роман Иванович показывает свое настоящее лицо	9
Демьян Тимофеевич спасается бегством . .	17
Он идет добывать оружие	27
Первые десять попадают в беду	37
Странное поведение штабс-капитана Шутца .	43
Смелые набеги Демьянова отряда	51
Штаб армии восставшего народа	62
Нежданная встреча у сгнившего зимовья .	69
Красный Яр оказывает героическое сопротив- ление	76
Деревня Паруновка раскололась	87
Начальник гарнизона таежной деревушки .	95
Боевые рассказы командующего Дрогошев- ского	105
Японские солдаты не терпят холода	110
Красный клич разносится по тайге	122
Съезд Советов революционной области . .	126
Демьян Тимофеевич теряет любимого друга .	130
Последние выстрелы интервентов	136
П о с л е с л о в и е	141

Остров горячих ключей

На дне исполинского горного стакана, в сорока километрах от неприметной железнодорожной станции Биракан, в глубине тайги, раскинулся прославленный дальневосточный курорт Кульдур.

Островом горячих ключей называют его местные жители. Зимой, когда белая пурга неистовствует в вершинах скал, на дне стакана, едва прикоснувшись к земле, тают снежинки: из глубоких расщелин бьют на поверхность земли горячие источники.

Сказочно красива дикая природа Кульдура. Узкая лента реки тонкой каймой обвивает клочок земли — «остров», где пробиваются наружу полсотни горячих ключей. Субтропические пробковые деревья, маньчжурский орех, заросли дикого винограда густо покрывают склоны сопок, спускающихся к чудесному острову.

Этот субтропический мирок со всех сторон обступает девственная тайга. Кедровые леса, чащи пихт и лиственниц тянутся на сотни километров. Курортом кончается проезжая дорога. Дальше в горы ведут лишь охотничьи тропы.

По этим мало приметным охотничьим тропам шли некогда к источникам первые курортники — охотники, оленеводы. Соорудить на острове лиственничный шалаш и вырыть в грунте канавку — резервуар целебной воды — было делом нескольких часов.

Царские чиновники подкупом, за спирт, вывели охотников-эвенков тайну заповедных мест. Горячие ключи оказались в руках скупщиков пушнины, в руках оборотистых тунгусников*. Тунгусники сразу раскусили, какую ценность представляют собою эти источники. Какая-то компания темных таежных хищников вырыла подле острова землянки. Сырые эти землянки, лишённые света, представлялись дельцам высшим типом курортных сооружений. Дальше землянок не шла изобретательская мысль хищников тайги. Вкладывать средства в строительство здесь настоящего курорта они считали для себя невыгодным. От больных и так не было отбоя, к чему еще тратить зря деньги на постройку удобных домов? Землянки — это все же лучше дырявого шалаша. Но дельцы не пренебрегали и шалашами. Они не убрали их: зачем это делать, если койка в шалаше давала пять-шесть рублей в сутки. А за место в землянке «хозяева» брали с больных золотым песком и слитками — благо в амурской тайге никогда не переводится золото. За прием одной грунтовой ванны взимали они по десяти и двенадцати рублей.

Далеко по тайге разнеслась слава о чудодейственном источнике. Тунгусы прозвали кульдурские источники «ключами молодости». После месячного пребывания на Кульдуре безнадежные ревматики бросали костыли, быстро излечивались сухотка спинного мозга, женские, кожные и многие другие болезни...

...Ранней весной 1918 года в Амурской области повсеместно утвердилась Советская власть. Она выгнала тунгусников-эксплуататоров с Кульдура, лишила их золотых доходов. Остров горячих ключей поступил в бесплатное пользование трудящихся. Весною вокруг Кульдура насчитывалось около трехсот шалашей, построенных руками бедноты, стекавшейся к животворящим ключам из разных мест области — крестьянами,

* Тунгусниками до революции назывались таежные купцы, обиравшие и закабалявшие эвенков.

охотниками, эвенками, наезжим городским людом. Один такой шалаш в центре курорта сохраняется и по сегодняшний день, потому что это историческая реликвия...

Сейчас на Кульдуре — большие светлые санатории, электростанция, просторный ванный корпус, рентгеновский особняк, превосходное здание громадного курзала...

Нежная голубизна прекрасных сооружений точно врезана в зеленую рамку роскошной и буйной растительности. Уже нет и в помине канавок. В скважины ключей спущены трубы каптажа. Поворот крана — и мраморная ванна наполняется почти кипящей водой, сильно пахнувшей сероводородом...

Недаром сохранился исторический шалаш у горячего острова. Когда-то в нем жил плотник Демьян Колмоийц, первый советский строитель курорта.

Демьян Тимофеевич собирается строить

Строители разбредались кто куда. Дел не было и не предвиделось.

Над Амуром ползли низкие, грязные, встревоженные тучи. Они грядами напирали из-за реки, оттуда из Манчжурии, наваливались на город*, сеяли беспрестанно мелким нудным дождем. Встревоженные тучи проходили над встревоженным городом. По ночам, сквозь лай собак, окраины, погруженные в чернильную тьму, прислушивались к щелканью далеких одиночных выстрелов... Днем в базарной сутолоке чувствовалась настороженность окрестных, зазейских, мужиков, привозивших для продажи хлеб, мясо, живность. Обыватель высывался на улицу с пугливой оглядкой, осторожно обходя торопливых людей с красными ленточками на пропыленных солдатских фуражках.

Из дома в дом переползали страшные в своей нелепости, невесть где возникшие, пугающие слухи. Никто и ничего не знал достоверно. Но одно было ясно, несомненно: с запада и востока надвигается беда...

* Благовещенск — центр Амурской области, которая в те годы включала в себя район Кульдура (Ред.).

Коричневые и синенькие домики центральных улиц, домики-игрушки с тюлевыми занавесками и гардинами, чудилось, зло подмигивали освещенными занавешенными окнами запыхавшимся людям с красными на рукавными повязками.

Вросшие до окон в липкую глину, с обшарпанными боками, мазанки окраин тоже притаились в ожидании. Но здесь ждали и таились по-иному: отсюда, из халуп, молодые ребята украдкой от стариков пробирались в город, к штабу, десятками и сотнями записывались в Красную Армию, получали оружие.

По ночам на окраинах, на всех подступах к городу, дежурили крепкие бессонные дозоры. У стального пучка железнодорожных путей, за станцией, рыли окопы. Город опоясывался колючей ржавой проволокой.

Всего этого не знал и не видел город. Не знал и не видел он также и того, как под покровом ночной темноты рабочие подавались в сопки прятать винтовки, патроны и пулеметы на случай внезапного белогвардейского выступления в городе: готовили укрепленный тыл... С мельниц, с амурских пристаней и зейских затонов притекало пополнение в красногвардейские роты и батальоны. Мукомолы и матросы, сплавщики и пильщики разбирали свободные винтовки и берданки: крепили возможный, быть может завтра, фронт.

Металлисты день и ночь грохотали молотами в цехах старого прокопченного завода на берегу Зеи. Здесь во время германской работали «на оборону», и теперь оборудование арсенала было как нельзя кстати. Лили снаряды для трехдюймовок, точили затворы и магазинные коробки винтовок, отбивали острые клинки. Металлистам работы хватало с избытком.

А строители разбредались. Тем, кто не мог или не хотел взять в руки винтовку, дел не предвиделось. Старики-ворчуны окопались на собственных огородных, возле мазанок, грядах или уходили по окрестным селам в поисках мелкой плотничьей работы — кому телегу сладить, кому крыльцо к избе или новые переборки в горнице богатея. Иные слонялись без дела, проедаая накопленное годами; эти имели лучшие мазанки и сотни рублей романовскими и керенскими в дальних углах подполий.

Да и какие могли быть дела, кому взбрело бы в го-

лову строиться и строить, когда каждый чувствовал или знал, что впереди еще много надо разрушать... В тот год никто не начинал построек.

Все же в городе существовала строительная контора — в недалеком прошлом один из бесчисленных отделов городского самоуправления, — перешедшая, вместе с прочим имуществом и аппаратом, к новому хозяину города — Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. И сидели в конторе все те же люди в форменных фуражках с чиновничьими околышами, что и пять лет назад, до войны. Городской архитектор, инженер Роман Иванович, белокурый немец, с прямым носом и синими холодными глазами, всегда в тужурке со светлыми пуговицами, недоумевающе пожимал плечами, шагая по линиялым дорожкам своего кабинета. «Двадцать лет он был на виду... да что на виду! — в великом почете у благонравных и щедрых отцов города, а эти товарищи словно совсем забыли о существовании городского архитектора». Слово «товарищи» Роман Иванович заключал в своих мыслях в иронически-пребрежительные кавычки. Никто из главных в Совете не интересовался его судьбою, не спрашивал планов и проектов и, главное, не отпускал никаких сумм. Роман Иванович чувствовал жгучую обиду, всем существом своим ненавидел новую власть.

— Строительный сезон упущен, потерян, — шептал Роман Иванович, и красное, в жилках, продолговатое лицо его наливалось кровью...

В середине лета неожиданно объявилась работа. Роман Иванович получил от Совета срочное задание: выстроить на Кульдурском горячем источнике удобное и поместительное жилище для больных. Он много слышал о Кульдуре и раньше. В глухой тайге, за тридцать верст от линии Амурки* туземные охотники натолкнулись на кипящие ключи. О ключах по всей области прогремела слава, как о чудодейственном целительном источнике, и туда, пробираясь сквозь девственные густые заросли, потянулся болящий и страдающий люд.

Роман Иванович вызвал к себе плотника Коломийца. Этот рыжеусый мужик несколько раз в течение весны приходил в контору и спрашивал о работе, получая,

* Амурская железная дорога.

впрочем, неизменный отказ инженера... Теперь плотник был очень кстати. Роман Иванович немного знал его — дельный, рассудительный человек. Техники не раз хвалили ему Коломийца.

Одно не нравилось Роману Ивановичу: неделю тому назад, идя по улице, он встретил этого рыжеусого у входа в штаб; плотник долго и убежденно говорил что-то военному с красной повязкой на рукаве и оглядывался по сторонам; оба, и комиссар, и плотник, видимо, только что вышли из штаба, на ходу заканчивая какой-то важный разговор... Инженер вспомнил эту встречу, с ног до головы оглядел коренастую, слегка сгорбленную фигуру уже немолодого рабочего, но ничего особенного не прочел на простодушном, в веснушках, лице.

— Вы интересовались однажды работой, дорогой мой. Теперь для нас с вами нашлась работа, — приветливо, насколько мог, улыбнулся инженер.

— Я уже слышал... что ж, дело нужное, — просто отозвался плотник, как будто ему заранее было известно, о чем скажет инженер, и все это предприятие им, плотником, уже хорошо продумано.

Роман Иванович дернул по обыкновению плечами, ему хотелось сказать: «Слышал? Откуда? Неужели это дело решалось в штабе и значит вы... близки к штабу?». Хотел, но не сказал — промолчал. «Зачем лезть на рожон, быть может, на крупные неприятности? Лучше терпеливо ждать, сдержанно надеяться... готовить...»

Плотник, перебивая мысли инженера, говорил:

— Хорошо придумано, Роман Иванович!.. Очень даже хорошо... Строить — руки зудят...

Белые, едва намеченные брови инженера поднялись:

— Строить? В такое время?

Демьяну Тимофеевичу Коломийцу не захотелось вдруг таить мечты своей — перед кем и для чего? Улыбнувшись в рыжий ус, он подвинулся всем корпусом:

— «В такое время?..» Самое подходящее время, Роман Иванович! Не думаю я, чтоб нас окончательно сшибли... В Сибири — это пыль, развеем ее... э, да что говорить!.. Самое подходящее время!.. К примеру, для кого мы раньше строили, вот эти самые мозоли набива-

ли? Не для себя, не для рабочего человека, Роман Иванович, для кого угодно... А теперь? Теперь я для сынов и внучат хоромы какие угодно построю, дворцы настоящие. Вот что радостно!.. Для этого, товарищ инженер, можно постараться!..

Веселый огонь, загоревшийся в глазах Демьяна Тимофеевича, каким-то ласковым, ровным светом озарил его лицо.

Инженер, еще раз пожав плечами, принялся подробно объяснять «чуждаковатому» плотнику, что и как строить на Кульдуре, познакомил его с техником, который следом за ним должен выехать на ключ, поручил Демьяну подобрать в городе, если удастся, крепкую артель.

В Совете комиссар финансового отдела подписал ассигновку на аванс — у Романа Ивановича, наконец-то, появились деньги.

...Постройка выходила не столь уж монументальная, вернее сказать — временная. Много денег отпустить для курорта Совет не имел сейчас никакой возможности.

«Не беда... пока сойдет, — говорил себе Демьян Тимофеевич, — для раненых в самый раз».

Роман Иванович показывает свое настоящее лицо

Дорога на Кульдур лежала через непролазное многоверстное болото, а потом — еще дальше от линии — пришлось пробираться сквозь чащу, в густоте лиственных, сосен и буйного кустарника, который путался в ногах, цеплялся за одежду.

Плотник Коломийц шел не один. Из города он взял с собою шестнадцатилетнего сынишку, — Васька пошел по отцовской, плотницкой, дороге и уже ловко владел топором. Сколотить артель в городе Демьяну Тимофеевичу быстро не удалось. Рабочих поручили подыскать технику, а Демьяна гонцом-разведчиком послали на место в великой спешке — штаб торопился. На Биракане, на станции, Демьян Тимофеевич прихватил трех знакомых ребят — вместе когда-то плотничали в городе...

Инструмент несли на себе. Брякали на спинах топо-

ры и пилы, котомки с припасами резали плечи, а спереди хлестали в лицо колючие упругие ветки. Ноги вязли, натыкались на мелкий валежник.

Заночевали среди леса, развели костер... Только к полудню следующего дня показались в ямине между густо заросших гор землянки, серые палатки и шалаши.

Шустрый Васька раньше других заметил жилье и закричал отцу:

— Тятка, смотри, Кульдур!

Оглядел Демьян Тимофеевич нелюдимое и в то же время пышное это место, чему-то усмехнулся в рыжий ус. Мигом в седеющей голове пронеслись — Роман Иванович с ужимистыми плечами, его, Демьяна, собственные мысли о дворцах-хоромах, товарищи из штаба, оставшиеся в далеком теперь городе, товарищи, которые вот-вот начнут жаркое дело. То дело и Демьяну никак нельзя прозевать...

«Пока будем строить... Передых еще есть...»

Неделя ушла на расчистку места под будущие дома курорта. В соседнем лесу неумолчно ахали топоры и визжали пилы демьяновых подручных: валили лес.

С непокрытою головой, поминутно утирая рукавом пот с мокрой проплешины, Демьян Тимофеевич ломом выкорчевывал пни, подгонял ребят, а эхо его окриков перекатывалось в глухом безлюдье суровых гор:

— Живе-е-эй... пошевелива-а-ай!

Старый плотник не знал устали и торопил, торопил... Обитатели палаток и землянок, те, кто пил целебную воду, приходили к ширящейся с каждым днем площадке, свободной от пней и валежин, глядели, как ворочает ломом плотник в мокрой рубахе... глядели, потом брали кайлы, сосновые стяги и тоже принимались корчевать или начинали таскать бревна из леса волоком под раскатистый в долине напев «Дубинушки».

А вечером, когда разводили костры и едучие дымокуры, Демьян Тимофеевич, лежа на потнике под открытым небом у входа в шалаш и отгоняя тучи недавней мошкары, заводил обычно речь о том недалеком и радостном времени, когда они смогут, наконец, приступить к возведению стен. Но он тут же осекался, будто внезапная колкая мысль неприятно перебивала

веселое видение; он заканчивал свое слово тревожным вопросом:

— Когда же он приедет, этот техник, якорь его задери? Пора лес возить по-настоящему... Никаких вестей из города — этакая глушь. Что-то там?

Что-то там, в далеком, за сопками, городе, бурливом, ошетилившемся в ожидании непрошенных гостей? На какую-то, самую короткую, минуту плотнику казалось, что он бросит ненужную, несвоевременную возню в тайге, кинет ребят, чтоб побывать в городе, разузнать, не зряшное ли дело затеял он на этом убогом ключе?.. не большие ли дела ждут его там? «Город, как крепость... Проволока... окопы... штаб... Народ заряжает винтовку. А он? Разве у него не такие же рабочие руки?» Это походило на угрызение совести. И Демьян глядел в звездное небо, как бы искал там ответа...

Утреннее солнце брызгало потоками света из-за гор, из распадков тянуло бодрящей свежестью. И опять до ночи не смолкали стуки топоров, глухие удары демьянова лома, пенье пилы...

На девятый день приехал верхом на буланом жеребце техник... В городе все было по-прежнему, — так ответил он старшему плотнику на его нетерпеливо-взволнованный вопрос. И Демьян переключил сразу свое внимание на буланку:

— Этот лесу навозит. Здоровенный, якорь его задери!

Техник привез чертежи курортных построек и кое-какой инструмент.

— Плотники следом придут. С большим трудом уговорил. Ну прямо беда: никак народ не идет... Нет народа. Днем с огнем ищи, не найдешь. Еле-еле... Ну время! — заявил техник, отдуваясь, точно он сейчас только что носился, высунув язык, по городу в поисках рабочей силы.

— Обойдется, — сказал Демьян, вздохнувши, только бы... не помешали...

...Работа быстро подвигалась вперед, и к концу третьей недели Демьян с помощью Васьки и троих подручных вывел чуть не под крышу главный курортный дом, который техник смешно называл «курзалом».

Шли дни, а рабочих из города все не было. Техник

недоуменно покашливал, разводил руками. Увлеченный работой, Демьян, казалось, не думал об этом, мало ли что — дали слово, да испугались непроходимых дебрей и таежного гнуса.

Утрами, просыпаясь, Демьян обходил растущую, с пятнистыми, в спешке плохо отесанными боками, стройку, обходил ее кругом раза три, похрустывая свежим щепьем под ногами, и улыбался уголками глаз молодому июльскому солнцу.

Надеждой на благополучное завершение стройки, надеждой на то, что он на славу выстроит домище для надломленных работою ребят — и близких, и дальних, и теперешних, и будущих, — жил старый плотник. Особенно теперешних... раненых — недаром штаб загодя торопится выстроить таежный лазарет. От этой мысли делалось холодно под сердцем. Но тут же горделивая теплая волна вытесняла этот холод: одному ему оказано высокое доверие, ему одному открыта тайна. Пусть Роман Иванович, пусть техник и все прочие думают, что они строят какой-то курзал. «Для этого, товарищ инженер, можно постараться», — вспоминались собственные слова, сказанные городскому архитектору.

Надежда Демьяна Тимофеевича росла и крепла. Прочной уверенностью становилась она с каждым новым бревенчатым звеном.

Но из города не было вестей, и это тяготило. Одному учителю, уходившему после месячного лечения в город, Демьян Тимофеевич наказал зайти в строительную контору к инженеру, рассказать, как подвигаются дела на источнике и чего не хватает для более успешного развертывания и ускорения работы. Кроме демьянова словесного наказа, учитель унес с собою краткое донесение на имя городского архитектора, написанное техником на листке из записной книжки. В донесении техник просил подкрепить кульдурцев рабочей силой, инструментами, материалами «ввиду неприбытия договорившихся плотников и ввиду развития работ». По просьбе Демьяна в конце листка техник приписал: «как там вообще насчет спокойствия?»

Вместо ожидаемого подкрепления инженер прислал с нарочным бумажку: «Плотник Коломийц в срочном порядке отзывается с курорта... должен немедленно сдать все производство работ технику Гриневичу».

Больше, кроме знакомой подписи инженера Романа Ивановича, ничего в бумаге не значилось.

Демьян Тимофеевич вертел в руках приказ начальника строительной конторы. Глаза его глядели, не мигая, куда-то мимо техника, как бы ища ответа в провалах меж темно-зеленых насупленных гор. Приказ инженера породил смятение в душе плотника.

— Почему?.. Зачем?.. Что за причина? — спрашивал он скорей самого себя, чем техника.

Гриневич, подражая инженеру, вздернул плечами.

Этот жест неожиданно нарушил душевное равновесие плотника. Демьян Тимофеевич обозлился, покраснело его обветренное лицо. Он осыпал самого себя упреками: «Зачем было болтать о каких-то хоромах для рабочего человека этой немчуре... хитрой лисе, двадцать лет лизавшей зады толстопузых отцов города! Это он укусить нас хочет, стерва, якорь его задери! В самое сердце укусить, ужалить... Но посмотрим, посмотрим, Роман Иванович, — кто кого!»

Техник глядел на молчавшего Демьяна, на его красное лицо и крепко сжатые кулаки. Дружелюбно хлопнул плотника по сутулой спине.

— Жалеешь, старина, хороший заработок? Да, брат, жалко... Славно мы с тобой поработали. Рехнулись они там, что ли?

— «Хороший заработок?» — Демьян улыбнулся снисходительно и мягко, — где ему, технику, понять. Ничего больше не сказал, повернул к Гриневичу широкую спину, пошел в шалаш собираться...

Ваське Демьян Тимофеевич велел оставаться на ключах — надеялся твердо на скорое возвращение — и тронулся в путь...

В городе, в строительной конторе, сказали, что инженер выехал куда-то на несколько дней, а зачем и почему снял плотника Коломийца с работы на Кульдуре — никто не знал. С тяжелой головою, полной самых подозрительных против «немчуры» мыслей, поднялся Демьян Тимофеевич наверх, к комиссару. Но оказалось, что даже комиссар не знает, зачем его, Демьяна, сорвали с места.

— Кто ж у вас тут чего знает? — вскипел Демьян и прямо глянул на комиссара. — Где инженер?

— Выехал на копыловскую дачу, постройки под лазарет осматривать.

Демьян припал на локоть к самому уху комиссара, сощурил левый глаз, что у него всегда выражало значительность предстоящего разговора:

— А ты наверняка, товарищ комиссар, знаешь, что он дачу осматривает? Наверняка?.. А может, навстречу офицерью поехал?

Комиссар, полнолицый парень в кожанке, откинулся на спинку кресла и благодушно улыбнулся:

— Пустое, старик. Не сбежит... Покуда некуда.

— Ты не ручайся! — снова закипятился Демьян. — Я вот никак в толк не возьму: зачем самовольно с работы сдернул да сам удрал?.. А ведь каков: «в срочном порядке!» Вот тебе и срочный порядок. Ты мне это как растолкуешь?.. Может, он уж в Сахалин, на китайскую сторону, махнул, а напоследок взял да и... Вот, мол, вам, кушайте, товарищи!

— Подозрительный ты, оказывается, товарищ Коломийц. Тебя голыми руками не возьмешь.

— И не дамся, будь покоен... И дурак же я был: перед отъездом на Кульдур распинаясь ему о... словом, распространялся насчет... дворцов. Стыдно вспомнить.

— Дворцов? — заинтересовался комиссар.

— Да... О будущем это я. Просто под старость мозга расходилась. Раз, мол, наша взяла — будем для отдыха дворцы настоящие строить...

— А-а! — протянул полнолицый в кожанке, и огонь интереса погас в его глазах. — Рано ты это. Сперва повоюем, старик.

— И повоюем, если понадобится. Труса праздновать не будем! Я уже сбегал в штаб: готовимся встречать японцев что надо. Говорят, из Владивостока идут. Не по вкусу, видать, ихнему микаде наша рабочая власть.

— Вот видишь, а ты строить размахнулся. В сопки собираемся. Ты пока отложи свои «дворцы» в сторону и валяй на пункт, чтоб зря не сидеть, там ремонт кой-какой нужен. Спроси на пункте заведующего. Он скажет, что надо делать. И еще пойдешь помогать на ремонте духовной семинарии — там лазарет будет.

— А говоришь — сопки! Нет, брат, сначала в городе подеремся. Может, не придется отступать еще. И дворцы мои не такая, значит, чепуха... Придут, либо не при-

дут — один конец: власти своей окончательно не сдадим. Раз поднялись — не упадем!.. Бывай здоров! — свертывая на ходу листок путевки на приемный красногвардейский пункт, Демьян торопко перешагнул порог комиссарского кабинета и вышел на лестницу.

...Целую неделю мотался Демьян Тимофеевич между пунктом и семинарией. Ремонтная суeta, горячка... Здесь было не то, что на Кульдуре: будто под дулами готовых вот-вот рывкнуть орудий!

«Пусть нас вышибут, — рассуждал он, глядя, как штукатуры елозят длинными белыми щетками по стенам, — пусть даже и так... Это пока только лазарет. А потом выйдет вовсе не лазарет, а, скажем, школа... Если пошарпает японская пуля — придем снова, замажем, затрем все рубцы, новые стропила подведем под разбитые крыши...»

И Демьян выводил переборки на пункте с такой тщательностью, так любовно остругивал и пригонял доски, словно это не временный барак для раненых, в котором, как его ни холь, все равно заведутся вши и клопы, а уютная квартира для него самого, собирающегося переехать сюда на долгие годы.

...Но долгих годов ни в каком смысле не вышло. Так должен был сознаться самому себе Демьян Тимофеевич однажды тихим ранним утром, когда над городом сквозь тучи едва пробилась алая перья зари. Не успел плотник закончить ремонт в семинарии — так и остались во дворе приготовленные доски, — в город, на станцию, пришли эшелоны японцев. Запестрели по улицам фигурки коротконогих смуглолицых солдат.

Еще ночью красные части тихо эвакуировались из города: сил для открытого боя не хватало. Партийная организация ушла в подполье...

«Повернулось по-старому? Не может этого быть!»

Демьян Тимофеевич не верил глазам своим. По горло занятый ремонтными хлопотами, он как-то незаметно для себя оторвался за последние дни от штаба и Совета. Он знал, что красногвардейские отряды где-то на востоке выставили заслон против японцев, что где-то далеко были жаркие стычки с интервентами и белыми, что бочкаревские большевики и железнодорожники собрались в большой отряд для отпора заморским при-

шельцам. Все это он знал и чувствовал грозную напряженность момента...

И все-таки он, Демьян, чего-то не учел, не мог поверить, что сдадут город без боя... «Эх, проморгал!.. как обсчитался! Дырявая моя черепушка, якорь ее задерж!»

И потому вот в друг — для него только вдруг! — вошли они в город... без боя, без выстрела, как снег на голову. И так все это вышло до нелепого неожиданно, что он не успел спрятать разбросанные во дворе семинарии плахи.

По улицам замелькали офицерские погоны — золото со зловещими черными полосками. На окраинах пронесся с быстротой молнии страшный слух: беяки, по указке предателей, арестовали уже двадцать человек, в куски изрубили захваченных членов Совета...

Надо было убираться. Три дня бродил Демьян по городу, избегая людных улиц и опасных встреч — мудрено ли нарваться на «своего» доносчика. Он тщетно старался восстановить утерянную, так неожиданно оборвавшуюся, связь с товарищами. Ничего не выходило: одни товарищи ушли в сопки, другие отсиживались по конспиративным квартирам, глухо молчало подполье...

Одно оставалось — бежать. И Демьян Тимофеевич, крепко обняв малышей и заплаканную жену, двинулся сырой предосенней ночью мимо огней вокзала, в холод и мрак безлюдной равнины.

На Кульдур, к горячему ключу, выручить сперва Ваську и уже с ним идти к своим, к товарищам, рассеянным по тайге. Пусть их лежат до его возвращения раскиданные по двору плахи! Он соберет их, когда вернется. Они наверняка уцелеют до него. Он ведь скоро, очень скоро снова будет хозяином!

Тревоги за оставленную в городе семью не было: никто ведь не знает их.

Демьян Тимофеевич зашагал вдоль насыпи на Бочкарево.

На Кульдуре все по-старому. Те же мрачные темно-зеленые горы, роскошная нездешняя красота растительности вокруг острова... грязно-серые палатки и шалаши из корья. Но дом, его, демьяново детище, еще

выше, еще заметнее вытянулся вверх, и уже успели прорубить окна и пристроить террасу... Стропил, правда, все нет. Рассуждая сам с собою о том, что, должно быть, никто из подручных не рискнул без него взяться за это сложное дело, которое не каждому-то и дается, а также о том, знают ли кульдурцы о захвате города японцами, Демьян Тимофеевич носом к носу столкнулся с белобрысым инженером.

Диковинная встреча! Демьян, прокашлявшись, чтобы скрыть смущение, нарочито спокойно поздоровался: — Здравствуйте, Роман Иванович!

Инженер глянул на плотника, на его пропыленную кепку и сапоги, ничего не ответил и холодно отвернулся.

Демьян раскрыл рот:

— Неужто забыли?

И, зло прищурив глаз, переменявшись в лице:

— Вот так здорово живешь!.. Чудеса!

Инженер, не оглядываясь, шел дальше, ускоряя шаг.

— Ну, ладно, будем незнакомы, — процедил Демьян в сердцах. — Верно я тогда говорил комиссару!

Так вот он какая птица, этот Роман Иванович! Подозрительно скрылся из города перед самым поворотом, зачем-то сорвал с постройки, теперь неожиданно-негаданно объявился здесь... «Неужели?»

— Вот оно што... Как бы не так! — пробурчал Демьян Тимофеевич. — Так-то я тебе и дался... Ухо остро, товарищ Коломыйц!

Демьян готов был теперь об заклад биться, что инженер знает о приходе белых и японцев... «Иначе признал бы меня сразу. Метит отыгратъся за мой счет, загладить вину — как-никак у красных служил... Хоть месяц, два, да служил!.. У, трусливая шкура!» — закончил уверенно Демьян Тимофеевич ход своих мыслей.

Демьян Тимофеевич спасается бегством

Первую ночь провел Демьян в шалаше у своих подручных, у плотников. Васька был тут же — здоровый, веселый.

До рассвета не сомкнул глаз Демьян Тимофеевич,

всю ночь проговорил с ребятами... Плотники уже знали о вступлении японцев в город...

Утром Демьян прочел на лице техника Гринева такую обеспокоенность и волнение, такое напряженное и искреннее ожидание беды, что тотчас же подошел к нему и начал успокаивать, ободрять. Старый плотник объяснил, что тревожиться здесь, в тайге, нечего, японцы сюда не пойдут и... лучше продолжать постройку до конца:

— Не век же японцы будут стоять, наше всё равно будет нашим.

— У меня семья, не могу, — сказал Гриневич таким тоном, словно все остальное, кроме семьи, не имело для него никакого значения.

— Я тоже семейство оставил и... ничего, с упреком произнес Демьян. — Однако, делай, как хошь...

Гриневич бросил постройку на Демьяна и в тот же день исчез с ключа. Роман Иванович, целый день пробродивший в горах с винчестером, отправился в город на следующий день. Он так и не заговорил с Демьяном, избегал с ним встречаться.

«Странно! Начальники разбежались, и, выходит, я опять здесь главное начальство...» Демьян не знал: то ли радоваться ему, то ли... как повернет судьба?

Тугие дни настали для Демьяна Тимофеевича. Каждый вечер, воюя с комарами у входа в шалаш, плотник томился неизвестностью, тоскливо поглядывал на уменьшающиеся запасы продовольствия. Много ли могли принести ребята с собою и купить здесь, на месте, у наезжих мужиков и случайных охотников? Хватит ли этого до конца работы?.. С каждым прожитым днем становилось яснее — не хватит. Но дело шло своим чередом, жадно торопился Демьян, отделявая курзал, настила полы.

Он не может нарушить приказание штаба. Он обязан... Штабу лучше известно...

Мысль была все та же: наши не дадут японцам долго засидеться, заставят уйти. Все равно, это будет наше, рабочее!

Но тотчас сомнения начинали душить Демьяна, голова шла кругом, топор валился из рук. «Уйдут... заставим уйти! А ведь для этого надо собраться с силами, ударить. Сами, по доброй воле, не уйдут... Товари-

щи контрреволюцию гнать собираются, отряды в тайге вооружают, а я... дом строю. Это как? А?»

Но как найти эти отряды в тайге? Где они есть — ничего неизвестно. Хоть бы кто принес весточку из тайги, из города! Но никто не приходил. Даже воду пить из кульдурского источника перестали люди — не до лечения, видно, теперь...

Бросить все, уйти, искать в тайге до потери сил, слиться со своими, ударить, разгромить! Демьян до хруста в пальцах сжимал кулаки, и топор казался ему разящим клинком. Но какие же могут быть поиски? По какой нехоженой тропе кинется он в беспредельную тайгу? Не бессмысленная ли трата времени и сил?!

...Стройка продолжалась. Уже заделывали плотники крышу, кончали настилать полы.

Долгих два месяца провел Демьян Тимофеевич в тяжелых мыслях, в борьбе с самим собою. Пока работал, суетился днем, споро подвигалось дело — редко приходили эти самые мысли. Но лишь надвигалась на сопки ночь — наваливалась на Демьяна тоска...

Харчи были на исходе. Демьян уменьшил выдачу сухарей и копченой рыбы. Хоть и свои ребята, а хмуро встретили плотники это нововведение. Они и без того уже злились на долгое отсутствие начальства: кто заплатит за работу и будут ли платить, раз теперь японская власть?

Демьян убеждал подручных, как мог.

— Весь трудовой народ нынче терпит, а мы — хуже? Хуже? — наступал он.

Плотники только ворчали в ответ. Демьян прибегал к шутке:

— Сюда вон какие барыньки летом наезжали... Полезная водица! Одной ею сколько месяцев перебиваться можно...

Демьян Тимофеевич категорически требовал потерпеть, даже угрожал.

...Этим утром небо было обложено сплошной пеленою туч. Сеял мелкий дождь — шла осень. Плотники — впереди всех рябой Анисим — окружили Демьяна:

— Сходи в город сам или посылай одного из нас! Пускай нам скажут, как работать дальше... дают денег, харчей.

— Харчей нам хватит...

Анисим резко шагнул вперед:

— Хватит? Сколь у тебя сухарей?

— Я говорю, ребята, по норме ежели — до конца дотянуть можно. Контора не забыла, что на ключе люди работают.

— До того им сейчас, конторе твоей!

— «Люди работают!» А почему глаз не кажут? По-разбежались, верно.

— Японцам нет дела до нашего курорта. Конторуто, поди, прихлопнули в первый же день — они не строить к нам пришли, а помогать белогвардейцам давить нашего брата.

Демьяну Тимофеевичу и самому были ведомы эти сомнения. «Может и впрямь бросил их инженер-предатель на произвол судьбы погибать в тайге с голоду. Но в инженерере ли сейчас дело. Штаб... вот! Но где он?»

Ни разу за все эти трудные дни не высказывал Демьян ни плотникам, ни сыну Ваське своих терзаний — таил при себе. И оттого, что таил, казался твердым и понимающим.

«Уйдут, бросят... заставлю!» — кипел он, стоя перед плотниками.

— Вот что, ребята, — это мое последнее слово: ждем еще неделю. Если контора не пошлет к нам людей, я еду в город. Больше ждать не станем... Последнее мое слово!

Сказал и повернул к палатке — взять инструменты. Плотники каждый пошагал на свое место...

К полудню приехал верхом, как и в первый раз, техник Гриневич. Но сейчас он был не один: следом за ним, тоже верхом, трусил какой-то седок, — видать, не умелый.

— Японцы стоят?.. Красные как, где?.. Что ж вы забыли совсем нас? — кинувшиеся навстречу плотники засыпали вопросами, обступили всадников.

Гриневич, обращаясь к Демьяну, отвечал скороговоркой:

— Забыли не забыли, а такие дела: красные в тайге начали шевелиться, два уж раза нападали на японские эшелоны. Меня к вам Роман Иванович последний раз послал, переводит в другое место. Сюда едет другой техник, — в этом месте Гриневич запнулся, — другой техник... из офицеров... По фамилии Ветошкин.

— С солдатами, дяденька, офицер-то? — крикнул Васька, вывернувшись из-за спины отца.

— С артелью... — нехотя отозвался Гриневич.

— Из офицеров? С погонами? — спросил Демьян — Что ж они, якорь их задери, надолго думают обосноваться, если строить собрались?

Техник неопределенно улыбнулся.

— Насчет харчей что слыхать? Отощали чисто, — простуженно заскрипел Анисим.

— Ветошкин везет всего вдоволь.

— А этот кто будет? — снова выскочил Васька, показывая пальцем на спутника Гриневича.

— Это фельдшер. Сюда нанят для большой артели. В попутные мне попросился, ему все равно когда... Вдвоем безопаснее... Самарин.

— Здорово, ребята! — просто поздоровался Самарин, до сих пор не проронивший ни слова. Он непринужденно кивнул, расцвел улыбкой и неожиданно ловко спрыгнул с коня...

Анисим пошел варить чай для приехавших. Демьян отвел техника за рукав в сторону, сощурил левый глаз:

— Всерьез, говорю, обосновались?... А разве это им и для них строено? — кивнул он на белые стены. — Не отдам!

— Не горячись, Демьян Тимофеевич... Не придется тебе... Мы с тобой не первый год знакомы, плохого друг другу не делали, — Гриневич огляделся и снизил голос до шепота, — поэтому под страшным секретом предупреждаю: тебя в городе ищут... Думают, давно смылся отсюда... Тебе придется уходить. От нового техника жди беды. Почему — сам догадываешься. Понял? Больше нечего не скажу... Смотри — ни одной душе об этих словах. Иначе зарежешь, а у меня семья.

— Не бойся... Спасибо тебе.

В эту ночь Демьян не спал, выходил несколько раз из шалаша. В темноте, на фоне черных сопок, высился курзал — его детище, его гордость, его надежда на будущее. И это выстраданное детище чужие, враждебные люди намереваются у него отобрать — не будет этого! Он пойдет войною на этих воров, на этих грабителей, с оружием в руках защитит свое право строить для себя... Слов нет: больно покидать то, что считал

своим, оставлять врагу, хотя бы временно, но покинуть надо.

Приехал Ветошкин с пятнадцатью рабочими. Это был черный, как жук, человечек с раздвоенной бородкой; глядел он исподлобья, точно ощупывая, желая заглянуть в самое нутро. На Демьяна Тимофеевича он смотрел не мигая несколько минут.

— Старший?

— Да.

— Демьян Коломийц?

— Он самый.

По смуглому лицу офицера пробежала тень глубоко запрятанной ухмылки. Демьян Тимофеевич, пощипывая рыжий ус, стоял против врага лицом к лицу, в двух шагах... «Обрадовался — у него в руках! Хороша ваша указка, Роман Иванович!..»

Демьян сдал все дела, записи, инструменты, материалы новому начальству. После этого велел Ваське взять расчет и выехать в город, к матери. Для таежных скитаний паренек еще слишком хлипок, — так рассудил Демьян Тимофеевич, отменяя свое прежнее решение насчет Васьки. Ваську не стали задерживать, и мальчуган уехал с Кульдура вместе с Гриневичем, возвращающимся в город.

Демьян почувствовал, что руки у него совсем развязаны, но он не уходил с ключа. Две ночи подряд не спал он — собирал в кучу рассыпанные мысли. Это не были прежние сомнения. Теперь виднелась одна дорога... Но думы его относились к тем, кто месяцами бок о бок с ним ворочал тяжелые бревна будущего курзала. Неужто так просто, ни слова не говоря, кинуть их?.. Не только мысли собирал Демьян Тимофеевич: в крайней по острову палатке он собирал людей — и старых, и тех, что привез Ветошкин... Обе эти работы шли одновременно и напряженно. Впервые за всю свою уже немолодую жизнь Демьяну приходилось шагать по этому необычайному, но единственному пути: чтоб сколотить в единой воле людей, нужно было сцементировать собственные мысли, отточить их каждую в отдельности и убеждать, убеждать. С непривычки это было трудно. Кем был он до сих пор? Сызмальства, с той поры, как его отец ушел из деревни, — плотник, прос-

той плотник. И только шумные митинги последних месяцев будто ударили ему в сердце, подхватили и понесли... В митинговых речах понял он впервые, где его правда. Особенно памятен ему один митинг, после которого Демьян стал захаживать в Совдеп: на досчатой трибуне стоял кудрявый парень и, взмахивая копною волос, читал статью главного большевика — товарища Ленина...

Но некогда предаваться воспоминаниям Демьяну Тимофеевичу.

— Вот бы так за душу их взять, как тогда Ленин меня, — вздохнул он.

В палатке этими ночами шел несмолкаемый разговор.

— Ладно-то ладно, Демьян Тимофеевич... а где мы оружие возьмем?

— И где добудем харч на всю эту ораву?

— Японцы не дадут нам выйти на линию и перемрем мы без одежды, как мухи... Зима скоро.

— Много ли партизан в тайге? Как найдем их? — сыпали вопросами из темных углов палатки бледные, взволнованные парни.

В первую ночь, на рассвете, в палатку бесшумно вошел фельдшер Самарин. Демьян как раз говорил. При виде постороннего старый плотник прикусил язык.

— Что ж замолчал, Коломийец?.. Все равно я все слышал, — Самарин улыбнулся приятной своей улыбкой. — Не бойся! И, шагнув на середину палатки, фельдшер без спроса, без приглашения сказал: — Я с вами, товарищи!..

Самарин продолжал ночной митинг.

Все это произошло столь неожиданно, так взволновало и приободрило всех, что плотники, стихнув, впились глазами в худошавую фигуру оратора...

Оглядевшись на новом для него месте, Ветошкин на третий день собрал рабочих перед террасой курзала. Никто не знал, что скажет начальник.

Ветошкин вытянул руку в сторону Демьяна и резким визгливым голосом приказал:

— Вяжите Коломийца! Его в городе давно ждут!.. Большевик он, ребята... Красная сволочь, погубившая родину!..

Никто не шелохнулся. Грязноблужные мужики с топорами в руках стояли плотной стеною с сурово сжатыми челюстями.

— Что ж вы... — осекся и побледнел Ветошкин.

Фельдшер Самарин, высокий и худой, с матовым лицом, сделал броский шаг вперед:

— А то!.. Никто не станет вязать Коломийца. Друзья!..

Ветошкин спустил в кармане предохранитель браунинга, но наружу его не вытащил. Понял он, что выстрел его, даже самый вид оружия, будет роковым для него сигналом. Круто обрывая фельдшера, закричал:

— Расходись! Арест Коломийца отменяю. Слышите, — отменяю! Все по своим местам!

Люди облегченно вздохнули, некоторые неприметно ухмыльнулись: наша берет!

На ночь Ветошкин заперся в пустом курзале...

В рабочих палатках и не думали располагаться на ночлег. Сидя у костра, Демьян Тимофеевич спрашивал:

— Сейчас его возьмем или повременим?

— Вооружен. Видали, какая у него винтовка? — заметил из тьмы осторожный голос.

— Перестреляет, как кур, из окошка. Закрылся...

— Дом подпалить!

— Я те дам подпалить! — вскинулся Демьян Тимофеевич.

— Я не рекомендую сейчас затевать это... Лучше уйти в тайгу, — посоветовал фельдшер. — Если убьем Ветошкина, все равно придется уходить, но только тогда и постройку в отместку сожгут... Далеко ли до железной дороги, до белых, а до красных — кто скажет.

Резонное слово Самарина пришлось всем по душе.

—...Оружие мы добудем у железнодорожников, одежду на зиму линейские тоже дадут. В деревнях будут кормить мужики, — говорил Демьян. Это он как бы отвечал на вопросы колеблющихся.

А наутро Ветошкин скрылся. Никто не знал — куда. Демьян и фельдшер держались одного мнения: побуждал вызывать отряд «для умирения бунта».

И они не ошиблись.

Ветошкин прискакал на взмыленном коне на станцию Биракан, влетел в аппаратную:

— Телеграмму! Срочно!.. «Облучье. Начальнику милиции капитану Доронину. Приезжайте с нарядом в двадцать человек арестовать плотника Коломийца и фельдшера Самарина на кульдурском источнике. Промедление грозит захватом Кульдура большевиками. Ветошкин»...

Выпалив единым залпом текст телеграммы, Ветошкин устало бросился на скамью.

Пока он отдыхал, поджидая милиционеров с Облучья, начальник станции Еремеич, лысый добродушный старик, помогавший народу, как говорили его друзья, еще в пятом году деятельным участием во всеобщей стачке железнодорожников, снарядил верхового гонца на Кульдур. Надежный человек должен был предупредить Коломийца и Самарина о грозящей им опасности. Еремеич, на их счастье, присутствовал при передаче ветошкинской телеграммы.

Побросали кульдурцы работу, обступили незнакомого парня, посланца с Биракана.

— Моя правда, товарищи: надо уходить, — сказал Демьян Тимофеевич, надевая котомку на плечи. — Будем ли мы ждать, пока беляки перешелкают нас как куропаток, или отвезут в город под плети казачья, или отдадут япошкам на измывательство, или сгноят за решетками в тюрьме?

Не трогались товарищи, не сдвинулся с места и фельдшер Самарин, а Демьян уже уходил — беляки не давали сроку.

— Что же вы стоите на свою погибель, якорь вас задери! — кричал и махал руками старый плотник уже издали...

Рабочие не шли. Самарин, на которого обращены были сейчас все взоры и который чувствовал колебание этих простых и доверчивых людей и знал, что скажи он одно слово: «вперед», бросятся все, как один, в тайгу за Демьяном, — Самарин потушил внезапно огонь своих белесых глаз. Матовое его лицо будто покрылось серым пеплом. Оголенным представился ему вдруг недостроенный курзал, голодная и бездомная толпа преследуемых и безоружных, ведомая рыжеусым плотником и фельдшером, горожанами, не знающими своенравных законов тайги.

— Останемся... Будь что будет! — прошептал он...

А вечером, когда Демьян Тимофеевич был уже далеко, палатки оцепил отряд белой милиции.

— Кто Коломийц? Выходи!

— Нету его, — отвечали в один голос плотники. — Ушел.

— Куда ушел? Почему? Куда, я вас спрашиваю! — надрывался в темноте и махал руками обозленный неудачей Ветошкин.

Выгнанные из палаток рабочие сгрудились в тесную кучу.

— Укрываете! — орал Ветошкин.

Плотники молчали.

— Арестуйте фельдшера Самарина, — распоряжался Ветошкин. — И вот этого... и этого... и вон того... — он тыкал пальцем в грудь случайных, первых попавшихся на глаза рабочих в толпе.

...На Биракане Демьян решил не задерживаться — каждую минуту ожидал погони. В тот же день он подался на соседнюю станцию Кимкан.

Адрес к кимканским «сочувствующим большевикам» дал все тот же бираканский начальник Еремеич. Лучистые его глаза в ореоле мельчайших морщинок будто подбадривали Демьяна.

Он идет добывать оружие

Это был верный, но не легкий путь.

По Амурке стучали колеса японских эшелонов. На каждой станции по рабочим квартирам и дежуркам шныряли шпики и золотопогонники, хватали всех, кто возбуждал малейшее подозрение — кондукторов, смазчиков, станционных сторожей, забирали их в свои вагоны и увозили. На каждой почти станции были расклеены скучные серые плакаты, призывавшие к защите «единой, неделимой России от средневекового варварства большевиков».

На тихом разъезде между Бираканом и Кимканом, у коричневого домика с красной завалинкой, на старой березе качалось тело станционного сторожа. Бородача мерно раскачивал ветер. По другую сторону полотна, и тоже на березе, была повешена старуха, должно быть,

жена сторожа. Она страшно распухла, казалась стопудовой. Воздух струился в этом месте сладковатым гнилым запахом. Тут же, у домика, бродила бесприютная корова. Испуганное ее мычание, ее тщетный зов пугал воробьев и галок на вершинах берез...

Было уже темно, когда Демьян Тимофеевич добрался до Кимкана. В окнах желтели огни. Осторожно постучался Демьян к дорожному мастеру. Ему открыли.

При свете семилинейки Демьян увидел за столом дородного человека, полные щеки которого густо покрывала давно не бритая щетина. Маленькие глазки мастера смотрели прямо, в упор.

— Я от Еремеича,—просто отрекомендовался Демьян, и сел на табурет...

И поутру Демьян Тимофеевич ремонтным рабочим вышел на линию с ломом и лопатой в руках. Действовать нужно было с крайней осторожностью — мастер предупредил об этом. В других местах, слышно, тоже работают с оглядкой, медленно, копят силы, ловко пробираются сквозь бело-японские кордоны и рогатки.

Три недели проработал Демьян Тимофеевич на ремонте пути и за эти недели достал лишь две берданы. Мастер приводил к себе на квартиру двух токарей с деповской станции Облучье, и те согласились передать Демьяну оружие: сами они находились на подозрении у контрразведки и надо было сплавить оружие в безопасное место. Демьян Тимофеевич спрятал берданы под корнями молодой елки в двух верстах от станции.

Однажды под вечер на ремонт прибежал рабочий Васильев. Он был неизменным участником ночных собраний у дорожного мастера, и Демьян успел уже подружиться с ним.

— Приехал, Тимофеич, милиционер с Биракана. Спрашивает Коломийца...

— Меня?!

— Живее до мастера!.. У Ветошкина и здесь нашлись глаза и уши.

Демьян Тимофеевич припомнил — дней пять назад подле ремонтных вертелся молоденький, невесть откуда взявшийся паренек, а потом ребята видели его в Облучье в милицейской форме. «Узнал, расчухал! Надо подаваться...»

И когда милиционер прибыл на ремонт, чтоб арес-

товать бежавшего с Кульдура плотника, Демьян, получив через дорожного мастера расчет и провизионку, катил уже на Бирю.

Белый преследователь гнался по пятам: он вскочил вслед Демьяну во владивостокский экспресс. Но след Демьяна уже потерялся в тайге.

Неведомыми местами, переваливая через хребты, через топкие мари, кинулся Демьян Тимофеевич с Биры, шел наугад, весь в одном стремлении — наткнуться на своих, хоть на небольшой отряд своих. Но кругом на много верст глухо молчала осенняя тайга. Другие Демьяны с таким же упорством, с той же сторожкой тревогой бродили где-то в иных местах, и каждому в одиночку приходилось начинать тяжелое, но великое дело борьбы за власть Советов. Начинать сызнова, — предатели и трусы постарались, чтоб отступившие из города красногвардейские части попали в кровавые силки вражьих засад и осколками рассеялись по всей тайге...

Демьян Тимофеевич не унывал. Пусть ему пришлось бежать, пусть! Он знал крепко, знал не только умом, а всем нутром своим, что соберет он людей. Соберет и ударит на врага. Пусть красные полки растаяли, пусть в области нет еще больших партизанских отрядов — они будут...

Тайга уже оплешивела, оголились березняки, осинники и редкие дубняки, и золото осени шуршало под ногами плотника. С сопки по утрам тянуло холодом — пронизывающим и сырým.

После трехдневного блуждания Демьян Тимофеевич вышел на знакомые места. Он узнал окрестности кульдурских горячих ключей. Но у этой вот сопки, по склону которой тянулась перепутанная заросль дикого винограда, у сопки, где раньше царило безмолвие, слышался гомон людского жилья.

Откуда здесь, у подошвы горы, взялась стайка солдатских палаток?

Застучало сердце в груди плотника — свои или чужие?.. Спустился по склону, подошел к крайней палатке. Оттуда вынырнула юркая фигура. Мигом очутился перед самым носом Демьяна помятый какой-то офицеришка с суконными погонами — посередине чер-

ная полоска во всю длину погонов и четыре серебряные звездочки на каждом.

«Бежать!.. Пуля в затылок догонит... поздно!» — мелькнула мысль, и Демьян Тимофеевич приветливо улыбнулся.

— Ты кто? Откуда?

— Охотник.

— А где ружье? Разве охотники без ружья?..

— Бывают, господин капитан... Ружье у меня в зимовье... тут неподалеку.

— Разве что...

Офицер смотрел смеющимися добрыми глазами, словно говорили эти глаза: «Знаем мы, какой ты охотник, да уж ладно». И все лицо офицера было такое же смеющееся и добродушное, и погоны, и наган сбоку шли ему, — отметил Демьян, — как корове седло. «Не настоящий... не вредный, видать. С этим не пропаду», — приободрился старик.

Офицер продолжал спрашивать, как бы от нечего делать, точно из праздного любопытства:

— Ты сам-то откуда? Как звать?

— Я раньше в деревне жил, хозяйствовал, а потом бросил. Теперь охотой промышляю. В Архаре у меня домишко свой. Сам поставил — плотничать мало-мало умею, — врал Демьян Тимофеевич.

— Плотничать умеешь? — офицер заинтересовался и чему-то вдруг обрадовался. — Вот находка!.. Да звать-то тебя как, чудак?

— Степан... по имени.

— Степан? Ладно, Степан. Ты мне здорово пригодишься. Мне тут нужно барак из теса поставить для своих людей.

— А для каких людей, для солдат что ли? — рискнул Демьян Тимофеевич.

— Для бывших солдат, дружок. Это все бывшие — теперь инвалиды. И я инвалид германской войны... Да, дружище, штабс-капитан Шутц стал инвалидом и никуда не годится... Вот привел по распоряжению начальства свою команду на целебный ключ. Но места для нас там уже нет, велели здесь строиться. Холодно, брат, в палатках, барак нужен, а плотников не дают... А хорошо в тайге! — совсем неожиданно закончил штабс-капитан.

«Удери! — твердо решил Демьян Тимофеевич. — Ради этих времени дорогого терять не стану». Однако спросил для пушей осторожности:

— А где же тес для барака, где инструменты возьмем, гвозди?

— Об этом не беспокойся: начальник на ключе, Ветошкин, обещал. Он, брат, такое кадило с постройкой раздул: и плахи пилят, и все... Пойдешь к нему с ребятами от моего имени.

Положение становилось явно угрожающим. Услышав фамилию своего преследователя, беспощадного врага, Демьян весь внутренне подобрался.

— Я, господин капитан, на ключ не пойду. Помилосердствуй, дай старику отдохнуть денек. Пускай твои ребятки без меня за тесом сходят. Дай им записку или как...

А мысль твердила: «Все равно удери».

Минута, пока офицер, что-то раздумывая, собрался с ответом, показалась Демьяну Тимофеевичу целым годом.

— Ладно, будь по-твоему. Отдыхай себе.

Страшная минута осталась позади. А штабс-капитан, пристально изучая своего собеседника, чему-то хитро и таинственно улыбался и, показалось Демьяну, даже подмигнул...

Второй день стучал топором Демьян Тимофеевич. Двадцать солдат-инвалидов помогали ему пришивать доски барака. Вот уж скоро и крыть можно. Весь барак, сшитый на живую нитку, уже белеет свежим деревом боков меж сосен и лиственниц.

Нетрудно бы и убежать Демьяну — никто не стерег его. Но инвалиды! Демьян Тимофеевич частенько среди работы, будто невзначай, прислушивался к их отрывочным, с оглядкой, разговорам, присматривался. «Нет, здесь что-то не так». Но что именно — раскусить не мог.

«Вот заполучить бы их... в отряд. Всех до единого!» — пришла однажды внезапная мысль, подводящая смелый итог его наблюдениям. Это было больше, чем подарить врагу наскоро сколоченный барак, и Демьян Тимофеевич не торопился с бегством.

Это были все люди из дальних мест, недовольные

и злые, но такие же, как он сам, рабочие: здесь были землекопы, два каменщика, хлебороб с Украины, лесорубы и один даже слесарь Коломенского завода.

Исподволь, загадками и присказками повел Демьян Тимофеевич свои речи. Вечером он забирался в палатку, устраивался между коломенцем и украинцем — и давай рассказывать им разные, подчас веселые, смешные истории.

— Ну и ну, — хохотал украинец. — Добры же твои сказки!

На третий же день Демьян Тимофеевич, расположившись между инвалидами на ночлег, сочинил такую басню:

— Жили-были на свете два черта, белый и красный, и вот заспорили они как-то: кто сильнее. Красный черт и на черта-то вовсе не походил, зато белый — сущий дьявол, никому житья от него не было... Заспорили, значит, сцепились рогами... И как увидал красный, что белый обломил ему рог, кинулся в лес. А лес-то ему вот до чего знаком! Бежит он по лесу, аж треск идет. Друзей кличет, всюду у него друзья, потому — ласковый, праведный черт. Крикнул елочке, мохнатой колдунье, а она ему всеми сучьями на лоб, новые рога выросли вмиг, гуще прежних... штыки — не рога. Сбежались сосенки, березки, путанные травы навстречу белому вышли. Хорошему-то, хоть и черт, везде подмога!.. Влетел белый злой черт следом за красным в лес, испугался: в лесу еще не доводилось ему бывать. Травы за ноги цепляют, путают, двинуться не дают. Сгрудились сосенки, крепкими ветками в бока пыряют. Стеною дорогу заслонили, окружили со всех сторон и повалили белого чертяку в траву, пригвоздили тысячами сучкастых рук к земле, испустил он дух... Вот что значит в лесу друзей иметь...

— И сказке конец? — спросил каменщик.

— Как хочешь: может, конец, а может, начало, — отозвался Демьян Тимофеевич. — Белому-то черту, видать, не жить на свете...

Антонов, молодой слесарь из Коломны, первым откликнулся на прозрачные намеки Демьяна.

Ночью, после демьяновой сказки, он потянул плотника за рукав, шепнул:

— Выйдем...

Оба покинули палатку, будто по нужде сошлись в кустах. Со сдержанной радостью, приглушенным голосом заговорил Антонов:

— От кого побасенку эту о красном черте слышал?.. Или сам придумал? — карие глаза его поблескивали в темноте, глядели пытливо.

— А ежели сам, тогда что?

— Тогда! Тогда ты знаешь... все знаешь о лесе, где красного черта подмога ждет. Правда?.. Ты не бойся меня: я пленный красногвардеец... пулеметчик.

— Красногвардеец! Свой! — не удержался Демьян Тимофеевич.

— «Свой?» Так ты... — волнением захлебнулся Антонов, вплотную приблизил свое лицо к лицу Демьяна. — От самого Иркутска ищу я своих... Где отряды? Скажи!.. Хоть сейчас готов идти. Унесем две-три винтовки... Видишь — я не инвалид, чтоб водичкой лечиться... случайно к этой команде припаялся. Всего одна рана в левую ногу... Долго провалялся в госпитале. Если б не это, давно был бы по ту сторону фронта... за Уралом.

Скачущая, не очень связная речь, неподдельное волнение... Захолонуло сердце Демьяна — это похлеще басни о красном черте!

— Винтовки, говоришь?

— Да, в команде есть десять винтовок. Можно у сонного Шутца забрать еще наган... Уйдем ночью — никто не хватится.

Волнение Антонова передалось Демьяну — это несомненно свой.

— Ладно, товарищ!.. Все-таки, как тебя угораздило из-под Урала?

— Попал в плен, раненый... Пока метался без памяти, в жару, фронт ушел далеко, наши отошли... А потом колчаки повезли нас в Иркутск.

— Значит, жмут наши из-за Урала? А?

— Еще как! Скоро здесь будут. Какую этим гадам! Скоро!

С какой несокрушимой убежденностью произнес эти слова Антонов. Точно омолодела вдруг душа Демьяна — новые силы перекачивал в него коломенский слесарь, веру и крепость тех, кто там, за тысячи верст, разил врага в степях Украины, в безмерных просторах

Сибири... Те, настоящие, железные, непременно придут. Придут рабочие колонны Ленина...

— Что, обрадовался, старина?

Демьян безмолвно тряс руку нового своего соратника, неожиданного друга.

— Обрадовался? — повторил Антонов, и тут же его лицо приняло обычное сосредоточенное выражение. — Только не забудь: у этого Ветошкина на ключе, в одной версте отсюда, стоит японская рота.

— Вот так новость для меня!.. Ничего, якорь его задержит! Посмотрим еще!

В случайном разговоре узнал Ветошкин от штабс-капитана Шутца о рыжем плотнике, построившем барак. Рассвирепел, исподлобья ел Шутца глазами... мысленно обозвал его дураком.

— Это же Коломийц, большевик, о котором давно веревка плачет! Он бежал отсюда, его контрразведка ищет... Вот он кто, этот ваш самозванный Степан!.. И как вы только молчали до сих пор, капитан, не понимаю!

— Откуда мне было знать о каком-то Коломийце? — резонно возразил Шутц.

Через час японская цепь рассыпалась вокруг лагеря инвалидов. Неслышно подошли японцы, обложили мертвым кругом барак и палатки — ни одной лазейки не оставили Демьяну.

Вечерело... Солдатам приказали дожидаться темноты и без шума, без переполоха и жертв, взять большевика живьем. Чего доброго, большевик забросает бомбами, взорвет на воздух весь лагерь вместе с собой!.. Краснели за кустами околыши, солдаты не шелохнулись, затаили дыхание... Три десятка вооруженных людей ожидали, когда уснет большевик.

Но Демьян не уснул. Перед вечером Антонов, выйдя до ближайших кустов, наткнулся на японскую цепь. Грозный окрик перепуганного японского солдата заставил его вернуться в барак, куда инвалиды только что, несколько часов назад, переместились из палаток.

Антонов тотчас же отвел Демьяна в сторону и сообщил ему о своей встрече в кустах.

— Эге-е! — понимающе прищурился Демьян Тимофеевич.

И лишь стемнело, вынесли они незаметно из угла барака две винтовки и бежали в тайгу, перемахнув через оторопевшего японского солдата, лежавшего в овражке.

За зверя ли какого, за медведя ли принял он их, но только растерялся, и это их спасло.

Вслед им хлопали беспорядочные выстрелы, и пули шлепались о стволы сосен.

Поздно! Ушли!..

Пять суток — и день, и ночь — бродили они по тайге, по сопкам. На часок-другой засыпали перед рассветом в непролазных чащобах, в лощинах, не рискуя разводить костры. Впопыхах Демьян Тимофеевич забыл в бараке свою котомку с сухарями, и все эти дни они питались кедровыми орехами, шишек в тайге довольно, да студеной водой горных ключей. Редко-редко попадались полянки осыпавшейся брусники.

Антонов сильно страдал от голода. Все эти пять дней Демьян двигала вперед все та же мысль — напасть на след партизан. Антонов безумолку говорил о Москве, о заводах, о большевиках, о Красной Армии, и в тех речах старый плотник черпал растущую уверенность: они найдут, кого ищут, не может иначе быть. В сущности, у старика не было особых тревог, кроме тревоги за слабеющего товарища. «Надо выбираться, — сказал себе Демьян Тимофеевич в конце четвертого дня, вглядываясь в осунувшееся лицо слесаря, — поху-дел с непривычки».

Долго вел он прихрамывающего на левую ногу Антонова старой, брошенной просекой, заваленной буреломом. В конце просеки стояло зимовье. Вокруг него расступался лес, и косогором шло книзу небольшое поле. Здесь в летнюю пору жила вдова Пантелеиха, это ее летний хутор, от таежной деревушки пятнадцать верст.

Тихо подошли они к хутору. С часок полежали в густом кустарнике: неровен час, нагрянут... Сквозь раскрытое окно видно — возится Пантелеиха с ребятишками на полу, не то картошку перебирают, не то еще что...

— Никого нет, идем, — сказал, подымаясь, Демьян Тимофеевич.

Круглое лицо Пантелеихи расплылось в улыбке.

— Демьян Тимофеевич! — воскликнула она.

Ребятишки бросились по углам. Вдова без дальних разговоров загремела самоваром.

Напоила-накормила Пантелеиха дорогих гостей, подала им горячие щи в чугушке и картошку, жаренную в масле, и когда Демьян, насытившись, обтер усы, робким, извиняющимся голосом попросила:

— А ты ко мне больше, Демьян Тимофеевич, не заглядывай. Ветошкин тут был с японцами, два дня тебя ждал. Сказал: «Если узнаю, что Коломийцу приют давала, избу спалю и тебя расстреляю. Поняла?» Как, мол, не понять... И расстреляет! Ему что, разбойнику косолобому. Разве деток моих такой пожалеет, сам поуди...

Демьян, как мог, успокоил разволновавшуюся вдову, уверил:

— Больше, Мартыновна, не потревожим. И на том спасибо, что накормила да предупредила. Дай-ка на дорогу сухарьков и сала, и пойдем мы из этих краев.

— И лучше, — говорила Пантелеиха, наполняя мешок хлебом и разной снедью, — лучше для тебя: здесь того и гляди изловят... А за сухари не обессудь — не насушила, все вышли. Вот тебе вместе с сумкой. Сумку-то принесешь при случае... На всех вас сумок не напасешься! — рассмеялась она.

И пошли они вниз, рыхлым полем, держа путь на линию железной дороги, на Кимкан.

— Теперь можно шагать.... Замечательная женщина! — повеселел Антонов.

— Она такая... Муж ее, Пантелей, за советскую власть первый в своей деревне пошел. Убили свои же, деревенские, сказывала, в прошлом году. С той поры партизан любит и они ее. Никогда наш брат, партизан, от нее голодный не уйдет. Отказа в этом зимовье партизанам нету. Слышал я это, но проходящих ребят еще летом, с Кульдура, никак застать не мог у Пантелеихи... Куда они все деваются? Если б она знала... И всем-то она предупреждение дает: дескать, чтоб в последний раз. Боится, похоже, а помогает. Сама признавалась. Я ее партизанской мамкой окрестил шутейно. Доброта!

Антонов внимательно слушал Демьяна Тимофеевича. В лощинке, у ручья, Демьян приостановился и, без

всякой видимой связи с разговором о партизанской мамке, сказал вопросительно:

— Не пойму я этого Шутца?

— Да, странный человек. Все ко мне лип с расспросами. Не то контрразведчик, не то... Наши ребята его шутком прозвали.

— И чего он среди этих инвалидов крутился, когда барак ставили?

— Станный, странный, — повторил Антонов, — совсем не шут. Я не говорил тебе: в тот день, когда японцы окружили нас, подошел он ко мне, заглянул прямо в глаза: «Ты, — говорит, — Антонов, по леску бы прогулялся». И вот видишь!.. Это уж совсем непонятно. Жалею, что знал его всего неделю. Прощупать бы его хорошенько.

— И я о нем раздумался, — проговорил Демьян. — Тоже заметил кой-что... когда винтовки выносили. Думалось, пустяк, случай...

Первые десять попадают в беду

...Собрались на том самом месте, где закопал под елку Демьян Тимофеевич две берданы.

Михайла Антонов, стоя на бугорочке, держал речь перед десятком ремонтных. Грязные полы старой шинели полоскались от хлестких ударов ветра; Михайла, перекрикивая тугие его всплески, страстно говорил о борьбе рабочего класса, о Красной Армии, сметающей гадов, о трудовом измученном народе Дальнего Востока, которому пробил час подняться с оружием в руках... с тыла разить белогвардейцев, не давать им опомниться, выкинуть за море, как бы ни помогали им хищники всего мира.

— Первое дело, товарищи, — организация! Без крепкой спаянности и дисциплины мы ничего с белыми да японцами не сделаем, только погибнем.

Демьян Тимофеевич смотрел на Михайлу светящимися глазами и крутил в безмолвном восторге рыжий ус. Вот это находка! Вот это человек, которого он, Демьян, — так казалось ему, — давно ждал себе в помощь... И этот человек пришел, он здесь, он держит речь...

Слесарь Антонов кончил, и востропавший от минутного забытья Демьян возвысил свой, с легкой хрипотцою, голос:

— У нас два винтаря, товарищи, и здесь закопаны две берданы — вон под той елкой... Патронов, конечно, не ахти как... Всего, значит, четыре ружья. А народу десять человек. Но оружие, товарищи, будет! На линии оно есть, дайте срок, мы его достанем. Пролетарий не отдал оружие белякам — нет! Свои ребята на станциях нам помогут...

Все десять, и в их числе Васильев, тот самый, что недавно предупредил Демьяна Тимофеевича о грозящей ему опасности ареста, единогласно поддержали организацию отряда. Слов много не говорили — к чему они?

— Идем... Бросаем работу!

— На кого работать? На сволочей работать?

— Жалование все равно не платят который месяц...

— За советскую!.. За свою, за родную!..

— В партизаны!.. Бить японцев!..

Рабочих этих нашел Демьян Тимофеевич в пяти верстах отсюда. За время его отсутствия ремонт сильно продвинулся на восток.

Начальником отряда, по предложению Васильева, выбрали Демьяна:

— Ты теперь тайгу исходил, не заведешь куда не следует.

Отряд — и это отлично понимал Демьян Коломийц — может расти, пополняться новыми силами, если он будет иметь постоянную недосыгаемую для врагов базу, запасы харчей и, хотя бы на первый случай, десятка полтора винтовок с патронами. А пока — толпа, горсточка смельчаков, которой надо делать первые шаги напролом.

«Да, напролом... иначе не выходит», — решил Демьян и, посоветовавшись с Антоновым, повел свой отряд вдоль линии к Биракану.

В лицо дул резкий колющий ветер, стылая земля кряхтела под ногами.

Через два часа веселой, с песнями, ходьбы — замолкали только, когда приближался грохот поезда, — подошли к рабочей полуказарме. Седой старик, слышав говор и хруст шагов под окном, выполз на крыль-

цо и подозрительно уставился на обступивших его людей:

— Откуда бог несет?

— Откуда, — известно, откуда люди берутся, — тяжело сострил Васильев и, довольный своей шуткой, раскатисто засмеялся.

Сторож насупился: какие могут быть шутки при серьезном споре.

— Ремонтные, что ли?

— Они самые, отец... К тебе ночевать, — серьезно ответил Антонов.

— Ну заходи... ночуйте, — хмурые морщины старика мягко расплылись на сонном лице.

В казарме было тепло, даже жарко, от нечего делать старик, должно быть, беспрестанно подбрасывал в печку дрова и ломаный валежник.

— И тепло же у тебя, отец, — сказал, располагаясь на нарах, Демьян Тимофеевич.

— Озябли, верно?

— Ты наскажешь, — вмешался Васильев, — у каждого по тужурке и все на щучьей подкладке. Не голь какая-нибудь перекатная!

— Пошагай с наше, — вставил лохматый, могучего сложения, ремонтный, — небось озябнешь... устанешь.

— А издалече, что ли? — осведомился сторож.

— Не близко... Вари-ка скорее чай.

Тут только рассеянный старик заметил винтовки и берданы у этих неизвестных людей.

— Партизаны! — завопил он.

— Не ори! Чего испугался? — добродушно осадил его слесарь Антонов...

Старикашка трясся, стучал зубами.

Демьян Тимофеевич, хитро усмехнувшись и прищутив левый глаз, подошел к перепуганному сторожу:

— Никакого худа не сделаем... Слышь, скажи только, где винтовки у тебя попрятаны.

— Попрятаны? Кто ж их знает, куда они их засунули... под пол, кажись...

Казарма так и грохнула. Казалось, стены сотряслись от восторженного гула партизан:

— Эг-г-геей, Демьян Тимофеевич!

— Попал в са-амую точку!

— Поворачивайся, дед!

Старик шепотом приговаривал: «Убьют ведь, убьют», и не двигался с места.

Люди кинулись по углам, отдирали топорами половицы. Под полом лежали две берданы, дробовик, три сотни патронов.

— Мало, старик! — подошел к сторожу Антонов. — Нет ли еще?

— Вот те Христос, нету... Они спрятали и уехали... Теперича как же я оправдаюсь, а? Убьют...

— Затвердил: «убьют», а кто они — толком не скажешь.

— Да свои, с линии... ребята.

Казарма снова гроыхала.

— Ну, ты не бойся. Скажи: свои, мол, ребята взяли, партизаны.

— А если сильно приставать будут, объясни, что самовольно взломали пол, что ты ничего не говорил. Понял? — наперебой советовали партизаны.

— Нет, так нельзя. Никто ему не поверит. Не нужно подводить старика. Лучше я сейчас напишу записку, — сказал Антонов, — примем всю вину на себя. Как ты, товарищ командир? — повернулся он к Демьяну Тимофеевичу.

Впервые его называли командиром. Польщенный этим, Демьян утвердил предложение Антонова:

— И то дело!..

Засыпая, Демьян Тимофеевич радовался, что им повезло с первого же шага.

— Теперь дело пойдет... дело на мази, — шептал он.

На секунду мелькнула перед глазами раздвоенная борода Ветошкина, и мысль, точно шальная пуля, кольнула: «А ведь не будь его, не будь угрозы ареста и расправы, не кинулся бы, очертя голову, в тайгу!» Но кто-то другой, из самого нутра, тотчас же убежденно опровергнул: «Кинулся бы, пошел бы!»

Ранним утром отряд покинул полуказарму. Ветер за ночь стих, из-за редких облаков проглянуло солнце, скупое, по-осеннему, пригрело... Пошли вдоль полотна, кустарниками, на запад. Демьян Тимофеевич держал теперь путь на крупную деповскую станцию Облучье: так решили всем отрядом, рассудив, что двигаться на Биракан не имеет никакого смысла.

Между Кимканом и Облучьем отряд выполнил, по выражению Демьяна, свое первое стратегическое дело.

Подойдя к светловодной, играющей камнями, речушке, партизаны присели отдохнуть.

— А мосток-то, — Антонов поднял глаза к высокой насыпи, разорванной бетонной трубою, в которую с рьяным шумом врывалась речка, — а мосток-то деревянный.

— На Амурке больше всего деревянных. На живую нитку дорогу царь строил, не дорога — грех смертный, — объяснил Васильев.

— Это нам на руку, — продолжал Антонов. — Если поджечь один, другой — сколько снарядов, орудий, снаряжения не получит Колчак на фронте.

— А ведь и верно!

— Запоем тогда вместе с японцами!

— Жгем, что ли?

— Сгорит за милую душу.

— Сгорит, в нем не больше двадцати сажен.

— Все на несколько дней задержит воинские эшелоны, — загомонили партизаны.

Демьян Тимофеевич распорядился таскать на мост охапками сушник. Вскоре на мосту возвышалась причудливая хворостяная гора. Подожгли. Смоляные сучья мигом занялись пламенем. В безветрии оно столбом подымалось в спокойное небо, росло и росло, равняясь с вершинами придорожных сосен.

Отряд уходил, и долго еще, оборачиваясь, видели люди, как вздымается на мосту, над трубою, точно повисший в воздухе, оторванный от земли, огненный столб, слышали, как трещат балки, деревянный настил.

На пути встретился еще такой же мостик — сожгли и этот. Здесь задержались подольше, чтоб посмотреть, как рухнут скорченные огнем и лишенные опоры рельсы с саженой высоты на гладкие камни потока.

— Пусть их возрадуются японские генералы! — шумел Васильев.

К Облучью подходили осторожно, крадучись. Еще за версту залегли в кусты. Впереди ползли разведчики — Васильев и Михайла Антонов... Вдруг из-за бугра короткий рев:

— О-ой!

Будто русское «стой», но куда свирепей. Демьян Ти-

мофеевич еще по городу знал этот сердито-отрывистый окрик.

На бугре показались три японских солдата с карабинами наперевес.

— Снимай разведку! — закричал Демьян передним.

— Целим, Михайла, — вскинул винтовку Васильев; он выстрелил и побежал, дико крича:

— Уррра!

Партизаны видели, как японец, тоже готовившийся стрелять, высоко дернул ружьем и рухнул в траву. Но вслед затем над кустами — и там и здесь — поднялись красные околыши японских солдат. Захлопали дружные залпы противника, гулким эхом перекатываясь в сопках.

— Отступим! Пробивайтесь назад! — кричал Демьян, отстреливаясь из берданы.

Японцы затягивали петлю ловушки. На бугре показался тупорылый хоботок пулемета... задержался, застрекотал.

Демьян Тимофеевич видел все. Видел, как Васильева закололи широкими тесаками прибежавшие на помощь своей разведке японцы. Видел, как слесарь Михайла Антонов, поджигая простреленную ногу, уползал в тальники.

Поливал свинцом пулемет... Демьян с остальными кинулся к лесу. Лес стоял за скошенным лугом, и на лугу один за другим ложились от японских пуль демьяновы товарищи. Вот четверо бежали, бежали — и тычком, будто запнувшись, рухнули на колючие короткие иглы травы. Вот пятый зацепился ногою за какую-то кочку, упал и кричит в предсмертном смятении. Вот упал еще один, широко раскинув длинные руки. Вот лохматый, широкоплечий детина, тот, что приказывал варить чай сторожу полуказармы, схватился за правую ногу, понизе колена...

Кровь молотками стучала в голове, руки ходили ходуном, и рубаха липла к телу — Демьян был уже на опушке. Сосны и молодой дубняк укрыли его. Сделал для безопасности еще несколько прыжков... Прислушался: погони нет. Оглянулся — один.

Опять один! Там, на скошенном лугу, остались его товарищи, там погибла начатая им работа... Снова ни людей, ни оружия... Многим ли удалось уйти? Кто по-

пал в плен... на пытки, на растерзание, на страшную смерть? Кого доби́ли ранены́м? Где Михайла, подстреленный одним из первых, не потускнело ли наве́к его обожженное стальное лицо?

— Напороли́сь... д-да... налетели партизаны... неумелые, — горестно проговорил Демьян Тимофеевич, до ломоты в суставах сжимая старую бердану.

Странное поведение штабс-капитана Шутца

Оборванный, с иссеченным колючими ветками лицом, пришел на рассвете старый плотник на Кимкан. Бердану зарыл под сосною тут же у полотна. Станция точно вымерла: никого из прежних друзей не видать... Вот проковылял по платформе старенький кондуктор в линялом полушубке с тусклым на дневном свете фонарем в руках.

На путях стоял товарный поезд — длинная красная цепь вагонов. Демьян Тимофеевич вскочил на задний тормоз, едва заметил, что поезд тронулся на восток... «Зачем, куда?.. Все равно... проберусь в Хабаровск. В Приморье гуляют большие отряды наших...»

Дул с сопок осенний ветер, холодом тянуло из распадков. Сырой озноб корежил на тормозе Демьяна Тимофеевича. Ветер хлестал на открытой площадке со всех сторон. Бежали мимо, словно качаясь на ветру, телеграфные столбы и голые березы...

Но вот и Лондоко. Поезд задержался на стрелках, убавил ход. Демьян Тимофеевич, разминая затекшие, будто замороженные ноги, прыгнул: леший его знает, кто там на платформе, что за народ в широкополых шляпах.

Обогнув вокзал, Демьян убедился, что на платформе толпятся американцы. Один товарищ из Владивостока как-то описывал Демьяну Тимофеевичу американских солдат. Эти были точь-в-точь.

На первом пути стояли теплушки, и американцы по живому конвейеру подавали поленья к открытым настежь дверям состава. Поленья с глухим частым стуком падали внутрь теплушек: бум-бух, бум-бух...

— Этих еще чертей заморских не хватало! — выругался Демьян Тимофеевич, вслушиваясь в гортанную

перекличку американцев и дивясь, какая сила погнала их на Амур... Долго глядел Демьян на эту чудную спорую погрузку дров. Дождался-таки... американцы, все как один, очистили платформу; должно быть, ушли обедать. Размышлять некогда; Демьян Тимофеевич спокойно, будто свой человек, подошел к ближайшей теплушке, заскочил внутрь, перелез через гору беспорядочно набросанных поленьев и наскоро обложил себя дровами в углу — не видать!

Лежал часов пять, тихо похрустывая сухарями. Несколько сухарей завалилось, на счастье, в карманах. Кто-то подбежал к теплушке, громыхнул дверью на железном ходу. Стало темно, как в сарае со щелями.

«Значит, едем», — отметил Демьян.

Наконец, теплушка поползла, а потом запрыгала вправо и влево, глухо побрякивая поленьями.

На улице в этот поздний час ни одного прохожего: район страшного атамана Калмыкова... Хабаровск... Красные корпуса казарм...

Демьян Тимофеевич так задумался, что не заметил, как нос к носу столкнулся со штабс-капитаном Шутцем.

— Плотник! Какими, братец, судьбами? — окликнул его Шутц, когда Демьян сделал было движение свернуть в поперечную улицу под гору. В восклицании Шутца Демьян уловил радостные нотки. Глаза штабс-капитана искрились веселым смешком.

— Не удирай, не удирай... Все равно узнал!

— Да я и не удираю, — опешенно пробормотал Демьян Тимофеевич.

— Не удираешь и отлично. Идем со мною... Да ты не бойся меня, чудачина, — прибавил Шутц, заметив, что плотник озирается по сторонам.

Шутц вдруг наклонился поближе и обжег Демьяна горячим шепотком:

— Ты на погоны не смотри... Меня партия, понимаешь, партия заставила нацепить. Понимаешь? Я такой же инвалид, как... Идем! — громко сказал Шутц, слышав стук шагов по тротуару.

Демьян Тимофеевич покорно шел — куда денешься? Он не знал, верить офицеру или нет — слишком необычайное это для него дело. На ум пришли слова Михай-

лы-слесаря: «Ты, говорит, Антонов, по лесу бы прогулялся... Не то контрразведчик, не то...»

— Все молчишь, старик?.. Да ты, брат, оказывается, конспиратор... Ого-го! — весело заговорил Шутц, когда прохожий скрылся за углом. — Как заставить тебя уверовать?.. Ну, прекрасно. С тебя мало будет, если я скажу, что тебя зовут не Степан, а Демьян Коломыйц, что Ветошкин собирался тебя арестовать, отправить в город и что мне нагорело от него... он в ярость пришел, грозился под суд меня отдать, когда узнал, что ты благополучно сбежал. Мало? Если мало, тогда еще: я прикинулся, что поверил тебе, будто ты охотник, а не партизан, и не послал тебя к Ветошкину по твоей просьбе. Я, брат, в людях кой-что понимаю. Пойдем дальше: как ты орудовал сейчас в тайге — слышал, потому и говорю тебе все это безбоязненно. Ты наш и другим быть не можешь... И еще: твои таежные подвиги стали возможны потому, что я не дал японцам взять тебя до темноты — запугал их офицера твоими несуществующими бомбами, разогнал их по кустам. А предупредить, извини, не мог: Ветошкин не отходил от меня ни на шаг последние ваши часы. Хорошо хоть, что Антонову шепнуть кое-что удалось, а то вы погибли бы. Сообразительный парень!.. Пойди я к тебе, обоим бы болтать на соснах...

Демьян припомнил до последней черточки вечер своего бегства: вот они с Михайлой выносят винтовки из барака... над кустом мелькнула голова Шутца, кого-то заслоняющего спиной; голова скрылась, послышались удаляющиеся шаги, говор.

— Помнишь, когда вы из барака с винтовками выскочили? — продолжал Шутц.

— Так это был он? Ветошкин? — вне себя от внезапной догадки воскликнул Демьян...

— А то кто же! Я увел его... заговорил.

У Демьяна Тимофеевича голова шла кругом («верно ведь все... и Михайле сказал — верно»), но, будто ожидая беды, все еще не доверяя окончательно, Демьян спросил — чтоб вообще что-нибудь сказать:

— А инвалиды твои как?

— Это, товарищ, такие инвалиды... — усмехнулся Шутц. — Специально сам набирал и в глушь забрался с ними... Все теперь в тайге гуляют. И я тоже инвалид

был, как сейчас... калмыковский офицер. Ловко я тогда роль разыгрывал, а?

Демьян ничего не ответил.

— Ветошкин после вас каждый день совал свой нос. Надо было держать ухо востро... Сделал свое дело, и теперь делаю другое: пристроился вот здесь, в калмыковском царстве... А жаль, что Антонов не доверял мне, все дичился, сторонился... как ты сейчас. Мало мы с ним виделись — хороший парень, кажется, крепкий. Что ты с ним сблизился — я видел это...

Похвала Антонову польстила Демьяну Тимофеевичу, как будто не Михайлу хвалили, а его самого, но ведь... умный Михайла боялся раскрыть душу этому странному офицеру, не доверял...

— А ты все молчишь? — укоризненно покачал головою Шутц и засмеялся. — Ну хочешь, я расскажу сказку... о красном черте?

Он залился звонким смехом.

Тут уж Демьян не выдержал, будто что-то растаяло под сердцем, он расцвел радостной улыбкой.

— Откуда ты все знаешь? — Демьян дружески-ласково взял мнимого офицера за руку. «Приходится верить», — подумал он, гоня прочь последние сомнения.

А тот все смеялся, повторяя:

— «Откуда, откуда...» Дураков на это дело не посылают, дружище...

Шутц остановил плотника у каменного крыльца казармы. Демьян Тимофеевич вслед за «штабс-капитаном» прошел узким безлюдным коридором в свежепобеленную комнату.

— Первое дело жрать! — вырвалось у изголодавшегося Демьяна. Он опустился без приглашения на стул — ноги подкашивались. Шутц заставил его сесть спиною к дверям.

Минуты через три, по звонку, денщик принес миску пахнущего укропом супа.

— Поставь на столик у дверей и ступай, ты пока больше не нужен.

Денщик тотчас на цыпочках исчез.

Набивая рот, Демьян Тимофеевич во всех подробностях поведал Шутцу свои злоключения.

— Жаль их... молодых ребят... сложили свои головы, — поникшим голосом закончил Демьян.

— ...За власть Советов, — глаза Шутца блеснули; он был неузнаваемо серьезен и печален, таким его Демьян еще не знал.

— Ты не унывай, старина. Знаешь песню: на смену новые силы найдутся... Трудовой народ долго этих разбойников не потерпит. Приморье кишмя кишит отрядами... Скоро погоним.

— Я не унываю. Мне бы оружие добыть, — просто и твердо ответил Демьян Тимофеевич.

— Оружие, да!..

...Шутц задернул на окне занавеску.

— Вот тебе пистолетный бульдог и сто двадцать пять рублей на первый случай... Когда снова соберешь ребят, пригодятся. В Лондоко явишься к слесарю Николенко, у него спрятаны три винтовки и патроны. Остальное наберешь у крестьян... В Приморье тебе незачем: надо возвратиться на знакомые места, больше пользы будет, неизмеримо больше... Пришлю при первой возможности патронов. Николенко ты скажешь: «Я приехал от Иванова за тремя фунтами конфет», и он беспрекословно выдаст оружие. Запомни.

Демьян Тимофеевич повторил эту фразу.

Шутц присел к столу, выписал литер до станции Лондоко на вымышленное имя — бланки литеров держал при себе.

— Вот литер... А сейчас можешь спать. Ночью я тебя разбуду и провожу до вокзала... У нас не очень-то по улицам разгуляешься — головорезы!

— Не знаю, как и благодарить... — начал было Демьян Тимофеевич.

— Меня не за что. Одно общее дело делаем, — серьезно перебил Шутц и вдруг на миг вновь стал прежним улыбочато-чудаковатым Шутцем: — И Фома ж ты неверный!

— Антонова Михайлу пуше всех жалею, — проговорил Демьян, укладываясь спать...

...В полночь у вокзала Демьян Тимофеевич молча, глазами, попрощался с мнимым штабс-капитаном.

На Кимкане плотник откопал свою бердану... В Лондоко слесарь Николенко выдал Демьяну три винтовки и двести пятьдесят патронов.

Путь Демьяна лежал теперь к мужикам, — так

рекомендовал Шутц. Демьян Тимофеевич избрал для первого случая деревню Каменушку. Здесь по спинам крестьян уже ходили белогвардейские плети.

В Лондоко, в поселке, Демьяну удалось через Николенко тайно нанять подводу, и он прибыл в Каменушку со своим бесценным грузом, ловко запрятанным под соломою в глубоком коробе телеги. Заехал во двор похуже, попросился ночевать — пустили.

Белых в деревне не было...

Дальше все пошло с неожиданной легкостью. Демьян Тимофеевич прикинулся переселенцем, обедневшим в России и бежавшим от нужды на вольные сибирские земли, и хозяин бесхитростно-доверчиво начал рассказывать ему, сколь трудна теперь жизнь в этих краях: поборы, беззакония, измывательства и порки... Вот только на днях налетевший казачий отряд дотла разорил мужиков.

— Неладное ты время выбрал для переселения, — пожалел он случайного своего гостя.

Демьяну Тимофеевичу предложили чай и нехитрую снедь. Пока он ел, хозяин, не умолкая, описывал белогвардейские расправы.

К столу подсели пришедшие с улицы сыновья хозяина. Это были рослые парни с обветренными лицами, хорошие стрелки-охотники. Оба, Пашка и Фомка, тотчас же вмешались в отцовский разговор.

— Мужики поднимаются на гадов. В тайгу народ подается. А мы чем хуже? — сказал Пашка.

— Тоже стрелять умеем... Без промаха! — хвастал Фомка.

— И ружья есть? — осведомился Демьян Тимофеевич.

— А то как же... От белых уберегли...

...И оба брата стали первыми партизанами нового демьянова отряда. Больше оружия в деревне у мужиков не оказалось: начисто обобрали казаки таежную охотничью деревушку.

На той же подводе поехали втроем на станцию. В Лондоко Демьян Тимофеевич выгрузил оружие — шесть винтовок на троих! — сдал подводу, купил про запас десять буханок хлеба. Навыючились котомками, свернули неприметно в тайгу... Демьян Тимофеевич решил наведаться на Кульдур. Что-то теперь там, в

местах, где оставил он частицу своей души, откуда началось его партизанство? Могло ли быть, чтоб в штабе забыли о том, что на ключах строится для красных бойцов таежный госпиталь? Не посчастливится ли ему, Демьяну, на этот раз установить связь, отыскать неуловимое руководство таежных полков, в существовании которых он так уверен? Они есть, это руководство и эти полки, иначе не стал бы посылать его Шутц в здешние края.

...Курзал высился белой громадой меж крутых сопок. Белели другие постройки и службы курорта. Палатки и шалаши исчезли: последний народ к зиме убрался в город. С сопки видать — пусто на острове горячих ключей. Долго смотрел Демьян Тимофеевич — никаких признаков японского отряда.

Вечерело, и в курзале зажглись огни.

— Была не была, идем!

Демьян повел своих ребят прямо на эти огни...

Постучались в закрытые двери курзала:

— Отворяй!

Сонный разлохмаченный парень отложил крючок. Трое вооруженных стояли у порога.

— Кто здесь ночует? — приблизился к лохмачу Демьян.

— Рабочие... постройку кончили.

— А начальство?

— Ветошкин в город уехал. Японцы ушли и он смотался.

Пашка первый заскочил внутрь. Рабочие еще не спали. Лампа под высоким потолком горела ровным белым светом. Демьян зажмурился — темно в глазах на ярком свете, не разглядишь выражение лиц... Все повернулись к вошедшим. Разом стихли разговоры.

— Товарищи, мы пришли звать вас в отряд.

— В отряд?.. Даешь! — загудело в высоком зале.

— Никак, Демьян Тимофеевич? — узнал кто-то из старых кудьурцев. — Какими судьбами?!

Пятнадцать охотников нашлось в отряд.

— Идем!

— Надо помогать!

— В партизаны — куда нам и податься!

— Сволочи, что они только с нами вытворяли!

— Вот бросили...

— Пойдите, — сказал Демьян, — дайте взглянуть, где тут Ветошкин проживал.

Ему показали комнату Ветошкина. Павел и Фома взломали замок. Демьян увидел только одно — центральку и патронташ на ковре над кроватью.

— Пригодится, друзья, берите, — распорядился он. — Похоже, что Ветошкин не совсем отсюда скочевал?

— Говорил: за деньгами поеду... Да жди его теперь. С коих пор ждем — не дождемся.

...Мутным утром отряд двинулся на Биракан. Демьян Тимофеевич, как бы прощаясь, оглядел белые домики, и горделивая мысль, что вот он, Демьян Коломийец, был зачинателем этой стройки и что он первый поднялся на ее защиту, за то, чтоб вернуть ее настоящим хозяевам, — тронула его рыжие усы мягкой, светлой улыбкой...

А на следующий день демьянов отряд окружил бираканский вокзал.

— Сдавайся... шкуры!

Под дулами направленных в окна ружей вышли четверо милиционеров. На лицах их смешались страх и растерянность и руки были напряженно вскинуты вверх.

— Отдавай оружие, колчаки!

Отстегнули у пленных наганы. В милицейской комнате взяли винтовки...

— Идите теперь на все четыре стороны и больше не попадайтесь, — отпустил обезоруженных Демьян Тимофеевич.

— В колчаках больше не ходите, — подхватил Пашка, — башку сымем!

Вокруг партизан хлопотал радостно возбужденный Еремеич — начальник станции:

— Ты, Демьян, возьми еще у нашего ремонтного берданку.

— А есть?

— Раз говорю, чудака, — есть. И с патронами...

Быстро работали демьяновы ребята. Ремонтный принес бердану. Наташили жены путейцев всякой еды, старой одежды. Из поселка привели шесть коней.

Какой-то рябеный мужичонка притащил партизанам винтовку.

— Обвужайтесь, ребятишки, — и в тайгу. Того и гляди японца нагрянет.

— Успеет!..

...На Кульдуре Демьян Тимофеевич пощупал ветош-кинские запасы: забрал пудов восемьдесят овса и с полсотни мешков муки. Отряд решил, что с таким грузом далеко не уедешь — коней мало. Больше половины роздали бираканским мужикам и путейцам. За ними в Биракан специально посылали Пашку. Он верхом быстро слетал туда и пригнал потребное количество подвод.

— Пусть Ветошкин, если вернется с японцами, посидит на сухарях!

— Пушай лучше свой брат, беднота, попользуется добром, — говорили партизаны.

Так они щедро расплатились с бираканцами за радужный прием и помощь...

Отряд ушел в тайгу. На поляне, меж старых сосен, далеко-далеко, куда ни один беляк не сунется, Демьян Тимофеевич велел копать землянки:

— Осень... у костров не проживешь. Здесь будет наш табор.

Продовольствие с Кульдура перевезли вьюками и на собственных спинах перетаскали. Демьян имел теперь свою базу, тыл, свой недоступный табор в тайге... Отсюда начнет он по-настоящему действовать.

— А все Шутц! Надоумил, помог... Вот тебе и штабс-капитан, золотопогонник! — весело ухмылялся Демьян Тимофеевич наедине.

По-осеннему печальным гудом шумели лесные великаны. Над тайгою заходила серая туча — собирался дождь, но уже не страшил.

Смелые набеги Демьянова отряда

Перед землянками, во мгле ненастной ночи, скупой горят осторожные партизанские костры. Гукует из темноты леса ночная птица, но не трещит валежник, не шуршит вблизи поваленный осенью лист... Безопасно, кажется, никакой леший сюда не доберется.

У крайнего костра Демьян давал короткие распоряжения остающимся:

— Если разведка... немного... живьем никого не пускайте. Если отряд — без выстрела уходите вглубь... А мы скоро вернемся.

Пятеро отряженных Демьяном парней остались у землянок, на таборе. Остальные вместе с Демьяном Тимофеевичем бесшумно исчезли в черноте тайги.

Партизаны шли на линию — жечь мосты, стопорить эшелоны...

Под Кимканом, у желтого среза горы, у карьера, стоял паровоз. Пять открытых платформ, прицепленных к пытящему паровозу, были уже доверху насыпаны песком.

Поглядел Демьян Тимофеевич из кустов: рабочих — раз-два и обчелся; утомленные люди прикорнули на песчаных, готовых двинуться в путь холмах, воткнув подле себя стоймя лопаты.

«Значит, сейчас тронется... Постой-ка...»

Демьян Тимофеевич негромко свистнул:

— К паровозу!

В черную будку машиниста разом влезли трое вооруженных:

— Отцепляй паровоз!

— Зачем? — оторопел машинист.

— Там видно будет. Отцепляй... живо!

Когда паровоз отцепили, Демьян предложил машинисту подчиниться «партизанскому командованию».

— Что вы хотите делать? — спросил тот.

— Нам нужна машина для операций на линии. Готов ли ты выполнять наши приказы?

— График... крушение, — забормотал машинист.

— К черту! К дьяволу на рога! — закричал рассерженный Демьян Тимофеевич. — Едешь с нами или не едешь?

Машинист молчал.

— Тогда высаживайся на платформу, оставайся... Нам некогда!

Машинист покорно полез с паровоза.

— Постой! Растолкуй, как давать ход, как останавливать... Так?.. Больше ничего не требуется, или... Эх ты, товарищ тоже! — укоризненно добавил Демьян Тимофеевич...

Паровоз влетел на станцию. Из будки машиниста выпрыгнули вооруженные люди. Движения их были стремительны и точны. Сняли в дежурной телеграфный аппарат, телефон, обезоружили милицию, и паровоз так же быстро умчался с Кимкана, как быстро и неожиданно нагрянул.

С непостижимой загадочностью и упорством молчал Кимкан на звонки бираканских дежурных. Вместо ответа из Кимкана примчался стрелой паровоз...

Едва успели снять партизаны телеграфный аппарат, далеко за семафором показалось пытящее чудовище.

— Убирайте с пути паровоз! — вскрикнул дежурный по станции. — Что вы делаете?.. Будет же столкновение!..

— Что там? — холодно спросил Демьян.

— Японский эшелон... кажется. саперы...

По сигналу командира партизаны заскочили в паровоз, на тендер, повисли на подножках. Демьянов паровоз рванулся навстречу японцам.

У семафора Демьян резко уменьшил ход:

— Соскакивай! Все!.. Винтовок не оставлять... Соскакивай и в лес... ждите меня!

Пашка замедлился было на подножке.

— Живо! — крикнул Демьян Тимофеевич от регулятора, подтолкнув парня в спину, и пустил пар на полный.

Бежали партизаны, прыгая через стальные пути рельсов... В японском эшелоне заметили, защелкали из карабинов.

Демьян Тимофеевич, напружинив старые ноги, скакнул с подножки вперед и с разбегу воткнулся руками в мокрый песок. Паровоз стремглав неся навстречу японцам. На последней, выходной, стрелке парень с красным флажком, махая паровозу и этим флажком и свободной рукою, неистово кричал. Паровоз не слушал — крики не действовали.

Вот-вот налетит на японцев его паровоз. Оглядываясь, бежал Демьян Тимофеевич, считал про себя:

— Раз, два, три...

Расстояние между встречными паровозами быстро таяло.

Вот-вот... Но в последний миг стрелочник нажал на рычаг стрелки, и паровоз, рванувшись в сторону, по

отводной, ведущей в тупик ветке, промчался мимо взбаламученного, галдящего японского поезда. Из вагонов палили и по паровозу, и по уходящему в тайгу Демьяну...

Три дня отдыхал Демьян Тимофеевич в тайге, на своем таборе, после этой вылазки.

— Ловко мы их ошарашили, Тимофеич! — гоготал Пашка, скаля зубы.

— Ловко не ловко, а паровозом стукнуть не удалось... Вот что горе!

— В другой раз. Еще успеем — стукнем, — вмешался бывший кульдурский стражник Семенов, обычно молчаливый и какой-то желчный. За это его недолюбливали в отряде, некоторые и вовсе не переносили его злой желчности, вселяющей тревогу, а потому, может, и не терпели его раскосых карих глаз и острых скул, обтянутых гладкой коричневой кожей.

Демьян Тимофеевич ничего не ответил.

— Давайте разберем телефон, — предложил Пашка. — Из землянки в землянку проведем... к штабу командира что ли. Или проволоку до постов пустим... телеграфом разговаривать научимся...

— Пригодятся аппараты еще... штабу, — заметил Демьян. Его никогда не покидала мысль о главном руководстве таежных полков. — Нам это пока ни к чему.

— Где-то наш железный воронко? — раздумчиво пробасил кульдурский лохмач, тот самый, что открыл Демьяну двери курзала.

— Где же... лежит, верно, в тупике под откосом, задравши колеса вверх, как тигра убитая, — прозвучал за спиной Пашки чей-то сиплый голос.

Из тайги, со стороны постов, запыхавшись, выскочил Фома, с утра ушедший в глубокую разведку:

— Дядя Демьян... японцы идут!

— Японцы? Где?

— Верст десять будет. Я подглядел... Ведет их русский офицер с такой бородой, — Фома показал на обе стороны.

— Должно, Ветошкин с Кульдура... вернулся, значит... У него такая бородка... двойственная.

— Двойственная и маленькая, как есть!

— Прослышал о наших налетах. Учужал, что покою не дадим — японцев приволок, сволочь. Собирайтесь, ребята!.. Много их?

— Сотни две.

— Ого! Не на шутку, знать, перепужался, — вставил Пашка.

Демьян Тимофеевич распорядился перенести муку и все хозяйство землянок подальше в кусты, закрыть ветвями и валежником в заранее приготовленных ямах.

...Шел тайгою демьянов отряд. Партизаны останавливались, вслушивались — не донесет ли тайга сквозь свои шумы сухой хруст ветвей под ногами японских солдат...

Редела тайга. Забелело разломанным куском зеркала сквозь березняк гладкое озеро.

Протяжный раздался по тайге выстрел. Отряд залег в кусты — и поползли партизаны к озеру. Берег в густой, мохнатой траве. Там не найдут...

Долго, прищурившись, глядел Демьян Тимофеевич назад, в тайгу. В редколесье показался на коне Ветошкин в окружении японцев.

«Взять на мушку!» — подумалось Демьяну. Но об этом можно было только мечтать: японцы шли лавой — и впрямь две сотни.

Японцы развернулись из предосторожности в цепь и с карабинами наперевес неслышно двинулись вниз, к берегу.

— Ползти тихо... к самой воде, — приглушенно командовал Демьян Тимофеевич.

Партизаны, стараясь не задевать кусты, чтобы сверху не заметили движения, поползли...

Вот у последнего ряда ивняка однотонно чмокает, обмывая корни, пахнувшая тинной вода. Приподнялся Демьян Тимофеевич на локте: японцы все идут с карабинами наперевес, неотвратно приближаются.

— В воду, ребята!

Первым, даже не взбультнувшись, окунулся Пашка, скорчил гримасу:

— Студеная, стерва!

— Студено, якорь его задери! — подтвердил Демьян Тимофеевич, вползая в ледяную воду. Одежда мгновенно намочила, прилипла к телу, дрожь, казалось, про-

никла до самого сердца. Дно тинистое, но крепкое — вечная мерзлота...

Вот японская цепь уже почти у самого берега, только кусты да трава отделяют японцев от партизанских голов над поверхностью озера. Японцы шарили в кустах, искали... Потом, окончив бесплодные поиски, вышли на горку, расположились на привал...

Два часа, по солнцу, показавшиеся вечностью, присидел отряд в студеной воде.

Лица партизан посинели. Фома ласкал зубами:

— Когда ж они уйдут, дядя Демьян?

— Уйдут, терпи, парень.

— Подохнешь тут, — не то пожаловался, не то погрозился Семенов.

Когда японцы скрылись, Демьян Тимофеевич приказал всем бежать в гору. Но руки и ноги были как чужие и не слушались. Вслед уходящему врагу поспешил зоркий разведчик Фома — неровен час, не вернулись бы японцы. Не скоро смогли партизаны разжечь костер от оставленного японцами уголька и развесить на палках мокрые рубахи, штаны, пиджаки. А сами голые бегали вокруг костра, пышущего в вечернее небо жарким языкастым пламенем. Пламя вздымалось выше вершин, и крики голых людей вспугивали чуткую тишину тайги.

— Не пашли!

— Где и догадаться-то!

— Вот это придумано, так придумано!

— Черти озерные!

Демьян Тимофеевич прекратил веселое ликование:

— Чистить винтовки... заржавеют! Ладно, что патронов с собой мало взяли: не жалко, что подмокли.

...Землянки были разворошены врагами до основания. Но запасы отряда в кустах остались в полной сохранности.

— Теперь нас здесь будут тревожить, раз узнали дорогу... Надо перетаскиваться подальше, — объявил Демьян Тимофеевич.

Сменили табор, вырыли новые землянки, перетаскились, усилили посты...

Опять появились демьяновы молодцы на линии, в карьере, опять забрали паровоз и носились на нем целые сутки. На этот раз Демьян Тимофеевич сжег две

надцать деревянных мостов и снял в Лондоко телеграф.

Японский броневик успел проскочить из Облучья по горящему мосту сразу же вслед за партизанским паровозом, и Демьян, кинув машину средь пути, скрылся в тайге...

Две недели, день за днем, выбегал внезапно Демьян Тимофеевич из тайги на линию, появлялся там, где вовсе не ожидали, снимал аппараты на станциях и разъездах, жег десятки мостов — от Кундура до Большого туннеля.

На Ивановские прииски Демьян Тимофеевич пришел с отрядом на шестой день пути. Бросая лотки у отвалов, приветственно загудели приискатели:

— Партизаны! Откуда? Далеконько забрели!

— Да вы, ребята, совсем без ног!

— Это что у тебя? — ткнул ногою в развалившийся Пашкин ичиг пожилой старатель.

— У всех так, — пояснил Демьян, садясь на землю и стаскивая с красных, в ссадинах, ног рваные сапоги.

Приискатели окружили пришельцев тесным кругом.

Садились на землю, сбрасывали проворно сапоги, протягивали их Демьяну:

— На, главный, бери... Пусть ребята ноги не трут.

— Партизанам без обуви невозможно.

— Не бойся, товарищи, у нас беляков нету.

— На главном стане, за десять верст, только шесть стражников. Эти шкуры к нам и сунуться-то побаиваются.

— Отдыхайте себе на здоровье.

В рабочей приискательской казарме отряд получил трехдневный отдых и обильную пищу. Было от чего отдыхать бойцам, было что вспомнить! Не потерпел Ветошкин беспокойного и страшного соседства, начисто, со всеми припасами, разорили и сожгли японцы второй демьянов табор, вынудили партизан отступить в глубь тайги, уйти за многие десятки верст от линии на север...

Ивановские прииски подкрепили приунывших партизан. Все отдохнули, отряд был обут — на этот раз в высокие приискательские сапоги с подковками. Отряд был снова готов к боям и походам.

Восемь приискателей заявили партизанам, что они пойдут с ними.

— Нашего полку прибыло!

— Что ж, валяйте... чем золото буржуйам мыть! — восторженно отвечали им демьяновцы.

Пополненный отряд уходил, унося на ногах лучшую обувь казармы. Оставшиеся на прииске старатели обули старые ичижные головки и опорки:

— Ничо! Мы-то потерпим...

— Жив-в-вем! — певуче восторгался Пашка новыми, в самый раз, сапогами.

...Шел Демьянов отряд — двадцать шесть человек — распадками, меж пологих выгоревших дочерна сопков: буйный прошел здесь по весне пал.

Лощина уходила книзу.

— Стой! Эвон... валят! — крикнул передний, вглядываясь в даль.

— Казаки!.. На конях!.. Сотни полторы!

Десятерых Демьян Тимофеевич оставил в лощине, остальных повел на сопку. Сопкой поползли навстречу казацкой ватаге.

Поровнялись... Казаки внизу. Вон прямо под кручей чернеют их картузы. Положили ребята свои винтовки и берданы на обгорелую валежину дулами вниз.

— Ожгем, братцы! — скомандовал Демьян, и эхо согласно залпу прокатилось по сопкам.

— Земли им обратно захотелось, помещики амурские! — ревели сверху, еле успевая заряжать ружья.

Вздогнули казацкие кони, взвились на дыбы передние — воротить назад или уже поздно? Кто-то падал, кто-то зычно орал:

— Засада, мать их!..

В лощине закричали:

— В цепь! С коней!

Пули летели вверх — из казацкой цепи били по старой валежине, колупали ее, брызгая гнилушками, но партизан за валежиной уже не было. Спустившись с сопки по речке, протекавшей в тылу казацкой цепи, подошел Демьян к переполошившимся казакам.

Шестнадцать человек меткими выстрелами разили с тыла; из лощины в лоб гремели выстрелы десятерых... Казаки смешались, взметнулись на коней, поскакали враспынную, оставив на тропе двенадцать убитых.

— Вот это победа! — говорил Демьян Тимофеевич, осматривая карабины, подсумки, гранаты. — Славная добыча!

— Теперь все вооружены что надо!

— Настоящее войско! — торжествовали партизаны. Демьяна Тимофеевича радовало не только это.

«Стратегия! — подумал он не без гордости. — Учимся... Попервости превосходство сил пугало, заставляло без боя отходить... Теперь не побежим... Учимся!..»

Подкрепленный боевыми припасами, плотник рискнул выйти в более людный район — на Бурею. Берегом стремительной Буреи отряд направился к югу. От окрестных жителей Демьян Тимофеевич услышал подымающую, долгожданную весть: тайга ожила, заходили по таежным тропам малые и большие отряды, накапливая силы для решительного отпора душителям революции, иноземным гасильникам. И, слышно, на юг стягиваются партизаны со всех концов области.

Четверо суток, и день и ночь, вел Демьян Тимофеевич своих испытанных товарищей. Теперь цель его ясна, безоговорочно определена. Демьяну рисовались радужные перспективы: вот все отряды сошлись вместе... многие тысячи вооруженных людей. Вся область поднялась... интервенты бегут... И скоро уж можно наново строить, по-настоящему, без оглядки...

«Погоди еще, Демьян, шибко разбежался», — унимал он нетерпеливые мечты свои, шагая по мшистой топи.

...День угасал. Облитый перламутром заката, из-за поворота реки вывернулся вдруг пароходик, замелькали перед глазами партизан его хлюпающие колеса.

— Опять казаки! — всмотрелся из-под козырька ладони Демьян Тимофеевич в группу людей на верхней палубе. — Никак, на прииска...

— Везут что-то, — взбросил винтовку Пашка.

— Верно, везут... груз везут. Застопорить надо, — посоветовал один из приисковых.

— Ссадим, — поддержал другой, — не бойся, Тимофеевич, это не для нас, у нас там продукта запасена. Для своих же везут, для лампасников... Наших не обездолишь. Действуем!

Бегом промчались до узкого места реки, залегли в прибрежных кустах.

Пароходик полным ходом резал встречную воду, и пенистые усы от его носа расходились по обе стороны вздрагивающего корпуса. Нос пароходика поворачивал прямо сюда, к засаде. Фарватер под самым берегом.

— Не минет! Сейчас заполошатся, — прошептал Фома, разглядывая мирно расположившихся на палубных скамейках казацких офицеров. — Ишь, глазают.

Залп был хлесткий, гулкий. Пароходик, точно в растерянности, вильнул туда-сюда, и по палубе забегали фигуры в желтых лампасах.

Демьян Тимофеевич сам метнул гранату, — под кожухом колеса раздался треск и белое щепье изуродованных плиц всплыло в крутом, пенистом водовороте.

— Ось надломлена... Колесо! — услышал Демьян позади себя. — На одном не очень ускачешь.

Пароходик ткнулся носом в прибрежный островок. Казаки выскочили на землю. Сгрудились на тесном клочке лишнего растительности островка. Ни укрыться, ни рассыпаться в цепь...

С берега грянул новый залп. Казаки бросились в воду, кидая винтовки и матерясь. Они не видели, кому отвечать. Лишь бы уйти живыми на противоположный берег, переплыть узенький фарватер...

Пароход стал добычей партизан. Беглецов не преследовали — не достанешь из-за реки.

Казаки везли овес, муку. Команда из казаков, вся, кроме машиниста и кочегара, бежала. Демьян Тимофеевич раздал пароходный груз мужикам ближайшей деревни, а машинисту приказал чинить колесо и возвратиться на юг. Демьян рассчитывал, что где-то в низовьях Буреи пароход неминуемо должен попасть в руки партизан и сможет еще пригодиться.

Эту ночь скоротали у брошенного казаками парохода. А поутру, едва растаяли в вышине звезды, вынырнул из тайги на взмыленном коне рослый парень в бараньей шапке.

— Кто командир отряда?.. Вот приказ военного коллектива области. Всем отрядам вашего района велено явиться в штаб...

И усккал...

Демьян Тимофеевич вертел в руках пакет из желтой бумаги:

— Военный коллектив области!..

Штаб армии восставшего народа

И впрямь ожила тайга.

По-двое, по-трое на заброшенных лесных заимках скрывались месяцами разбеганные по области красногвардейцы. С риском для жизни добывали оружие на станциях и в таежных поселках. Сходились кучками, отступали в непроходимые дебри, избегая открытых лобовых боев с белыми и японцами. Росли отряды и отрядики, рожденные великим народным гневом. Не зная друг друга, неумоимо расчерчивали безмерные пространства тайги в поисках товарищей, единомышленников, оружия, действенной помощи и крепкого руководства. Дерзкими молниеносными набегами беспокоили интервентов.

Область кипела еле сдерживаемым клокотанием подготовлявшегося восстания. Пылали подожженные японцами «большевистские» села. Не успевших бежать в тайгу, к партизанам, старых и малых, загоняли штыками в огненное кольцо; грудных младенцев из люлек поддевали на штык и закидывали в бушующие костры догорающих изб. Офицеры-самураи в коротких речах и приказах призывали солдат не давать пощады. Во-первых, говорили они, все русские, а большевики в особенности — худшая порода людей, люди-звери, ненавидящие микадо, несущие миру гибель. Чем больше их будет убито, тем лучше, тем скорее Япония очистит от них Сибирь для высшей расы, призванной богами завоевать мир, но пока вынужденной испытывать великие неудобства, терпеть лишения и народные бедствия из-за тесноты островных владений. Во-вторых, большевики убили своего микадо, изменили союзникам, в том числе и Японии. От них можно ждать всего постыдного и нечеловеческого и потому их нельзя брать в плен, а уничтожать без жалости на месте, как нельзя и сдаваться им живыми, если не хочешь быть разрезанным на куски и сваренным в партизанских котлах на обед...

Спасаясь от поджогов, расстрелов и порок, мужики покидали насиженные места и бежали в тайгу. Беглецы мощным потоком вливались в партизанские отряды, взводы превращались в короткий срок в роты и эскадроны, роты и эскадроны разбухали в полки. По Зее гуляли уже крупные отряды Патрушева и Федора Ко-

шелева. За Зеей появились: архаро-буреинский казачий красный отряд, «Старик», Заdernовский, которому одни только деповские рабочие станции Бочкарево дали сотню бойцов — да мало ли их! О Заdernовском говорили как об искусном партизанском стратеге. О «Старике», о его безрассудной храбрости ходили легенды, вся зазейщина восхищалась им, хотя редко кто знал его настоящее имя.

Еще летом, в июле, когда Демьян Тимофеевич мирно постукивал топором на острове горячих ключей, в другом конце области отряд, носящий романтическое название «Черный Ворон», совершил удачный налет на укрепленную белыми деревню Жариково, вызвав переполох среди золотопогонников. В страхе белые приняли горстку из тридцати пяти смельчаков за целый батальон. Областная полуяпонская газета белогвардейцев хвастливо сообщала: «Банда красных в количестве 350 человек внезапно напала на Жариково... Нападение успешно отбито».

Интервенты и белые лихорадочно укреплялись. Но партизаны все чаще, настойчивее и грознее начали тревожить своими набегами укрепленные базы интервентов.

Демьян Тимофеевич беспрекословно подчинился категорическому приказу военного коллектива и тронулся лесными тропками по указанному в бумаге маршруту...

В провале меж лобастых, густо заросших сопок, куда Демьян проник со своим отрядом сквозь многочисленные партизанские кордоны, стояло несколько свежесрубленных изб. Вокруг них сновали люди в бараньих шапках, в кожанках, в шубах и картузах, в простых мужицких зипунишках, перехваченных матерчатыми кушаками, а то и веревкой. Поляна давно потеряла свою девственную свежесть, траву примяли сотни ног, от избы к избе всюду обозначались тропки, валялись клочья сена и конский помет. Десятка три крестьянских коней стояли у самой дальней избы. Коновязью служила суковатая жердина, прибитая концами к двум соснам.

За деревьями, подальше коновязи, бродили, позвякивая колокольцами, стреноженные кони.

«Коней изрядно... А место глухое, — отметил Демьян Тимофеевич, оглядывая полукруг сопок и это, стиснутое мохнатыми сопками партизанское гнездо, — не скоро сюда доберешься, не дознаешься...»

Демьяновы молодцы разбрелись по избам, а он направился к крыльцу, у которого гудела большая толпа.

— Это и есть военный коллектив, главный штаб, — сказал кто-то

— Какого отряда? — спросил Демьяна встречный парень.

Демьян Тимофеевич развел руками:

— Собственного, товарищ. Без названия... без никаких... Только прибыли...

— А хомандир кто?

— Пока я.

— Загаданный?

Демьян не понял.

— Из тайги тебя сюда требовали, говорю?

— Оно самое.

— Ну, валай к командиру.

И парень махнул рукой на дверь через головы толпившихся у крыльца.

Демьян Тимофеевич протискался сквозь шумную ватагу.

Партизаны о чем-то жарко спорили, засыпали друг друга словами:

— Мы — сутаро-хинганские... и не уступим. Помнишь, паря, как под Есауловкой японца трепанули? То-то!

— Не скажи, буреинцы куда будут позагвоздистее...

— Языком вы мастера трепать!

— А мы этих казаков-хвастунишек знаем. Они и в германскую на передовых позициях были... гнали нашего брата, крупу, своими пиками в ж... А как ухнет германец — первые наутек...

Это говорил мужик в солдатской шинели нараспашку: он поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, точно искал сочувствия. Кое-кто хихикнул, а те, к кому относилась нелестная боевая характеристика, сконфуженно насупили брови и холодно поблескивали миндалевидными глазами. По этим глазам, по выдвинутым вперед скулам, обтянутым темной, будто промасленной кожей, Демьян Тимофеевич узнал казаков.

— Гураны* вы были, гуранами и останетесь, — сказал подбодренный смехом фронтовик.

— А ты, паря, не трепись! — рявкнул стройный великан из казацкой кучки, зло округлив глаза.

— Эй, вы, там!.. — гаркнул с крыльца человек в кожанке с наганом на тугом ремне. — Делать нечего... Печухи!

— Тебе чего? — повернулся он к взбирающемуся по ступенькам Демьяну.

Толпа утихла.

Демьян Тимофеевич вместо ответа протянул предписание военного коллектива.

Оба переступили порог, скрылись за дверью.

— ...Сейчас здесь сошлись три отряда, — говорил член военного коллектива внимательно слушавшему Демьяну, — сутаро-хинганский, буреинский и архаринский... Твой будет четвертый.

— Четвертый? Ладно.

— Дело такое, товарищ Коломийц, что разрозненным партизанским силам пора объединиться. Надо иметь общее руководство.. Удар метче и сильнее...

— Я всегда так думал. Именно объединиться! — подтвердил Демьян Тимофеевич.

— И мы уж провели это объединение. Все отряды выделили своих представителей. Образовался военный коллектив области. Он и руководит всеми крупными операциями... Вот это последние четыре отряда, которые еще не вошли. Других самостоятельных, диких отрядов, как мы их называем, в области, кажется, нет... Ты не встречал кого-нибудь в тайге вооруженных?

— Нет, не приходилось.

— Думаю, что больше диких нет. Всех охватили организацией, — снова подчеркнул член военного коллектива. — Так вот... Коллектив связан с городом, с подпольем, с партийным комитетом. Всю нашу работу направляет из подполья областной комитет партии. Мы с ним в постоянном контакте, получаем от него директивы, информацию, людей, помощь и руководство. А комитет через тысячи верст, через фронты связан с Москвой...

* Гуран — дикий козел; гуранами до революции презрительно называли амурских и забайкальских казаков.

Он подробно рассказал Демьяну Тимофеевичу о первой крупной вылазке объединенных отрядов месяц тому назад, когда в одну ночь на протяжении пятисот верст была парализована Амурка: сгорело триста шестнадцать больших и мелких мостов, несколько блокпостов и разъездов, а от станции Поздеевка осталась лишь груда обугленных обломков. Поздеевку защищал японский батальон. Всюду по линии с высоких насыпей, обстрелянные, с железным грохотом опрокидывались вниз длинные составы воинских поездов.

— Это был удар для японцев! — загорелись серые, стальные глаза военного. — Раза три так ударить, и они поймут, что мы не «банда красных», а хорошо организованный, вооруженный народ... Неправда, уйдут!

Ответно зажглись глаза Демьяна. А собеседник ошеломлял уже новой вестью, новой радостью:

— Вот на опытном поле Гош отряд Задерновского с целым полком япошей разделался. До зубов были вооружены, а мало кто утянул ноги... Даже генерала на поле оставили.

— Генерала?

— Да, генерала Сузуки... Пуля в голову.

— Вот это да! Здорово! А я и не слыхал... Все с Ветошкиным проклятым возился...

Долго рассказывал Демьян Тимофеевич о своих скитаниях — от Кульдура до буреинской встречи с казацким пароходом.

Выслушав рассказ, член коллектива разом ответил на все вопросы старика.

— Штабс-капитан Шутц — как же! Знаю, знаю! — засмеялся он. — Еще бы!.. Антонов, говоришь? Коломенский слесарь? Что-то не припомню... никак не припомню. Может, и есть такой... Слышал, что в городе было решение штаба выстроить на Кульдуре госпиталь на всякий случай, что он даже строится как будто. Потом это забылось — район отдаленный, бездорожный. Главное, вдали от партизанских скоплений. Может, с развитием операций и воспользуемся твоей постройкой.

Демьян Тимофеевич понял, почему он так поздно узнает о грандиозном размахе повстанчества — «вдали от партизанских скоплений!» И будто ужалила его непрошенная неприятная мысль: «Чуть ли не последний из диких... похоже, зря за Кульдур цеплялся... Сколько

сил порастратил впустую... Что бы сразу идти куда следует!»

— А ты — молодчага! Уже недели две как сообщили нам о твоих победах на линии, — сказал на прощание член коллектива. — Приходи завтра на заседание.

Демьян Тимофеевич вышел на крыльцо. Тучи разорвало, и зеленая палатка неба, затканная золотыми блестками звезд, накрывала этот неприступный, недосягаемый для врагов партизанский штаб.

Все члены военного коллектива области были в сборе. Серьезные, суровые лица их говорили о том, что эти люди собрались сюда решать дела первейшей важности. Демьян Тимофеевич невольно как-то посуровел, внутренне подобрался.

«Какие люди! — думал он. — И я среди них как свой... Будто родные все Михайлы Антонова... значит, и мне родные».

Особенно запомнил Демьян Тимофеевич высокого, сухопарого, с длинными, в непрерывном движении, руками — командир какого-то центрального района. Строгое, точно выточенное, лицо с прямым носом, звонкий, резкий голос... Демьян заметил, что все присутствующие по-особому считаются с сухопарым, по-особому прислушиваются к нему, умолкают, когда тот начинает говорить. И это почему-то радовало Демьяна Тимофеевича.

Из разговоров плотник понял, что размахивающий руками командир только что приехал издалека с важным секретным донесением и что это донесение будет слушаться на чрезвычайной тройке штаба, после заседания, поэтому коллектив заседал недолго. Всю область решили разбить на четыре района, для каждого района назначить командующего и членов районного коллектива, обязать коллективы точно, беспрекословно подчиняться приказам главного штаба.

Сухопарый говорил:

— Этим мы, прежде всего, укрепим дисциплину. Ее почти нет. Я приказал расстрелять двух мародеров... совсем на днях... Придется и в других отрядах применить эту крайнюю меру, подтянуть людей... Дисциплина раньше всего — как среди рядовых бойцов, так и среди командиров. Только тогда можно говорить об

единстве согласованного действия, о широком размахе операций, говорить о победе...

Демьян Тимофеевич сидел на скамье, прислонившись к стенке, и жадно слушал. Кругом, пыхая папиросками и сигарками, сидели и полулежали, облокотясь на лавки, многочисленные таежные командиры. Какие разные, непохожие друг на друга люди! Вон этот в очках, в аккуратном френче, с моложавым, девичьим лицом — сразу видать, городской. Рядом с ним — круглолицый, с белым пухом на шершавых щеках, беспрерывно моргающий глазами, простой деревенский парень. Только великое, до крайности значительное дело могло согнать столь разных по обличью, воспитанию и привычкам людей в осень, в стужу, в непогоду сюда, в таежную глухомань — только оно крепко спаяло их.

Спорщиков не находилось. Все было просто и ясно — так казалось Демьяну. Сперва дисциплина, военная выучка, потом короткие, но тяжелые удары, потом — сокрушительный вихревой натиск и занятие города.

...Выбирали сперва четырех командующих — по числу районов. Демьян услышал незнакомые ему имена: Задерновский, Безродных, Юшкевич, Дрогосhevский. Никого из них он не знал в лицо. Кто, например, этот сухопарый или вон тот, что расспрашивал его вчера?

Потом назначили членов районных коллективов: «Старик», Воропаев, Макаров-Зубарев... сколько фамилий, никогда не слышанных раньше!

— Коломийц!

Демьян Тимофеевич вздрогнул от неожиданности... Люди оглядывались на него, дружески кивали.

Он, Демьян Коломийц, — член одного из четырех штабов партизанской области, — ого! «В гору полез, плотник! Стратегия моя, выходит, даром не пропала, — довольный собою, думал он. — Но какого района? И кто мой командующий? Надо спросить... прохлопал...»

От председательского стола раздался голос:

— Слово предоставляется председателю военного коллектива Амурской революционной области товарищу Шилову... Степан Самойлович, говори!

Из-за стола медленно поднялся широкоплечий, плотно сбитый, жилистый и крупный человек во френче. Он встал неуклюже, скрипнул стулом, сапогами, сбывчил круглую большую голову с копною спутанных волос.

Черный чуб сползал на лоб. Огромная сила чувствовалась во всей его фигуре, в сердитых глазах, в глубоких морщинах казацкого скуластого лица.

— Так вот он какой... Самый главный! — прошептал Демьян Тимофеевич...

Нежданная встреча у сгнившего зимовья

Поздним вечером, когда по тайге вовсю хлестал дождь, к крыльцу штаба подъехали три подводы. Под брезентом на телегах лежали пулеметы и медикаменты для таежных лазаретов.

— Новая партия груза, — сказал невидимый в темноте возчик. — Принимайте.

— Из города? От областного комитета партии? — спросили с крыльца.

— Да.

Подпольщик, стряхивая воду с закрывающего лицо капюшона, вошел в штаб...

В дальней избе, где разместились большая половина Демьянова отряда, стоял дым коромыслом. Здесь было густо от людей, друг друга задевали локтями, и Демьян Тимофеевич не мог никуда примоститься. Незнакомый парень с залихватской ужимкой соскочил с табуретки, танцуя, подбежал к Демьяну:

— Садись, дядя, а я по избе покручусь...

На столе тускло горела лампа-ночник.

Пашка яро вздергивал гармошку, и под веселый скачущий мотив прыгали и приседали в кругу два босых распоясанных парня. Многие сидели на полу и хлопали в ладоши.

— На роздыхе, Тимофеич! — выкрикнул Пашка, отрывая голову от гармонии и встречаясь глазами с командиром. — Что, завтра опять по тайге блуждать пойдем? Хоть день, да наш, а там опять япошек и казаков бить... Так, что ли?

— Завтра в рань. Только теперь не блуждать, — светлая улыбка тронула губы Демьяна Тимофеевича.

— Куда так заспешили? — спросил кто-то невидимый за плотным махорочным дымом.

— «Куда!» — вспыхнул Демьян. — Тебя не спросили... Дисциплина: прикажут и пойдешь!

Пашка перестал пикировать:

— А нам что же — кончать, Тимофеич?.. Или уж можно немножко?

— Да мне-то что, веселись, — сказал Демьян, остывая, — только утром в дорогу. Все равно... мне не мешает, а я прилягу.

Демьян растянулся подле стены у стола, положив под голову тужурку. Напоследок он еще раз громко, чтоб слышали все его подчиненные, повторил, что завтра предстоит ранний путь.

— И в других избах объявите, — наказал он.

Не спалось. Бесновалась в кругу, под невесть откуда взявшуюся гармошку, молодежь. Хлопали в ладоши пожилые, расположившиеся по лавкам, на полу, на пороге. Лица оживлены, смешливы, дурашливы. Только один Семенов, точно идол, глядел раскосыми глазами перед собой и будто ничего не видел...

«Такой, видно, уродился... недотепа», — подумал Демьян не без сердца на этого вечно хмурого казака.

Прошло немало времени, веселье утихло, замолкла гармонь, плясуны устали, уgomонились, все разлеглись на полу вповалку. Уже и захрапел кто-то. И лишь Семенов не трогался с табурета, точно собирался провести ночь сидя, не смыкая глаз.

Еще повременив, Семенов повернул голову, оглядел вытянувшегося у стены командира, осторожно, стараясь не скрипеть, поднялся и бесшумно прошел к двери. Открыл ее тихонько... незаметно выскользнул в сени.

Демьян Тимофеевич наблюдал за ним из-под густых полусомкнутых ресниц — словно спит, ничего не видит.

«Как кошка... Если нужно до ветру, взял да вышел... Неладный какой-то...»

Семенов долго не возвращался. Рассудив, что кроме как в казацкую избу, к каким-нибудь знакомым казакам-партизанам, Семенову некуда податься, Демьян Тимофеевич повернулся на другой бок и хотел было по-настоящему закрыть глаза, но взгляд его, случайно скользнувший по окну, заставил его, напротив, широко раскрыть их: мимо, под окном, проплыла крадущаяся человечья тень.

«Будь ты неладен... пойти посмотреть!» — Демьян

Тимофеевич встал и, перешагивая через посапывающих на полу партизан, вышел во двор.

Отсутствие Семенова в этот непогожий неурочный час и эта тень под окном как-то вдруг связались между собою воедино.

— Подозрительное дело, — пробормотал Демьян Тимофеевич, вглядываясь в темень.

Бушевала непогода, но дождь кончился. Падали с темного неба последние редкие капли вперемежку с тающими снежинками. Шумел в вершинах бешеный ветер... Зябко, сыро.

Прижавшись к стене, Демьян Тимофеевич силился разглядеть, что там, впереди... Шагах в пятнадцати — казачий говор... Вслушался. Говорит Семенов, а что говорит — не поймешь за этакой непогодой.

Долго ждал Демьян Тимофеевич. Случайный обрывок речи донесло до его слуха порывом ветра:

— Кабы не узнали...

Постоял-постоял Демьян и вернулся в избу с твердо созревшим решением: «За этим гураном догляд нужен! О чем они?.. «Кабы не узнали». Догляди, Демьян!»

Незаметно, кошкой вполз Семенов в избу — как вылез. Опять оглядел притворившегося спящим командира.

«Вот дьявольщина, якорь тебя задери! А не заявить ли в штабе, чтоб арестовали? Вдруг он что-нибудь... — по-серьезному обеспокоился Демьян Тимофеевич таинственным поведением Семенова, но тут же откинул эту мысль. — Но что заявлять? «Кабы не узнали...» Может, он спереть что с друзьями своими нацелился? Нет, уж лучше сам как-нибудь справлюсь...»

Что за таинственный разговор вел ночью, скрываясь ото всех, партизан Семенов? С кем? Разговор, который ни в коем случае не должен был услышать командир отряда Демьян Коломийц?

Если б командир Коломийц поймал ухом хотя бы часть этой ночной беседы, он завязал бы глаза партизану Семенову, отвел его к соснам неподалечку и пустил ему пулю в затылок...

— ...Я самый, — говорил Семенов кому-то закутанному в шубу. — Как вы меня признали?

— Мы все обязаны...

— Пока дело идет без заковычек.
— Молодец, хвалю за службу. Только смотри, паря...

— Рад стараться, господин хорунжий!

— Расскажи...

— ...У подполковника Ветошкина я был на отличном счету. От меня он получал все нужные сведения, что делается среди рабочих. За всеми следил... Как-то вызывает Ветошкин к себе. «Стражник, — говорит, — я уезжаю в город и если без меня нагрянут красные и плотники пойдут за ними, иди и ты... без разговоров... Всех возмешь на заметку и... присоединяйся. Тебя примут — подумаешь, велика птица стражник! Проскочишь в партизаны, все примечай: людей... вооружение... пути в тайгу... партизанские тропы. Но без дела, по пустякам не губи, раньше времени не разоблачайся. Начальство поручает тебе большое дело — установить, где находится главный партизанский штаб, таежный центр. За выполнение — чин хорунжего, не меньше... понял?» Я понял... Мерз в тайге, сидел в ледяном озере... Много было случаев перебежать, всех до одного выдать, но мелочь... я помнил о главном штабе... знал, что рано или поздно придем сюда. Теперь дорогу знаю... Сообщу...

— Еще раз молодец! Доложи подполковнику. Он примет меры в штабе японского командования... Если что-нибудь с тобою случится, не тревожься: доложу я... Спасибо за помощь... Родина не забудет...

— Рад стараться... кабы не узнали...

Фигура в шубе растворилась в непроглядной черноте ненастной ночью.

Чуть свет Демьянов отряд уходил по приказу военного коллектива на свой боевой участок. Утро выдалось свежее, морозное. Ветер унялся, над черным, омытым ливнями лесом поднималось багровое солнце. Напоенная влагой земля хлюпала под ногами. Тонкий и белесый полз по кочкам туман... Отряд уходил на коных.

...Тропа двоилась: направо и прямо, и Демьян Тимофеевич не знал, куда сворачивать. Двухдневный переход сквозь тайгу по незнакомым местам сбил его с толку.

— Пашка, куда теперь? — спросил Демьян вполголоса.

— Кажись... не поймешь.

Оба глядели на вычерченный в штабе план и не могли разобраться.

Демьян Тимофеевич поднял голову.

— Ребята, кто здешний? Куда дорога?

Здесь в отряде оказалось только трое, но и те не были таежниками.

Семенов рванулся в седле, подъехал к Демьяну.

— Я поведу, товарищ командир.

— Куда? — Демьян Тимофеевич сощурился, и так живо встала перед ним ночная картина: Семенов кошкой крадется вдоль стены. «Нет, шалишь! Не это ли?..» — вздрогнул Демьян и повторил: — Куда?

— Прямо, без заворота...

— Приказываю вертеть направо, — крикнул Демьян Тимофеевич. — Ты что-то путаешь, паря... Попробуем направо.

— Пробуй, мне что, — пробурчал Семенов, и по коричневому его скулам скользнула улыбка. Казак всегда себе на уме. Казака не проведешь. У него острый, наметанный глаз... Семенов видел ночную тревогу командира — не Коломийца ли выходил на двор и, прижавшись к стене избы, вытянул шею, вслушивался? О, его, Семенова, не проведешь! И сейчас пришло время сыграть наверняка: умный плотник не поверит, что он, подозрительный косоглазый гуран, укажет правильный путь... И он сыграл... И оттого блуждала улыбка по казацким скулам.

«Перебьем этих, потом в ихнее гнездо нагрянем — начисто разгоним, чтобы духу партизанского в области не осталось... Там японцы... Хорунжий сказывал...» — мечтал Семенов, трясаясь в седле.

...Тайга оборвалась. Открылись поля, изборожденные дорогами. Версты за три, у лесочка, видать деревню.

— Стой! — скомандовал Демьян Тимофеевич. — Фома, давай в разведку... Что это за деревня? На нашей дороге не должно быть такой деревни.

— Что я сказывал! — злою радостью загорелся Семенов. — Я правильно показал тогда дорогу.

— Выходит, что и правильно, — смутился Демьян.

Хитрый враг торжествовал. Двойная победа: восстанавливается, так еще необходимое, доверие к нему и... «Хорунжий говорил: здесь обязательно стоят японцы... Вот когда перебегу!»

Часы мучительной неизвестности ползли один за другим, а Фома все не возвращался. Тень тревоги легла на веснушащее лицо Демьяна.

Партизаны забеспокоились.

— Неужто попал?

— На выручку надо бы...

— Беспременно.

Больше всех тревожился брат потерявшегося разведчика—Пашка. Он соскочил с коня и стоял растерянный, немного смешной и жалкий, с посеревшим лицом и блуждающим взглядом.

Демьян Тимофеевич и сам чувствовал, что надо идти на выручку, что исполнительный разведчик Фома не мог по своей воле застрять в деревне... Отряд объехал вокруг нее, спешился. Поползли кустами к задворкам, волоча за собою винтари...

У околицы, на отшибе—белый, наскоро сколоченный, тесовый барак. Настежь распахнута дверь. На земляном полу тлеют в очаге угли. Сизый дым столбиком уходит в широкий четырехугольный прорез в крыше.

Ни часового, ни ожидания близкой встречи с врагом... Наверняка вблизи барака есть где-то секреты... Сидят—кто на корточках, кто на низких, на вершок от пола, скамеечках—люди в зеленоватых шинелях. Человек в полста... Тянет от барака теплом, ветерок доносит нерусские слова—не разберешь.

Ближе всех к очагу сидят, задумавшись, русский офицер и казак-лампасник. Карабины у передней стены—в прямой пирамиде.

Задняя стена барака упирается в кустарник.

— Пашка,—голос Демьяна приглушенный, чужой,—хворосту... хворосту, ребята... Подожжем!

Отряд откатывается назад, к коням. Демьян Тимофеевич не спускает глаз с внезапно засуетившегося Семенова, как бы говорит взглядом: «Пикни,—пристрелю, сволочь!»

Пашка и еще двое орудуют у белой тесовой стены. Проворно накидали наземь—по всей длине барака—

сухих веток. Начали поджигать одну кучку за другой. Черным дымом за клубился воздух, и огненные языки заплясали над землею. Партизаны уже сидели верхами.

Гомон, гвалт и суета в бараке. Выбегают с карабинами наизготовку коротконогие солдаты.

— Назад! — поворачивает Демьян Тимофеевич коня к лесу. — Боя не принимать!

Отряд скачет к опушке — вихрь несется навстречу. Позади хлопают трескотливые пачки выстрелов. Но не достанешь партизан — уже далеко. Пули поют где-то в стороне.

— Хоть бы стрелять научились! — издевается Пашка.

В пылу вихревого бега Семенов неприметно поотстал и уже повернул коня... С японской стороны трескотня оборвалась: казаки заметили его. Партизаны разом осадили коней, заворотили круто.

Видно — у японцев машет руками казак... Шпорит Семенов коня, согнулся в три погибели.

«Так вот оно что!..» — Демьян Тимофеевич первый поднял бердану:

— Стреляй!.. Чего смотришь!

Грохают партизанские пятизарядки... Напрасно — в дым и пламя проваливается предатель. Семенову не было времени объезжать барак, некогда было раздумывать.

Опять стреляют японцы. Барак трещит, весь в огне. Сухой, как сеновал, — мигом занялся.

— Ушел, подлюга! — говорит с сожалением Демьян Тимофеевич. — Да ничего... все барахло японское погорело. Остались в одних шинелишках. Ишь, потрескивает.

— Должно, патроны рвутся.

— Не много взяли!

— Изменник-то!

— Попадись он мне!

— И хорошо: освободились от нечисти. Это, никак, он нас сюда завел, думал... живьем японцам...

— У японцев где-то поблизости должна быть крупная часть. Вишь, пулемета даже нету. Разве он без пулемета в тайгу когда суется! — перебрасывались словами партизаны.

— А где же Фома-то? — с дрожью в голосе вспомнил Пашка.

— В бараке его не было... не видать.

Долго, остановив коней, рассуждали бойцы о загадочном исчезновении товарища... Ничего не могли придумать. Пашка сунулся, глотая слезы, молчал.

— Вот что, — вымолвил он наконец, — отпусти ты меня, Тимофеич, в разведку... одного... может, что раз-
узнаю.

Партизаны горячо поддержали Пашку:

— Брат вить... отпусти!

Демьян Тимофеевич вынужден был согласиться, уступив настойчивой просьбе. Но надо было выполнить приказ штаба — спешить на свой участок.

— Ладно, езжай. Ждать мы тебя не станем... Давай оружие, прикинешься мужиком. После через штаб разыщешь.

— Остерегайся, Павел, японца! — напутствовали товарищи.

Помахав ему вслед руками, свернули на необходимую заросшую тропу.

...Снова отряд на безопасных таежных тропах.

Вечером, когда в чистом небе догорали последние костры заката, в распадке, у сгнившего дотла зимовья отряд повстречался со всадником. Японский карабин через плечо, бурая от грязи, широко распахнутая шинель, обмотки на худых ногах.

Впереди ехал Демьян — первым и поравнялся.

— Какого отряда, товарищ... — начал было рыжеусый командир, но тут же ахнуло все внутри. Не своим голосом, перевирая имя, закричал:

— Антон, якорь тебя задери!.. Тьфу!.. Михайла!..

Это в самом деле был он — коломенский слесарь Михайла Антонов.

Красный Яр оказывает героическое сопротивление

— Везет, — процедил сквозь зубы Антонов, когда хлопки выстрелов смолкли и дикие вскрики японцев, удаляясь, растворились в шелесте травы. Он лежал в густом цепком кустарнике. — Везет... Вторая дырка в левой ноге.

Антонов, морщась, стянул сапог, разорвал подштанники, туго перетянул тряпкой кровоточившую простреленную навывлет икру. Рана оказалась пустяковой: кость цела.

Ушли японцы. С усилием поднялся Антонов на ноги. Огляделся... Кругом безмолвие дикой таежной долины.

— Что-то предпринять, куда-то идти...

Хромая больше, чем прежде, до этой дьявольской западни, вышел слесарь на линию, и держась насыпи, медленно заковылял мимо гудящих телеграфных столбов, часто останавливаясь — давала знать себя большая потеря крови.

Дважды пришлось зарыться в кусты: по рельсам промчались два ошетилившихся броневика с японцами — один за другим.

— Больше не в силах, не могу, — прошептал Антонов, ложась на влажный мох у края поляны в мрачной тени лиственниц... Волнение этого страшного дня, голод, рана... гудело в голове, мельтешило в глазах. Вечер обволакивал землю покрывалом осенних сумерек. Небо затянулось клочкастыми тучами.

В полночь на линии, у самого полотна, показались темные силуэты людей. Один, два... пять. Низко-низко склонились над рельсами... Глухой стук металла, точно ломом задели рельс.

«Свои, партизаны, разбирают... закладывают фугас?» — соображал Антонов, прислушиваясь к возне на высокой насыпи.

— Братцы... товарищи! — рванулся из-под лиственниц по осыпающейся гальке наверх. Упал... Люди наверху разом выпрямились, затаились.

— Не бойтесь, товарищи... Свой!

Как в тумане, видел Антонов: посыпался по крутому склону гравий и, будто на лыжах, прямо к нему скатились бородатые, широкоплечие люди в крестьянских зипунах... Нестерпимо заныла простреленная нога — чересчур вскинул ее, прыгая на откос... Бородачи подхватили под руки. Глаза застилала головокружительная чернота.

Антонов потерял сознание...

Отряд новый, небольшой: полтора десятка людей

и семь винтовок. Кряжистые парни, заросшие в таежных скитаниях дремучими бородами, среди них трое бывших красногвардейцев.

— Разбили, говоришь, Коломийца? Плохо... А мы вот вышли путь ломать... Одних побьют, другие придут из тайги. Врут — сдадут!..

Отряд шагал в родную деревню — передохнуть, подкрепиться после длительных переходов и бесчисленных вылазок на линию. Антонов, прихрамывая, шел, еле поспевая, за бородачами. В первой же встретившейся на пути деревушке для него достали лошадь.

К ночи с бугра ласково замигали огни большой деревни.

— Вот и наш Красный Яр!

В деревню вошли поодиночке — неровен час, гостит в деревне казацкий отряд. Много их перебывало за последние недели в этих краях.

Деревня бедная, в редком доме не скрывался или не скрывается бывший красногвардеец, десятки красноармейцев партизанят.

Не выдаст деревня.

Ни души на темных улицах. Гавкают собаки, гремят цепями... Рассыпались партизаны по своим избам. Антонова взял к себе главный в отряде — Артемов, русоволосый парень с ясными, пристальными глазами на бледном лице и глубокой складкой поперек широкого лба.

Крепко спалось в эту ночь слесарю Антонову в избе под теплой шубой.

Утром уже вся деревня знала:

— Партизаны вернулись!..

К Артемову приходили во двор мужики, здоровались, расспрашивали пытливо и настороженно.

Новостей в деревне не было — тихо, спокойно...

Артемов два дня подряд возил солому — надо пособить старикам в хозяйстве, пока сам дома. Михайле Антонову тоже нашлось дело: под навесом облаживал он телегу на железном ходу, с помощью самодельного горна сваривал лопнувший шворень.

На третий день, к вечеру, когда Артемов распрягал жеребца, намереваясь пораньше завалиться спать, чтобы завтра чем свет выехать в лес за дровами, во двор вбежала, звякнув калиткой, двенадцатилетняя Ириш-

ка. Она махала руками, как бы ловя воздух, и визгливо кричала брату:

— Казаки! Ей-богу... казаки!

Артемов, а вслед за ним и слесарь метнулись на крышу сарая. Пыльной цепочкой по тракту трусили к деревне всадники с пиками.

— Что предпримем? — живо спросил Антонов, глядя, как редкая цепочка конной сотни приближается к околице.

— Перво-наперво оповестить ребят! — Артемов спрыгнул на землю.

На задних дворах, в конюшнях, по амбарах, в подпольях притаились партизаны. Притаились до ночи, до того часа, когда крепко заснут казаки... А лампасники уже ходили по дворам грозной толпой, требовали овса для коней, приказывали колоть и жарить птицу, поросята, шарили в кладовых и убогих сундуках.

Ночь предстояла светлая, из-за сопок выползала луна. Деревня не думала укладываться, во всех окнах горел огонь.

— Поймали, поймали! — услышал Артемов крик с улицы...

Осторожно поглядел в щель забора. По тракту шла толпа казачни. Двое парней со скрученными назад руками — в середине, в плотном кольце казаков с саблями наголо.

Вихрем ворвался Артемов в избу:

— Товарищ Антонов... скорей!

Мать заплакала — сыну грозила, видать, большая беда.

— Скорей!..

Выхватили зарытые в сено винтовки. Бросились задворками к артемовским отрядникам — из избы в избу.

— Собирайсь... живо!..

— Кто выдал?

— Не знаю...

— Не разберешь...

К отряду бежали по задкам мужики с топорами, стягами, вилами, с косами и дробовиками... Проулком все вместе вышли наперерез казакам.

— Кого ведут?

— Кто указал?

— После дознаемся, — неслось шепотом в запруженном узком проулке.

Казаки, человек двадцать, направлялись к околице; пятеро — верхами.

— Так и есть: на расстрел... в поля...

Артемов чуть высунул голову из проулка:

— Слушать команду!.. Сейчас выскакиваем. Все разом.

— Не шуметь только — другие сбегутся.

— Пусть. Не миновать пальбы. Все едино услышат.

Пропустили казаков чуть вперед притаившиеся в проулке, вооруженные чем попало, партизаны и мужики и накрыли их сзади. Казаки смешались; некогда хвататься за карабины и сабли; кто кинулся через забор, кто поднял руки под нависшими над головой косами и топорами. Верховые под дулами винтовок слезли с коней... Двое успели ускакать.

— А, да это вот кто! — говорил Артемов, снимая веревки с заплывших рук знакомых красногвардейцев.

— Как вас угораздило?

— Кто засыпал?

Парни, ошалев от неожиданной свободы, блаженно и растерянно улыбались.

Казаков обезоружили, связали веревками, кушаками, затолкнули в проулок и пошли по деревне... закричали «ура», стали палить для испуга в воздух. Сотня вылетела из деревни врассыпную — шестью воротами: были разбросаны казаки по разным концам и трусили принять бой. Сколько партизан нагрянуло в деревню? Каковы их силы?.. Пулеметы?.. Из-за каждого угла, с каждого подоконника могла подстеречь мужицкая пуля, кирпич, тяжелая дубина...

В ночь краснаярговцы сошлись в один объединенный отряд — знали: казаки даром не спустят. Набралось человек сорок. И все время прибывали новые — в одиночку, парами, целыми группами. Тут же, на тракту, держали военный совет.

Слесарь Антонов был горяч, настойчив, даже требователен, слова его звучали, как приказание:

— Теперь ждите, товарищи, карателей! Повадка у белых одна — стереть с лица земли всякое непокорное село... Будем защищать до последнего наше достояние и свободу! Не дадим разорить деревню! Мы сможем

продержаться, пока подойдет из тайги помощь... Предлагаю: выставить заставы по всем дорогам, о всяком движении заставы сообщают немедленно в наш штаб. Тем временем посылаем людей в тайгу за помощью... Наши придут на выручку. Это единственный путь отстоять деревню от разгрома. Больше спокойствия, выдержки! Выберем штаб, товарищи!

— Вот это правильно! — крикнул кто-то.

— Застой! — слышалось из толпы.

— Согласны, значит? — спросил Артем.

— Согласны — не согласны, а больше не на что соглашаться...

— Одно это и остается.

— Правильно... Как есть...

...Мутное небо придавило землю низкими тучами. Не спали по ночам мужики, закапывали свое добро во дворах, прятали бабы сундуки в подполья, кидали туда ведра, кадки, сапоги, чугуны, конскую сбрую и пекли хлеба для долгой отсидки... в оврагах, в тайге, где придется...

Три-четыре человека — застава. Раскинулись заставы по всем дорогам, ведущим к Красному Яру.

Минуло двое суток. Деревня готовилась, говорили бабы, к последнему дню, к неизбежной смерти... А на третьи сутки одна из застав передала:

— На дороге показались две сотни казаков.

Антонов еще с утра объехал на гнедом бегунце окрестности Красного Яра, и план обороны до мельчайших подробностей вызрел в его голове. И когда казачьи сотни приблизились к Яру, десять красногвардейцев во главе с Артемом на конях зашли им в тыл оврагами со стороны соседней деревни Завитинки. Бывшие красногвардейцы нацепили на тугие кушаки и ремни ручные гранаты — до этого они были запрятаны в глубине подполий, ждали, когда ударит последний час. Этот час теперь надвигался. А коломенский слесарь тем временем рассыпал в цепь главные силы отряда по опушке леса на виду у деревни. И только поравнялись казаки с лесом, из густого сосняка хватил свинцовый шквал. Офицеры, гарцовавшие впереди, круто повернули назад... Сотни шли в деревню на рысях — обратно они мчались стремительным галопом — вверх по

звонкой дороге. К боковому шквалу тогда присоединился огонь в лоб: тыловая засада Артемова двигалась наперерез.

— Обходная колонна! — ревели казаки и шпорили дыбившихся коней.

Из сосняка следом кинулась погоня — пятнадцать верховых. Мужичьи буланки и гнедухи рванули вверх по дороге, врезались в отставших казаков. Партизаны сдернули с седла последнего в хвосте казака и, как ни барахтался он по земле, как ни матерился, скрутили назад руки и отправили в деревню в сопровождении вооруженного железными вилами деда Сидора.

Казаки скрылись за поворотом — ускакали в Поярково, к своей базе. На дороге осталось двенадцать убитых казаков и пять лошадей...

— Ловко твой эскадрон работал, Михайла... С победой, начальник штаба! — обступили Антонова партизаны, сойдясь вместе.

Отбив нападение, партизаны созвали сход. Краснояровцы, от мала до велика, запрудили улицу у сельской сборни. Необыкновенный это был сход: куда делись галдеж и разноголосица выкриков, без которой не обходилась ни одна сходка прежде. Тихая толпа стоит под плачущим, насупленным небом. Вытянув шеи, впившись глазами в поднявшихся на крыльцо обвешанных гранатами парней, мужики и бабы жадно ловили каждое слово человека в длиннополой шинели нараспашку.

Антонов говорил:

— У нас одна дорога — бросить деревню, уйти в тайгу. Помощи, как выяснилось только что, мы скоро не дождемся. Казаки приведут сюда японцев. И вы ли будете смотреть спокойно, как ваших детей интервенты станут кидать в огонь?.. Вспомните, что сделали они с Ивановкой...

Не то вздох, не то стон вырвался из десятков грудей.

Говорил Артемов — партизанский командир:

— Уж лучше пусть горят наши избы, дворы... Вернемся, новые понастроим, а сохраним себя, сохраним жен, матерей, ребятишек... угоним скотину, увезем хлеб, какой есть... Уж лучше пусть палят все, а советской, своей, власти не сдадим...

И когда голосовали: «Подымите руки, кто за эвакуацию», — все руки протянулись над головами, землястые, узловатые руки землеробов, голосовавших за продолжение борьбы.

— Единогласно, — сказал Антонов.

Плакала, шмыгая носом, какая-то баба.

— Уймись, дура, — успокаивал ее растерянный мужик в рваном тулупе, — уймись, говорю... не погибать же...

— Да жалко...

— Сход окончен! По домам — собираться! — объявил Артемов и, обернувшись к партизанам: — Отведите пленных подальше... Завяжите глаза, чтоб ничего не подсмотрели... Начальник штаба уж допрашивал их.

...Едва занялся холодный белесый день — зашевелилась деревня... Дрогли во дворах закутанные в тряпье рабятишки, кричали бабы. Красноровцы торопливо выводили из-под навесов лошадей. Коня фыркали в затянувшем дворах тумане, точно спрашивали: «Куда гонят нас в такую рань?» — Последним дымом курились избы: чем свет попили чай в собственных избах красноровские мужики — в последний раз! А потом из настежь распахнутых дверей на подкованную ядреным морозцем землю полетели узлы, горшки, самовары...

Скоро собралась деревня. Проселками, сквозь пелену тумана, потянулись обозы. За груженными доверху телегами шла на привязи понурая, медлительная скотина. Кто, сидя на возу, погонял гнедую и сивую, не оборачиваясь назад, а кто, отправив со скарбом жену и детей, снимал с голой стены дробовик и шагнул к избе Артемова — к штабу отряда.

К полудню деревня точно вымерла. Лишь три старика да девятидесятилетняя бабка наотрез отказались слезть с печей, бабка все твердила:

— Куда ж я в этот мороз... Ничего мне, старой, не сделают...

Партизаны последними ушли к ошетилившейся лесом крутой сопке, выставив на поярковской дороге заслон в пятнадцать винтовок. Это был теперь большой и разношерстный отряд. Старые охотники, таежные деды-медвежатники, согреваясь ходьбою, сновали от одной группы партизан к другой, мимоходом останавли-

вались под нависшими лапами сосен, объясняя совсем еще молодым парням, ни разу не державшим винтовки в руках, как с нею надо обращаться; ободряюще приговаривали:

— А вы, молодцы, не бойтесь. Отстоим свою деревню...

— А у меня, дедка, кроме кочерыжки никакого орудия, — сказал одному медвежатнику парень в тулупе с лопнувшими рукавами. Его сосед, подросток лет шестнадцати, большеглазый и рябой, моментом привскочил с пенька:

— У меня тоже нету... Не беда, что нет винтовки, — убьют кого, у того возьму.

Старик едко засмеялся:

— Экий ты!.. Тут сражения, а он... о смерти!

Партизаны зорко вглядывались сквозь редеющий, как бы вздрагивающий, туман. Артемов самолично наблюдал за дорогой с вершины старой сосны.

— Стойте... замолчите! — закричал он вдруг, напряженно вытягивая шею. К деревне приближались японские цепи: одна... другая... третья. Вон по полю маячат желтоверхие фуражки.

Откуда-то издали раздался шуршащий грохот. Под грязным полотном невозмутимого доселе неба запрыгали у горизонта короткие огнистые языки. Пламя вспыхивало, мгновенно бледнело, словно таяло в тумане, и воздух начинал дрожать... Над лесом засвистело.

— Ишь, жарит из орудий, — сказал под артемовской сосной красногвардеец.

И в тот же момент вблизи ахнула земля, и в треске и грохоте полетели комья и щепы... Партизаны распластались по земле.

— Ничего страшного, — нарочито веселым голосом сказал Антонов, — случайный снаряд... Может решили раз-другой тайгу у деревни пощупать, есть ли кто, не отзовемся ли. Все их бомбы пойдут в пустую деревню. Пусть разбрасывают зря, нам не жалко... Но, кажется, пора начинать операцию?.. Эх, жаль: нет у нас пулемета — я бы им дал...

Артемов спустился с дерева:

— Да, пора обходить.

Ложиной зашли в тыл японцам, открыли хлесткий огонь по задней цепи. Японцы залегли у края дороги...

Застрекотал пулемет. Безоружные юнцы прятали головы под кочки, некоторые дрожали всем телом, словно в ознобе.

Охотник с желтой, с прозеленью, бородою поднялся во весь рост:

— Ребята, отстоим! Эй, вы там, ребяташки, не унывать!

И перебегая легкими прыжками вдоль залегшего отряда, начал стоя жарить из берданы, поминутно вскидывая ее к плечу.

— Не отдадим родного Красного Яра! — кричал он.

Смелость старика заставила всех приободриться. Партизанский огонь стал гуще и метче.

Однако Артемов распорядился отступать:

— Бесполезно бахать, когда батарея и пулеметы. Беречь патроны!

Но Антонов решил до конца использовать боевой пыл стариков. С небольшою кучкой охотников он кинулся бегом к деревне, над которой оглушительно рвались японские снаряды... Артемов уводил основные силы отряда к тайге.

Михайла Антонов — так ему казалось — всю жизнь руководствовался трезвым, холодным расчетом. Но сейчас он почувствовал, что одного этого мало: события сплошь и рядом идут не по расчету. Его подмывало задержаться в первом ряду изб... В этом, конечно, не было ни капли расчета, ибо трезвый голос говорил: «Куда ты, сомнут ведь, скосят, как траву», но будто чья-то рука швырнула его вперед на безумно-дерзкую попытку.

Замолчала батарея и пулеметы, видимо, японцы заметили отход Артемова, оборвавшего перестрелку. Густые цепи врагов без выстрела подходили к Красному Яру.

Антонов подпустил смешанную японо-казацкую цепь шагов на пятьдесят. Десяток винтовок хлестнул навстречу врагам разорвавшим воздух залпом.

Антонов первым выпрыгнул из-за угла, бросился к цепи и запустил в подходивших японцев гранатой. Сзади него бежали таежные бородатые деды, и воздух раскалывался от протяжного рева:

— Урра-а-а-а!

Цепь отпрянула назад.

...Солнце склонилось за щетину леса, и когда подо-спели остальные цепи, японцы и казаки ступили на мертвые улицы Красного Яра.

Антонов берегом Завитой, протекавшей через деревню, отходил к лесу, догоняя главные силы отряда...

Японцы жгли дома по порядку. Раскладывали внутри пустых изб хворостяные костры, поджигали и уходили. Казаки забирали оставленную кое-где домашность, лазили в погреба, ловили по дворам кудахтающих кур.

Стариков стащили с печей за бороды, двинули их в сугорбки несколько раз прикладами, а бабу, уверявшую утром, что ей ничего не сделают, избили посередине избы шомполами.

— Вот тебе за строптивость! — рычал громадный казак.

— Будешь знать, как следующий раз отвечать!.. Куда ушли, рассказывай!

Старуха стояла и через силу крестилась отшибленной рукой.

...Зарево стояло над деревней и, оборачиваясь к этому разрастающемуся сиянию на горизонте, партизаны грозили кулаками далекому, пока не побежденному врагу.

Дед Сидор торжественно перекрестился, призывая бога в свидетели его будущей беспощадной расправы со злодеями.

— Не болтай рукой, отвалится ненароком. Ведь пригодится еще! — насмешливо сказал красногвардеец.

Дед неприязненно скосился в сторону «богохульника», но промолчал.

Зарево стояло, как застывшее.

Деревня Паруновка раскололась

Немного времени утекло с тех пор, но сколько тайги исколесил коломенский слесарь Антонов, сколько сел и заимок перевидал он, блуждая с отрядом Артемова! Острым глазом своим успел он приглядеться к потревоженной жизни мужика, выучился читать его заветные думы. Тайга уже не была чужой для него. Невидимые нити протянулись между ним и отрядниками, а через

них — к этим молчаливым хлеборобам, к их горькой нужде. Эти нити становились все крепче и многочисленней, и стал он явственней слышать нарастание гнева, сулящего неминуемый взрыв...

Партизаны на первых порах легонько подтрунивали над Антоновым, зачем ему понадобилось, размахивая полами шинели, гусакom кидаться с горстью стариков к околице оставленной деревни, ведь не думал же он всерьез отбить с десятью дедами-медвежатниками наседающие колонны врага. Антонов не обижался. Он увидел вскоре, что не безрассудность его поступка, а именно его поза являлась причиной их добродушного, товарищеского смеха. И в самом деле смешно, говорил он себе: растопырил руки, закричал, скликав смельчаков, понесся птицей, ломая хрупкий валежник. Партизаны не искали тайных пружин его поступка, разве в таком деле можно лезть вглубь, докапываться до корня?

Но даже и в иронии их скрывалось безграничное уважение к «Антонычу», который защищал не свою землю, не свой хлеб, а какое-то более дорогое, чем их земля, но тем не менее не осязаемое руками достояние. И в ответ на их изумление по этому поводу на опаленном лице играла улыбка. В ней была горячая привязанность к этим бородачам и безусым парням и спокойная уверенность...

Часто сравнивал Антонов людей своего прошлого с ними, с партизанами. Они были вовсе не такие, как те, в далекой Коломне, — поджарые парни, крепкие, как сталь, быстрые в движениях и в мыслях, — это были ширококостые мужики, сильные, медлительные и страшные в своем упорстве.

И он шел с ними, знал и верил, что эта сила горы своротит, если убедить ее, направить как надо, повести за собой.

Отряд проходил через Паруновку. Снесенные крыши, отколотые, шербатые углы изб, поваленные плашмя, точно подкошенные, заборы, зияющие провалы развороченных стен, сшибленные печные трубы — словно тайфун пронесся над деревней.

Мужики приветливыми улыбками встречали партизан, наперебой зазывали к себе. Но Антонов заметил,

что в глазах паруновцев еще не успел остыть недавний ужас.

— Что тут у вас?

— Японец, известно... вот только...

— Сорок снарядов пустил по деревне.

— Не вернутся?

— Должно, совсем ушли... а кто ж их ведает?

Когда партизан разместили по деревне, к Антонову подсел черноволосый, с проседью, хозяин в заплатанной шубенке и стал рассказывать...

— ...Еще по весне вернулся из России наш хохол Нестеренко. Их у нас порядком. Вот и выбрали на какую-то украинскую раду, и ездил... Нестеренко в большой чести у крепких мужиков, первейший дружок богатеев, сам в богатеи лезет. А надо тебе сказать, они у нас в Паруновке сильны, немало их тут. Взять хотя бы блаженной памяти Якова Черепкова — кряжистый был мужик, нашему брату настоящий удав...

Ну, так... Вернулся наш Нестеренко. Собрали ради него сход — послушать, что умный человек скажет, каких новостей из России привез. Тысячи верст проехал, все собственными глазами видел... Вышел Нестеренко к народу и говорит: «Власти большевистской в Сибири нету — скинули, слава богу! Вся Красная Армия разбежалась по тайге, и народ подался на охоту... на красного зверя нынче охота открылась... И живет крестьянство без обид — как при царе...»

Замахали тут руками те, чьи сыновья в партизаны ушли, кто с одной лошаденкой век вековечный маялся: «Врешь ты, сучий сын! Все врешь!.. «Как раньше!» Да нам и раньше-то не сладко от вас, лиходеев, приходилось... Мели больше! Не идти нам заодно с генералами!.. Разные, значит, у нас дороги!»

Такое волнение на сходе получилось — в ушах затрещало. Те ревут и эти ревут... Когда чуточку поутихли, Нестеренко — ручищу вверх, пятерню растопырил, голосом всех перекрыл: «Вот, дорогие граждане, пять перстов... А, к примеру, что оно обозначает? А то, что власть Колчака признали пять держав. И кто супротив пойдет, тому крышка... Дурак тот, кто своей пользы не разумеет. Радоваться надо, что японцы пришли до нас. Они в нашу нужду входят: по кулю соли на каждый двор обещали».

Тут крепыши заорали на несогласных: «Не пропадать нам без соли!.. Под японца пойдем, раз он соль дает! Никакой войны теперя не надо!..» Кутерьма!

И с того самого схода раскололась наша Паруновка: одни — красные, другие — белые. Из-за соли раскололись... Жадны богатеи до соли — негде ее достать. А нашему брату что много ее, что мало — все едино... Но ежели в настоящее рассуждение войти, соль тут ни при чем вовсе...

Ну, так. С той самой поры через Паруновку много разных отрядов прошло. Партизаны норовили больше у богатеев останавливаться. Как увидят чистую избу — сразу туда. Им все едино, чей дом, лишь бы денек в чистоте побыть: тоскливо человечьей душе месяцами в грязи-то!

Здорово обедали партизаны и партизанские кони богатеев. А которые, может, нашего брата, голь, разорять не хотели. Пусть, дескать, богачи отдуваются, раз войну затеяли... А нас-то не объешь, не шибко жирно живем... А случались белые, японцы, те на нашей половине располагались, по кулацкой указке: вот, мол, кто виновник, пусть и кормят.

Ну, так... Живем таким порядком. Будто и одна деревня, а выходит две половинки. Хоть по речке высокий забор ставь... Ругались крепыши каждый день, проходу по деревне не давали, грозились всех перепороть японскими шомполами. А наши, которые подурашливее, насчет соли их спрашивали: скоро ли, дескать, будет доставлена? Плевались богатеи, матерились.

В самую эту кутерьму опять нагрянули японцы. Осели у нас, за речкой. А поживиться в этот раз на заречной половине как есть нечем — ни хлеба, ни сена... Отправил японский капитан фуражиров через речку добывать пропитание. Пошупали фуражиры своих «друзей»: тащили у кулачков что под руку попадает.

Якова Черепкова в аккурат дома не было, на заимку уехал. Забрались фуражиры к нему в дом, у бабы отобрали самовар никелированный, три перины... повыкидали во двор подушки, одеяло стеганое, все унесли с собой. Вот это «фуражиры», я тебе доложу!

Вьюном вертелась Якова баба перед японским переводчиком: «Да мы же ваши!.. Кушать — берите что угодно... Пожалуйста. Вещи-то зачем?.. Денно и ночью

но за императора вашего молимся, за всю вашу державу».

А японцам что — молись, скалятся себе... подушки и самовар и прочее добро унесли. Молись, пожалуйста, на здоровье...

Вернулся Яков, видит — утащили «защитники» добро. Раскудахтался было. Да кому жаловаться станешь?.. По прошествии дня говорит жене: «Я свое добро все же верну. У японцев я свой человек. Дома не был, вот и не знали».

Взял Яков у старосты справку о том, что-де такая-то японская часть вела себя... неприлично и прочее, и помчался в город, в главный японский штаб. Показывал ли эту справку в штабе — кто знает. Думается мне, трусил. Слышал только, что Яков сделал на словах, деликатненько так, заявление: получилось, дескать, вот такое «недоразумение». Недоразумение, я тебе доложу, — форменный грабёж!

Ну, так... Едва вернулся Черепков из города домой, а уж японский солдат несет обратно отобранные вещи... Все тут, кроме одеяла... Должно, по телеграфу из города предписание. Как не убоготворить полезного человека?.. Уж и распинаялся же, думать надо, Яшка в штабе!

Японцы постояли-постояли в Паруновке, да куда-то смотались. Ходит по деревне Яков Черепков гоголем, бороду свою растрепущую поглаживает. Выхваляется перед своими мужиками: «Не я ли говорил — недоразумение? Чтоб меня японцы ограбили, да не может этого быть! Пальцем не тронут! Я не красный какой... Завсегда услугу рад оказать... А как меня ихний полковник обходительно принял! Честнейший народ!»

Денька через четыре та же японская часть обратно к нам, только по соседним заимкам ползали. Опять за речкой остановились.

Штаб отряда ихнего поместился у вдовы Галыгиной. Старуха она. Сын у нее ушел в тайгу, партизанский командир.

Ну, так... Значит, в штабе... Косоглазый офицерик этак сюсюкает, по-нашему через пень-колоду маракует, подходит к старухе: «Э... бабушка, скажите, не грабир вас японски солдат?» — «Нет, — а у самой поджилки трясутся, с лица краска сбежала (после сама

в подробности рассказывала), — никто не брал... ничего не брали. Что зря говорить... Солдатики у вас добрые...» — «Этто оченн хорошѣ, — смеется косоглазый. — Если брари, мы запратить будет. Сегодня всем запратить будет».

Старуха ругнула себя: и дура же, дескать, я старая: ведь у нее все забрали лиходеи — хлеб, одежду...

Ну, так... В тот момент два японских солдата ввели Якова Черепкова. Стоит он сам не свой, глазами по сторонам шныряет, бородой трясет. Куда и спесивость его делась!

Косоглазый к нему: «Ты... э... жароварся: наша рота тебя ограбири...» Косоглазый вдруг надулся, потемнело от злости лицо, да как закричит: «А сам баноцку... э... консервы, да, консервы у японски солдат виташил... а?» — «Помилуйте, господин офицер, — залепетал Яков, — какая такая баночка... мне вон одеяло досель...»

Офицер досказать не дал — бац его по роже. Солдаты кинулись на Якова, избили, как полагается, связали, бросили в телегу у крыльца... Не зря телега дождала. Яков ополоумел, мычит, не отбивался даже. Гундосит: «О, восподи! За что же?.. О, восподи!»

Ну, так... Должно, отряд ихний насовсем от нас собрался. Телега впереди, все японцы в походном порядке, артиллерия катит... Яков в телеге связанный, да старосту с собою штабные прихватили, идет вразвалку, офицерскую лошадь под уздцы поддерживает, пыхтит. Картина!

По ту сторону речки, на богатейской стороне, еще не знали об уходе японцев. Ждали Якова. Вместо Якова прибежал туда переводчик ихний, кричит: «Командование приказало собраться всем в доме Ляпунова!»

А ляпуновский дом самый приметный в Паруновке — с цинковой крышей, с высоким белым крыльцом... Сошлись богатеи, ждут... Не смеют расходиться...

Японцы за деревней остановились на сопочке. Стащили Якова с телеги, поставили на колени... Плакал, просил, видно, мужик — не помогло... Офицер размозжил ему голову сзади из пистолета, бросить подальше велел. Должно, не успел Яков и поплакать как следует.

Подняли на штыки солдаты труп Якова, под сопку,

скатили... Староста-то все видел, осиновым листом трепетал.

Вот тебе и «восподи», вот тебе «честнейший народ!»

А потом приказал косоглазый направить дула пушек на Паруновку — и к побелевшему старосте: «Указывай, где дом бурьшевиков?»

Затрясся мужик, начал тыкать пальцем на партизанскую сторону: «Вон изба большевика Галыгина, где вы находились... вон изба Кожевникова...»

Косоглазый как захохочет, мороз по коже старосту пробрал, орет: «Рёшь!» Врешь, значит...

И начали они палить по деревне. И первые же снаряды снесли угол ляпуновской терраски. Старика Ляпунова садануло осколком в живот, кишки наружу, при смерти сейчас... Во дворе коня убило.

Ударили японцы по избам богатеев, дырявили стены. И кулаки бежали на большевистскую, зареченскую сторону... Но тут же перенесли японцы огонь и на всю остальную деревню, стали громить без разбора. Всем тут досталось — и богатым, и бедным. Хотели, видно, стереть Паруновку с лица земли. Это на них похоже... То ли партизан испугались каких, то ли снарядов попросту не хватило, а уж что до пулеметов — поливали здорово. Сорок снарядов выпустил японец. Ну, и нам, конечно, попало... Сам, товарищ, видал побитые избы...

...Антонов, не проронив ни слова, выслушал жуткий рассказ. Если б не снесенные углы изб, не разбитые бревна стен, не осколки снарядов во дворах, разве можно было бы поверить тому, что случилось здесь всего лишь несколько часов назад?

Исключительное вероломство, дикая жестокость, необузданная мстительность? Оскорбленное «достоинство» военщины? Да... А еще что?

«За и против... красные и белые... И сколько же таких Паруновок раскидано в амурской тайге! Противники партизанства, Советов, большевизма получили наглядный урок, правда, редкий, но жестокий, памятный на всю жизнь урок. Но может ли он чему-нибудь научить предателей?! Борьба внутри будет и должна продолжаться... она продолжается... Победителями выйдем мы», — думал Антонов, расстилая шинель на полу, густо усеянном песком.

...И вот их пути-дороги опять скрестились в тайге: Михайла Антонов, коломенский слесарь, впервые ехал делегатом от артемовского отряда в главный штаб, к самому Шилову, Демьян Коломийц, плотник, шел со своими молодцами на отведенный ему участок.

Но какая огромная разница между той встречей в палатке на Кульдуре и этой — на таежной тропе! Тогда они были безоружны перед лицом врага — одиночки, не знавшие, в какую сторону податься. А сейчас оба включены в борьбу, оба признанные водители людей, поднявшихся за свою землю, волю, за свою власть. Они сошли с коней и крепко обнялись.

— Хоть вертай обратно, якорь тебя задери! — улыбнулся Демьян Тимофеевич.

У зимовья Демьян устроил привал, напоил Антонова чаем. За чаепитием поведали они друг другу свои дела с того самого дня, когда японская засада у Облучья разлучила их, казалось, навеки. Много было что рассказать тому и другому.

— Думал я, всех перебили... Никак не чаял... Кто же еще скрылся? — спросил Демьян Тимофеевич.

— Никто... только мы с тобой.

— А славные были ребята!..

Но нужно было уже и поторапливаться: Демьян шел на участок, на боевой пост. Старик, будто спохватившись, приказал отряду собираться и начал разъяснять Антонову, как попасть на стоянку военного коллектива. И когда сели на коней, тронулись, крепко пожав друг другу руки, Демьян Тимофеевич обернулся в седле, на прощание крикнул:

— Просись на мой участок, Михайла... Будем рядом драться!..

И поехал, поминутно оглядываясь, пока Антонов не исчез за поворотом тропинки. Гудела тайга, гулял по вершинам ветер.

«На вид хлипкий будто. И тогда в тайге с непривычки размяк. А внутри крепок — кремень! Вот как крепок!.. Две раны в ногу... — размышлял Демьян Тимофеевич о слесаре. — С такими в самый огонь — и то ничего».

Старый плотник, не чаявший никогда больше увидеть Михайлу Антонова, был растроган этой неожиданной встречей.

Начальник гарнизона таежной деревушки

Морозы накатили внезапно.

Зима выдалась суровая и вьюжная. В белесом кругу ходило неласковое солнце, мороз сковал ручьи и реки, под шапками куржака обвисли лапы сосен. Кругом расстилалась пустыня снегов, испещренная дорожками лыж, заячьих и волчьих следов. Густой, как молоко, часто падал на землю туман, и застывшая корка снега скрипела от прикосновения человеческих ног и санных полозьев. И гулко в тайге... А подымется ветер, наметет у корневищ снеговые дюны, застонет тайга — и замечает пурга партизанские тропы.

Все отряды давным-давно стоят на своих участках. Заваленные снегом партизанские землянки — что твои медвежьи берлоги, и только дым из-под сугробов выдает присутствие человека. Холод и вьюга проникают в каждую щель партизанского жилья. Корчатся люди на промерзшей земле, жмутся друг к другу потесней, чтоб теплее было. Но война — как война! Походы побеждают мороз. В бешеном беге через снеговые пустыни под бараньей шапкой мокнет у лыжника в поту голова, преют в валенках натруженные ноги... нос да щеки белеют, прихваченные морозом...

Редкие, словно придавленные белым покрывалом деревеньки — для отряда и тепло, и уют, и огонек, и чай из самовара, и отдых в избе, о которой в снегах стосковалась партизанская душа... Но это ненадолго. Снова и снова в туманную мозглость, в жестокий колющий мороз, в ночь вязнуть в снежных наметах, уставать до полного изнеможения, — деревянеют ноги и шумит-звонит в голове.

Стоять партизанам на месте недосуг. Тайга в непрерывном движении. Зима сковала ручьи и речки, но не сковала человеческую волю. С натугой бредут по снегам закутанные в меха японские солдаты — малоподвижные, неуклюжие. Распугивая потревоженных изумленных ушканов, вихрем, вздымая снежную пыль, несутся через поля, через тайгу партизанские лыжники. Из конца в конец, всюду поспевая, носятся юркие отряды, пряча обморозившихся в деревнях и на заимках.

Не дают застигнуть себя врасплох, но сами, подоб-

но снежному обвалу, накрывают врага внезапно... завлекают его подальше от железной дороги, от укрепленных баз, подтачивают в союзе крепким с морозом, его силы.

И меньше промахов и жертв, чем раньше, — теперь уже единая воля руководит двадцатитысячной таежной армией.

Демьяна Тимофеевича недолго держали на участке: перебросили в дальнюю деревню — надо было в крайнем тылу выставить надежный, испытанный в боях отряд, пополнив, укрепив его свежими силами. Военный коллектив области получил сведения о том, что японцы готовят глубокий решительный обход именно на эту деревню — через нее хотят ворваться в сердце непокорного таежного государства, с тыла раздавить повстанческое движение. Поэтому сюда перебросили еще три крупных отряда с западного и восточного фронтов тайги.

И здесь образовался новый боевой участок, куда серьезней того, с которого Демьяна Тимофеевича только что сняли.

Таежная деревушка в котловине меж покатых сопок, точно от неожиданного удара, скинула с себя сонную одурь и вылезла из-под сугробов.

Деревенька — все ее избы, амбары и сараи не могли вместить в себя четыре отряда сразу — обросла землянками, набивными бараками.

Где-то за десять верст рыли окопы, вбивали колья с колючей проволокой... А здесь день проходил в толчее, в курении, в еде, в уходе за лошадьми. Люди перекидывались незначительными словами, от скуки играли в самодельные шашки. Редко вспоминали о войне, лишь тень ожидания на лицах выдавала внутреннее напряжение. Суровые эти лица как бы говорили: «недолгие мы здесь гости». Но никто не знал — куда и когда. Шли дни...

Пашка разыскал Демьяна Тимофеевича лишь через полтора месяца после того, как отстал от своего отряда ради поисков пропавшего брата. Заявился он оборванный, весь исцарапанный ветками и смертельно усталый.

— Нашел! — закричал он, тиская Демьяну руку.

— Нашел? Фому?

— Да нет... всех вас нашел... Обрадовался!

— А Фома?

Пашка опустил голову:

— Иду по лесу, недалеко от сгоревшего того барака, а он висит на сосенке... язык высунул...

— Поймали... да?..

— А что же больше, — и, помолчав, Пашка добавил: — А японцы, как мы спалили их, ушли куда-то. Был я на пепелище... В деревне говорили мне: приполз тогда к одной избе обожженный казак по фамилии Семенов, промаялся дня три и умер.

— Погиб, значит, предатель? Это-то ладно, а вот Фома...

Но жизнерадостный Пашка, видимо, успел пережить потерю брата в своих таежных блужданиях. Молодость и веселый его нрав взяли верх над горем. К разговорам о Фоме он больше не возвращался. Отдохнув, отоспавшись, он стал прежним Пашкой-весельчаком.

Частенько партизаны устраивали вечерки с гармошкой, с девками-плясуньями. Пашка потешал пожилых партизан и хозяев чудными прибаутками. Когда заводили разговор о боевых днях, Пашка, скалясь, обязательно ввертывал и свое воспоминание о том, как жег он японский барак, говорил об этом хвастливо — бывалый партизан, не иначе...

Демьян Тимофеевич, как член районного штаба, был назначен начальником гарнизона деревни. По утрам, до чая, он самолично производил переключку во всех четырех отрядах, через день выгонял партизан за деревню, в поле, с винтовками на ученье — «чтоб не распускались». Один только он знал, какое важное значение придает командующий его района и главный штаб этому тыловому участку, куда ожидается решительный японский удар. И ему хотелось, чтоб боевой дух непрерывно укреплялся, чтоб люди в любой момент смогли выйти навстречу врагу и отбить его. Он часто писал командующему донесения о состоянии участка, о ходе работ на линии проволочных заграждений, на подступах к деревне, требовал подбросить патронов, пулеметов — он хотел встретить врага во

всеоружии. Он получил также указание писать непосредственно в главный штаб и пользовался этим разрешением довольно часто — так, казалось ему, требовали интересы дела.

Вынужденное безделье, отсутствие видимой, смотрящей в глаза, опасности, теплые избы, вечерки дурно влияли на дисциплину и боевой дух партизан. Демьян Тимофеевич подметил это. Он видел, что чернобрый краснояровец, конюх Микола, стал реже появляться в лошадиных стойлах, с неохотой водит коней к обледенелым колодцам, замечал, что Пашка частенько уходит на край деревни к Ивану Леонтьевичу, у которого дочка, широколицая смуглянка, такая красotka — лучше в этих местах не сыщешь.

«Порохом давно не пахнет», — объяснял сам себе Демьян Тимофеевич причину всех этих, неприятно действующих на него наблюдений. Он стал выгонять ребят за деревню ежедневно; как-то вывел их в лес пилить крестьянам дрова.

С мужиками у Демьяна Тимофеевича с самого начала наладились простые отношения. Те, сыновья которых находились в дальних отрядах, лучшие места в конюшнях отвели для партизанских лошадей, до крайности стесняя себя, уплотнились в избах, цыкали предостерегающе на ворчливых своих баб — бабам нужно было кормить «прожорливую ораву», выметать таявший с бесчисленных подошв снег, вечно бочком пробираться посередине изб через толчею непоседливой толпы. Но бабы не в счет, партизанские отцы, а таких в деревне было большинство, любили демьяновых партизан отцовской любовью, с уважением относились к плотнику, ставшему большим командиром, — свой, рабочий человек, с таким не будешь хитрить...

...Как-то на участок к Демьяну Тимофеевичу нагрянул сухопарый. Еще тогда, при выборах высшего командного состава, на его долю выпала ответственная роль в главном штабе; он приехал тогда к Шилову с донесением, как командир, но обратно к своим частям уже не вернулся: на его место послали другого, а его оставили в штабе.

В деревне сухопарый долго не задержался, почти тотчас же выехал к линии проволочных заграждений. Он вернулся оттуда через день, довольный осмотром

позиций и, укладываясь спать в комнате начальника гарнизона, рассказывал тому разные новости.

— Да, вскоре же после вашего ухода со стоянки военного коллектива, — между прочим сообщил он, — архаро-буреинцы, казаки приволокли в штаб какого-то рослого человека в шубе. Кричат: «Узнали, хорунжий, не отопрешься!» Шилов сам допрашивал его... Крупный шпион! По заданию японцев он должен был открыть наше местонахождение... Степан сам расстрелял его.

Демьяну Тимофеевичу вспомнился Семенов... нежная черная ночь... тень за окном... казачий говор. «Так вот оно что. Вот он с кем тогда, сволочь!..»

...Однажды вечером, идя темной улицей деревушки, Демьян Тимофеевич повстречался с Пашкой. Парень шел, словно спотыкался в выбоинах шершавой промороженной дороги, и горланил:

Эх, Антошка, эх, Антошка,
Д-ы потанцуй-ка ты немножка...

Демьян подошел вплотную. Пашка шатался из стороны в сторону, топырил руки, будто о воздух норовил опереться.

— Э, да ты... того!

Демьяна Тимофеевича поразило не то, что Пашка пьян — сам по себе этот факт еще не внушал большой тревоги — поразило его, откуда мог появиться самогон в запретной прифронтовой зоне. «Где он взял, постреленок?» С досады скрипнул зубами, дернул Пашку за рукав:

— Говори, где напоили? Веди сейчас же туда!.. Эй, слышишь!

Пашка вцепился в полу демьяновой шубы:

— Подумаешь, начальство выискалось!.. Не поведи... Подумаешь! Ну, пили. Что такое? Нельзя уж и выпить на радостях, — Пашка переходил к более мирному тону, воинственный его пыл заметно остыл под влиянием каких-то волнующих воспоминаний. — На радостях, Тимофеич! Вот те крест! Еленку сосватал... Вот те крест... У Ивана Леонтьевича и выпили... Ну и девка, я тебе скажу!.. Кончаем бело-японскую банду — сразу свадьбу сыграем... Уж и девка! А придешь ко мне на свадьбу?

— Свадьбу играть будем после войны... А теперь пойдем, — сказал Демьян Тимофеевич, невольно улынувшись пашкиной уверенности в исходе борьбы, и потащил пьяного за руку.

Незаметно, задами, Демьян отвел парня к Ивану Леонтьевичу, приказал счастливому жениху зарыться в сено и до утра никуда не выходить.

С нареченным же тестем Пашки Демьян Тимофеевич имел обстоятельный и жесткий разговор, стараясь, однако, не обидеть, не напугать старика:

— Неладно тут у вас вышло, дядя Иван. Что получится, если узнают остальные... Мы, сам знаешь, на фронте... то есть каждый день здесь фронт может случиться... И тогда што?

— Слов нет, — неопределенно ответил седобородый Иван Леонтьевич, виновато моргая.

— Пьяных у нас не должно быть. Пьяного партизана, как мыш, задавят в случае чего... Ты сам гнал его, самогон-то?

— Не, для всякого случая четверть куплена была... раньше куплена. А тут случай и подоспел — дочку просватал. На радостях, значит...

— Тогда ладно, если самогоном не занимаешься... Жениха вашего знаю: парень что надо. Я сам на свадьбе гулять согласен. Но покамест японец — больше чтоб ни-ни... Понимаешь?

— Это как есть, — мотнул головою в знак согласия Иван Леонтьевич. — Боже упаси... чтоб я...

На следующий день Пашка избегал попадаться Демьяну Тимофеевичу на глаза и был покаянно-молчалив.

А еще через день Демьян встретил на улице пьяного парня, партизана из третьего отряда. Рыжие усы Коломыйца зашевелились от негодования.

— Где пил, сказывай?!

Подвыпивший оробел и показал на избу вдовы Филатовны.

Самоличный, очень осторожный, но твердый распрос Филатовны, бедной вдовы, убедил Демьяна Тимофеевича в том, что не только у нее, но и у многих здешних хозяев, в том числе и у Ивана Леонтьевича, самогонки достаточно, чтоб спить весь подчиненный ему гарнизон.

«Где я был раньше? Почему не замечал?» — негодовал Демьян Тимофеевич.

Этой же ночью он снарядил нарочного в главный штаб с донесением. Немало передумал он, прежде чем решился отправить свое сообщение, нацарапанное карандашом на неровном клочке синей бумаги: «В нашей деревне у мужиков запасено вино, самая настоящая самогонка. Были два случая — напоили партизан, молодых ребят. Что предпринять? Уничтожать ли все запасы? Как смотрит военколлектив на обыски? Могу, конечно, уничтожить водку разом, но здешние крестьяне все беднота, постой дали хороший, вообще сочувствуют. Как быть — затрудняюсь. Срочно отвечайте. Демьян Т. Коломийец».

Отослав нарочного, Демьян Тимофеевич раздумался о своем положении. Как ему, в самом деле, быть: круто поступить он может и должен, но... озлоблять мужиков?.. Как этого избежать?.. И потом — из штаба на днях сообщали, что на деревню идет уже большая сила японцев, обещали прислать еще людей и помощника из военных. Ему одному не совладать. Какой он, прости господи, командир! Ведь у японцев, наверняка, обученные в академиях полковники и генералы. Что он против них? Правда, летом он приобрел какой-то боевой опыт, но это был лишь опыт внезапных налетов, мелких стычек. А если в лоб, в открытую, с артиллерией, по всем правилам тактики?.. Нет, не такой он командир...

Демьян Тимофеевич вдруг ясно себе представил, какую огромную ответственность взвалил он себе на плечи, приняв командование на этом важнейшем участке крайнего, но угрожаемого тыла. От этой мысли ему стало жарко, даже испарина выступила на веснушчатом лбу.

«Но ведь тайга бедна людьми, знающими военное дело, — мучился он. — Здесь восставший народ, как говорит тот... сухопарый... вот заковыристая фамилия, все забываю... Восставший народ, а не выученные в академиях генералы. У нас пока своих академий нету... Будем воевать, как умеем... будут напрасные жертвы — расплата за наше неумение. Но победа за нами...»

«И чего я это... Шел ведь до сих пор... И другие шли», — укорил он себя, засыпая перед рассветом.

Утро занялось, как обычно за последнюю неделю, тихое, морозное. Блестел под солнцем в серебряных искорках снег. Демьян Тимофеевич, проснувшись и высунув голову из-под шубы, прислушался: за тонкой перегородкой разговаривали дежурные его штаба. Демьян различил голос Коренева. Этого молодого голубоглазого партизана Демьян Тимофеевич любил за скромность и расторопность.

— ...А под Гошем,— тихо, чтоб не разбудить начальника гарнизона, рассказывал Коренев,— а под Гошем, говорят, убили тысячу двести японцев, под каждым кустом натыкались мы на трупы... Ну, снимали одежду, сапоги, ремни, фляги, забирали карабины... А у нас только семнадцать убитых и двадцать три раненых. Не пойму, как вышло это... Молодец все же Задерновский. Полководец! Наших-то куда как меньше ихнего было. А вот кинулись, смяли, не дали очухаться. Говорят, озлились японские генералы после этой бани: в Алексеевке офицеров белых порубили... Так им, сволочам, и надо. «Союзники»!

Помолчал Коренев, закурил, слышно, потом снова:

— Должно, решили японцы расплатиться за Гош. Нагрянули в Украинку, на родину нашего батальонного командира товарища Прохорова. Его под Гошем японцы во-о как узнали! Боевой парень!.. Ну, примчался поручик Решетинский. В Украинку, значит. Вместе с казачьем, с японцами. Перепорол до полусмерти восемнадцать мужиков... Выволокли из избы прохоровскую женку. Уж и били, говорят! Семьдесят пять шомполов дали. Расквитались за Гош на бабьей спине. До мяса с кровью... расквитались. А дом и все постройки их тут же, на глазах, подожгли... Еле выжила жена нашего командира. Чуть поднялась на свои ноги, сбегала в Державинку. А Решетинский прослышал, что Прохорова в Державинке, налетел по японской указке туда. Опять бабу поволокли. Не бить... на задний двор поволокли. Она упирается, а ее к сеновалу ташат. Ржут сами... Изловчилась, освободила невзначай руку, сунула за пазуху. И — готово...

— То есть как? — спросил чей-то голос.

— А так... пырнула себя ножом в самое сердце. Не далась, чтоб надругались... При себе кинжал на случай, выходит, держала.

— В самое сердце! — изумился спрашивавший. —
Поди же ты! Герой баба...

Демьян взволнованно задержал дыхание.

Ему вспомнилась жена, оставленная в городе, ребяташки. Его старуха тоже, в случае чего, не отстанет, но ее дело пока у печи, на огороде. Демьян Тимофеевич знал, что она в безопасности: в передачах из города он получал от жены успокоительные вести.

Надо было выходить на утреннюю перекличку. Демьян Тимофеевич быстро оделся, толкнул ногою дверь и остановился на крыльце. В соседнем дворе конюх Микола, растопырив руки, гнал перед собою мчущуюся курицу... Поймал, понес.

— Ты что это, якорь тебя задержи... что делаешь! — закричал Демьян Тимофеевич вне себя от возмущения.

Микола будто не слышал — махнул с курицей под мышкой через забор.

На улице, куда рванулся с наганом в руке расшаривший начальник гарнизона, на него набежало с десяток всадников; впереди — сухопарый штабник.

— Что тут у вас? — холодно, точно студеной водою облил, бросил он Демьяну.

Рука с наганом сама собой опустилась. Должно быть, и растерянный вид был у Демьяна Тимофеевича в этот миг — сухопарый чуть заметно усмехнулся уголками губ.

— Гонюсь за конюхом, товарищ...

— За конюхом?

— Да... Курицу у мужика унес. Прижал к забору и...

— Это что же, воровство? Грабеж? — Голос сухопарого зазвенел. — Под носом у начальника гарнизона?!

Он подал знак рукой, и от группы всадников отделилось четверо.

— Разыскать этого конюха!

Демьян указал, где находится конюшня Миколы. Всадники поскакали, Демьян Тимофеевич побежал за ними.

Миколу нашли в сарае. Он медленно, как-то любовно даже, с ухмылкой, ощипывал обезглавленную курицу.

— Ты что делаешь, сукин сын! Позор на весь гар-

низон! На меня позор! — заорал Демьян, хватая чернобрового парня за шиворот.

Микола сразу перестал ухмыляться, выпустил птицу из рук. Только на правой руке осталось у него прилипшее куриное перышко.

Подхватили Миколу под руки дюжие партизаны из главного штаба. Он не противился, чувствовал, что виноват, и шел спокойно. Один из конвоиров нес наполовину ошипанную курицу.

Сухопарый посмотрел с минуту на Миколу, повернулся к Демьяну:

— Собрать всех!

Партизаны, весь гарнизон, выстроились вдоль улицы — разношерстная толпа, над которой в морозном воздухе таял махорочный дымок.

Миколу отвели в сторону, поставили перед фронтом. Сухопарый взял курицу, поднял ее на уровень глаз, подошел к конюху:

— Это твоя курица?

— Не-е.

— А чья она?

— Вон из того двора...

— Хозяин отдал тебе ее?

Микола, наполняясь предчувствием чего-то страшного и неотвратимого, долго молчал, мигая глазами, посапывая, но соврать не смог. И зачем врать: все равно знают правду, иначе не привели бы... вот так.

— Не-е, — выдавил он со вздохом.

— Тогда скажи: какая разница между тобой и белогвардейцем, грабящим крестьянина?

Молчал Микола. Насупленно молчали шеренги бойцов.

— Нет разницы! — резко рванул воздух сухопарый и, расстегнув кобуру, вытащил наган. — Мародерам нет места в наших рядах!

Микола, ему казалось целый час, смотрел на черный глазок дула. Потом вдруг, что-то поняв, упал на снег, катаясь и визжа:

— Не надо меня... Не нада-а-а!

Но сухопарый уже вытянул руку с наганом вперед — и щелкнул сухой на морозе выстрел.

На откинутой руке расстрелянного ясно виднелось прилипшее куриное перышко.

Сухопарый, застегивая кобуру, повернулся к шеренгам, и голос его вновь зазвенел, — жесткие, повелительные и призывные слова... В шеренгах никто не проронил ни звука. Лишь когда расходились по дворам, Пашка толкнул соседа в бок:

— Пропал парень... из-за куры.

— Куриное дело, паря, здесь сторона, — последовал сиплый ответ.

Боевые рассказы командующего Дрогошевского

Новые события разворачивались с непредвиденной быстротой. Крупные японские силы заходили в тыл, ежедневно меняя направление, путая свои следы в тайге. Японцы стремились сбить с толку красное командование. И действительно, никто сейчас не знал, что собственно затекает противник, какую точку избрал он для нанесения главного удара.

Деревушка, в которой Демьян Тимофеевич был до последнего времени начальником гарнизона, неожиданно для всех утратила свое стратегическое значение. Далеко от нее загорелись упорные бои с наступающими колоннами врагов. Два командующих преграждали своими армиями путь в сердце таежной республики. Координировал действия самостоятельных этих армий тот же сухопарый, которого главный штаб посылал в помощь к Демьяну после его донесения о запасах самогона. Сухопарый, чью труднопроизносимую фамилию Демьян Тимофеевич никак не мог выговорить и запомнить, в тот же день, после расстрела конюха-мародера, выпустил в снег весь самогон в деревне, производя полавальные обыски у мужиков.

Демьян Тимофеевич лишился своей должности начальника гарнизона. Эта мера не была наказанием за попустительство и неспособность — тыловой гарнизон просто упразднился за ненужностью. Три отряда ушли навстречу японцам, демьянов же оставили пока в резерве.

На короткий срок деревушка вздохнула от перенаселенности. Но бои уже шли, злые, ожесточенные, и через деревушку в пекло разгорающегося генерального

сражения перебрасывались новые и новые части двух партизанских армий. Землянки и бараки то и дело наполнялись проходящими войсками.

Против японцев была стянута половина всех войск, находящихся в распоряжении главного штаба: два района из четырех. Два боевых района тайги были почти вовсе оголены...

Сведения с фронта — то тревожные, то радующие. Демьян Тимофеевич неоднократно просился туда, но ему всякий раз приказывали оставаться на месте: мало ли откуда может нагрянуть враг, нельзя совсем оголять прифронтовые участки.

Что делается на фронте, есть ли надежда, что мощный японский напор будет сломлен, — Демьян Тимофеевич толком не знал и терзался неизвестностью все эти дни.

Однажды с передовых позиций в главный штаб проезжал один из командующих — Дрогошевский. На ночь он остановился у Демьяна. И только тогда, из рассказов командующего, Демьяну стало ясно, что японская ставка на неожиданность удара уже бита. Дрогошевский как раз и ехал с подробным докладом об этом в главный штаб.

Демьян Тимофеевич не упустил такого случая: он засыпал командующего расспросами.

Веселый и громогласный, беспрерывно зажигавший папиросу за папиросой, командующий чуть не до свету рассказывал Демьяну Тимофеевичу о последних событиях на фронте.

— ...Памятные дни! Шел наш обоз из Малой Перы в Чудиновку. Дорога все лесом. Обоз растянулся верст на шесть. Шутка ли, восемьсот человек шло со мною к Свободному... А лесом мы шли потому, что передовые отряды в пригородной одной деревушке встретились с японцами. Вот и свернули мы в тайгу.

Идем. Ночь. Мороз. Тихо в тайге... Вдруг как рванет тишину — горохом прокатилось по обозу. Замешательство... попрыгали партизаны с саней. А бежать некуда — вдоль дороги лежат японцы, целятся.

Я закричал: «В цепи!»

Ребята все необстрелянные, плохо вооруженные, раздетые почти. Однако по таежным сугробам залегли, фронт на японца держат... Коня — кто куда, по брюхо

в сугроб, оглобли выворачивают, сшибаются, сани набок... стук, треск, скрип, ржание. Настоящий содом!

Мороз осел на землю густым молочным туманом. Сколько их — черт знает... Потом-то мы узнали: до четырехсот...

Они палят, мы отвечаем. Та-та-та-та — их пулемет разговаривает. Стреляли-стреляли. Вижу — никакого толку. Взял я одиннадцать надежных ребят и — через туман — прямо на пулемет. Идем, а сами слушаем, где такает.

Под утро туман немного поднялся. Смотрю — пулемет задрал свое рыло как раз перед нами, на бугорке... Все как на ладони. Один желтолицый водит пулеметом, другой направляет ленту, а третий из-за бугра ленты подносит. Рядом двое лежат и жарят из карабинов в нашу сторону.

Я объяснил ребятам, как и что... Один залп — и японцы смолкли. Однако из-за бугра новые вылезли, кучкой... Опять жарят из пулемета по нашей цепи. Мы и этих скосили... И так четыре смены пулеметчиков сняли. Заставили-таки замолчать.

Едва смолк пулемет, бросились мы на «ура». Из-за бугра нас пулями поливали. Одному японцы угодили в голову, остался на месте. А мы добежали до пулемета, крутнули его и давай поливать в свой черед япошей под бугорком.

Затащили живой рукой пулеметик повыше — оттуда еще виднее. Уж и дали мы им! Ползет снизу цепочка человек в десять — немедленно снимаем. Они па́хают вверх — никакого результата. Поди, достань нас на горе!

Бойцы смеются, глядя вниз, как переваливаются через сугробы ихние солдаты в широких шубах. На каждом — подумай! — суконная гимнастерка, теплые штаны, две пары теплого вязаного зимнего белья, обыкновенное белье, шапки с наушниками, а чтоб нос не отморозить — даже суконные наносники. У каждого на шее веревка с парой больших рукавиц. Глядя на убитых, дивились мужики такому одеянию: хорошо, дескать, японские буржуи собирали своих против русской революции. Но пуще всего удивляли бойцов грелки в меховых рукавицах. Да, жестяные баночки с горячей водой — какие-то особые стенки у них, толстенные. Вот

как позаботились ихние генералы о том, чтоб поскорее задушить нас!

И подсумков, подсумков сколько! И с патронами, и с галетами, и даже фляга с японской водкой...

Четыре-пять раз выпалит такой ходячий паровоз-тихоход, потом карабин под мышку, а руки — в рукавицы, к грелкам. Ну ж и ползли они!

Подпустили мы их саженой на тридцать. Дали залп. Смотрим — все чурками в снег повалились. Только двое стоят. Другим залпом и этих...

Тем временем велел я нижним, которые на дороге, распрячь лошадей и скакать в обход... Обошли, сжали японцев в кольцо...

Восемь часов мы с ними возились, восемь часов длилась пальба. Ни один живьем не ушел. Все легли... Потом считали их: ровно четыреста... Забрали мы богатые трофеи: походные повозки, всякое там продовольствие, а главное — три новенькие пулемета и несколько сот винтовок. У кого не было из наших — сразу вооруженными стали.

У офицерни нашли в карманах карты области. Подробные были карты: где какой наш отряд действует, какие районы считаются неблагонадежными в смысле восстановления, каждая деревушка, дорога, заимка, лесок...

А у нас убитых немного было. Главное — руки, ноги пообмороживали. Никогда такого мороза, кажется, не видывал — дыханье захватывало, в голове шум стоял...

Однако не все их части так тепло одевались. Особенно попервости. Ну, и стоймя замерзали. Идешь по дороге — торчат как фонари, и в окопах смерзались в комок.

...И вот такое дело. Один наш командир, по фамилии Безлепкин, потом в госпитале произвел самолично операцию одному ильинскому парню. То ли отморозил тот себе безымянный палец, то ли отчикнула ему кончик японская пуля — не помню, только началось гниение. Санитарки говорят: «Гангрена, надо обязательно резать!» Доктора нет. Как быть? Посоветовался Безлепкин с санитарками Олей и Таней, поговорил с самим обмороженным, расписал парню угрожающую ему опасность... Припас бритву... Уговорил: и так пропадать и этак пропадать. Парень попросил ханы, надрался в

лоск, а Безлепкин пьяному палец и отчекрыжил... И ведь затянулась рана, зажила, и теперь парень воюет, как ни в чем не бывало. А когда резали, орал благим матом. Даром, что пьян до бесчувствия, а как орал-то... хо-хо!

Ну, ладно... Это потом уже произошло. А тогда, под Чудиновкой, разделили мы японские карабины, и опять тайгой заскрипел наш хвостатый обоз.

В одной деревне — только расположились, сошлись на митинг — стрельба открылась. Перепугались ребята — откуда пулемет стрекочет? Уж не японец ли окружил?.. Кинулись с митинга по конюшням, по избам — хватать шубы, винтовки, кто оставил... Однако, живо отбили нападение смешанного японо-белогвардейского отряда. Немного их было, отступили...

Подошли мы к Черновскому разъезду. Разведка донесла мне: на разъезде много японцев с четырьмя орудиями. Опять надо готовиться к бою!

Залегли мы вдоль опушки. Тихо... Вдали показались конные японские заставы. Свечерело, и ночь ложилась ровной тенью на лес, на далекую линию насыпи.

Мы разом ударили, всю ночь гнали и теснили японцев и утром, раным-рано, заняли разъезд. Японцы все поле усеяли своими трупами, оставили нам новые подарки — все орудия, пять пулеметов.

Не успели мы как следует рассовать своих раненых и помороженных в станционном домике, как видим — летит по линии броневик. А за броневиком — эшелоны. Один парень сломя голову побежал, запалил мост, но броневик не разбирает, по дымящемуся мосту проскочил.

Японцы из эшелонов соскакивали на ходу. Мы уступили силе — свернулись в два счета. Даже раненых не успели забрать. Многие оставались в станционных казармах, просили добить их. Видно, чуяли: всех в капусту покروшили звери, — дрогнувшим голосом добавил, шумно вздохнув, Дрогошевский.

Оставить безоружных, беспомощных товарищей на растерзание лютому врагу — этого он никак не мог простить себе...

Дрогошевский долго молчал...

— Пришлось нам отходить к Павловке, — собрал-

ся он, наконец. — Здесь завязался упорный бой. Японцы преследовали нас по пятам... Ни мы, ни они не хотели уступать. К вечеру мы стали теснить японцев, но к ним подошли новые подкрепления. Какой-то их отряд забрался нам в тыл, а в лоб лезли в атаку японские цепи. Отступали мы через Павловку в тайгу... А оттуда как двинули японца — почище Чудиновки!..

Рассказывали мне после павловские мужики: как заняли японцы деревню, согнали в одну кучу крестьян и раненых бойцов и давай избивать их прикладами. Баб, ребятишек, раненых загнали в избы, подперли снаружи кольями двери и зажгли. Баб некоторых по очереди в сарай таскали...

Поутру от Павловки только обуглившиеся столбы да печи торчком к небу остались...

Демьян Тимофеевич слушал, затаив дыхание. Черновский разъезд, Павловка... Но разве они умаляют значение чудиновской победы и особенно того, что было после Павловки, — этот рывок из тайги? Нет, ослабла все-таки сила японского наступления, отбито оно в генеральном, только что закончившемся, бою.

Дрогосhevский рассказал Демьяну Тимофеевичу и о нем, и теперь уже нет сомнений... Нет, не пробиться японцу в сердце таежной республики!

— В генеральном бою, — сказал перед отъездом командующий, — убит уполномоченный товарища Шилова, руководивший всеми нашими операциями...

— Как, тот... сухопарый?.. Убит?!

— Да... он самый. Какую голову мы потеряли!.. Кинулся с поднятой гранатой в руках на японскую наступающую колонну, увлекая бойцов...

Японские солдаты не терпят холода

Да, японской регулярной армии, вооруженной всеми новейшими орудиями, не удалось пробиться в сердце партизанской республики. На решительный удар тайга ответила не менее решительным контрударом.

Но это был еще не конец — скорее начало настоящей, большой войны. Потрепанные в боях, японские части отошли к своим базам, отдохнули, пополнились. И

снова, после короткой сравнительно передышки, начало сжиматься японское кольцо. На этот раз японское наступление было настолько сильным, что главный партизанский штаб был вынужден вовсе отказаться от сохранения резервов в тылу: все силы тайги выступили навстречу врагу.

Декабрь. В тайге — терпкий сорокаградусный мороз. Треск идет по лесу от хруста окоченелых веток, от шарканья партизанских лыж по замороженной корке снегов.

Стягиваются один за другим партизанские отряды к Сосновому Бору. Идут: Воропаев, «Старик», Макаров-Зубарев... и еще и еще. Первый район подтянулся раньше других. А потом уже пришли — второй, третий, четвертый. Четыре армии сжались во взъерошенный штыками кулак для короткого и стремительного удара. Четыре командующих размещали своих людей по участкам таежного фронта.

В тайге на небольшом пространстве сошлись тысячи людей из Покровки, Ивановки, из Красного Яра, из сотен разоренных и выгоревших сел, с хребтов угрюмого Хингана, с приисков, с разъездов и станций, с лесопилок и амурских пристаней, с отдаленнейших таежных окраин.

Антонов с радостью отмечал это еще не виданное скопление партизанских сил. Текли-текли маломощные людские струйки в неоглядной тайге — и вдруг слились в кипящую, клокочущую реку. И тайга словно сузилась, стала тесной.

Антонов шел во главе отряда. Он по праву занял командирское место Артемова, оставшегося в глубоком тылу: месяц назад, во время разведки, шальная японская пуля раздробила Артемову левую руку. Кисть руки отняли в полевом лазарете, оставили парня с кулашкой.

Прощаясь с бывшим своим командиром, слесарь пристально посмотрел в его затуманенные печалью глаза:

— Не тужи... Подымешься вот на ноги...

— На ноги — да! А вот... — Артемов безнадежно махнул забинтованным обрубком руки. — Как буду держать винтовку? На что я теперь...

— Э, брат, дел впереди много... Винтовки держат — и за себя, и за тебя — здоровые... Вот управимся, всем дела хватит! И тебе найдется работенка... не тужи. Прощай!

— Прощай, — сказал Артемов, опускаясь на подушку, — верно, не свидимся больше...

Антонов отлично понимал горе этого парня, охваченного жаждой борьбы, кипучей деятельности, не знавшего преград, не раз храбро смотревшего в глаза смерти... Он силился представить себе его сейчас, здесь, не теряющегося и энергичного, в этом людском потоке — и столкнулся с Демьяном Коломийцем.

Плотник сильно похудел; усы его обледенели, нависли сосульками. Давно уже Демьяна Тимофеевича отозвали в главный штаб, а отряд его передали бывшему красногвардейцу-пулеметчику. «Поскользнулся старик... достукался, — терзался Демьян на первых порах. — Не годишься, значит, в командиры... Произвели на почетную должность как бы из уважения... за заслугу, что ли... А какой толк?» Демьяну Тимофеевичу казалось, что отряд отняли у него неспроста: нет в нем боевых качеств командира, нет военных знаний. Он расценивал свое назначение в штаб как поблажку — не больше.

Вот и сейчас в тайге, в людском потоке, он чувствовал себя маленьким-маленьким человеком — хотя приказам его подчинялись мгновенно — маленьким человеком, у которого нет своего отряда, а кругом — незнакомые молодые парни с наганами на ремнях, уверенно сидящие в высоких седлах впереди своих отрядов. Сбегались на зов тайги отовсюду красные командиры, нюхавшие настоящий порох в окопах германской войны. Эти умеют воевать, а он, плотник Демьян Коломийц, он настоящего пороха не нюхал, а потому должен уступить дорогу.

И он придержал коня, чтоб действительно дать дорогу Антонову, и не заметил того. Антонов, сбчившись в седле, хлопнул старого друга по плечу:

— Кого вижу!

Демьян Тимофеевич заулыбался:

— Михайла! Вместе, значит?

— Вместе.

— Командир?

— Он самый. Видишь, и пулеметы у меня свои... два, — Антонов махнул рукой влево на пулеметную повозку. — А ты?

— А я бывший командир, якорь его задери! Теперь при штабе у Шилова. Вроде генерала для поручений, что ли.

Горькую нотку уловил Антонов в словах Демьяна.

— О, ты здорово хватанул — в штабе... Не нравится разве?

— Не шибко. Свой отряд лучше... привык.

— Чудак, ему повышение вышло, а он скулит! Ты пойми только: штаб — это мозг. Командир может погубить свой отряд — это в мировом масштабе ерунда. А штаб просчитается — это уже поражение, торжество врага. У штаба — все нити, такой огляд... такая большая ответственность. Вы в своих руках нашу судьбу держите... Всегда в курсе всех событий... Такое поле для применения своих способностей... Нет, я тебе завидую! Поменяемся давай?

— Твоя правда, — снова расцвел Демьян Тимофеевич. Этот умный и крепкий слесарь, пленивший его сердце у целебного ключа, и на этот раз оказывает ему, Демьяну, ценную услугу... «Он все такой же, — думал Демьян Тимофеевич, глядя на сосредоточенное лицо друга. — Этот уж не своротит. Ему бы в штаб, не стал бы пилить себе нутро. Знал бы, что ему делать...»

— Верно говоришь: все мы делаем одно дело, все одинаково бьемся, — сказал старик с расстановкой. — И штаб нужен. Никак без него не обойдешься.

Антонов улыбнулся:

— Вот видишь!

— А что касается молодежи, — продолжал Демьян, как бы опровергая свои недавние мысли, — всех этих командиров... не обязаны они знать, что Демьян Коломийц целое лето по тайге колесил с горстью да япошек из-за угла хлопал. Ни к чему такая гордость!

Антонов еще раз улыбнулся одобряюще. Поехали рядом.

— Смотри, — вскинулся Демьян, — командующий! Юшкевич. Вот этот — на каурке. Он пообещался поддать японцам к Новому году. Над планом они с Шилковым долго корпели. Мастак мужик, башковитый. Я, главным образом, к нему сейчас прикомандирован.

— Наш отряд тоже в его район перевели, — ответил Антонов, пристально вглядываясь в строгое лицо командующего, которого видел впервые.

За полдень отряды высыпали на равнину, тайга кончилась. Перед ними была деревня Ерквцы,

Партизаны, подгоняемые морозом, поспешно развели по дворам заиндевелых до глаз лошадей и быстро рассыпались по теплым избам...

Демьян Тимофеевич бездумно и устало сидел у пышущей жаром печи, тянул к огню заочиненные руки. Все кости его как бы оттаивали, и концы пальцев саднило и пощипывало.

Расталкивая людей у печи, с улицы влетел весь в белых сосульках, закутанный в доху парень и загремел взволнованно срывающимся голосом:

— Кто здесь из штаба?.. Товарищ Коломийц, сообщите командующему: с Черкасовки идут японцы. Триста подвод... Я — из разведки.

Бездумья и усталости как не бывало. Демьян молодое вскошил, резким прыжком перевернул табурет и бросился к избе, где остановился Юшкевич.

...Вечером деревня точно вымерла, потушила огни. Вокруг этого мрачного пятна безглазых домов на равнине залегли партизанские отряды.

Из перелеска, от сопок, медленно двигались японские цепи и подводы. С опушки перелеска метнуло пламенем и шумно ухнуло над деревней.

Демьян промчался на коне по цепи отрядов, передавая приказ командующего:

— Заходить с флангов! Жать в кольцо!

Тьма рвалась вспышками орудий — с обеих сторон. Вспыхнет в небе огненная молния, осветит, будто пригнувшиеся в страшном ожидании, деревенские домишки — и опять они поглощаются мраком, еще более густым и зловещим.

В морозном воздухе — трескотня выстрелов.

Японцы скатились с бугров к деревне, заняли удобную позицию — берег извилистой, промерзшей до дна, речушки. Берег падает обрывом: не надо рыть окопы в скованной морозом земле.

В пылу и грохоте боя не заметили партизаны, как замолкла японская «траншейка» на опушке. Это командир Антонов, ползком выдавшись вперед со своим

пулеметом, почти в упор расстрелял прислугу японской губительной пушки. Однако командующий, зорко наблюдая за ходом сражения, чутко вслушиваясь в его звуки, сразу оценил это. Но враг имел все же столь резкое превосходство живой и механической силы, что бросаться в лобовую атаку было бы безумием.

— Осторожность! — процедил сквозь обледенелые усаые губы Юшкевич, ни к кому не обращаясь, и по цепям был передан новый приказ:

— Не наступать! Потерпи... Возьмем их на выморозку!..

Перестали шелкать затворы партизанских винтовок. Бойцы неподвижно распластались на холодном, скованном стужей снегу.

Час... другой... третий. Бредят люди, ледяное дыхание земли туманит мозг. Земля — как накаленная плита, и клонят партизаны, один за другим, одеревяневшие головы на эту обжигающую плиту. Уже многие не чувствуют ног, щек, пальцев, отказывающихся разгибаться, и перед глазами плавает мгlistый туман. Шумит в ушах, и эти будто отдаленные перезвоны мешаются с одиночными выстрелами с японской стороны.

Командиры отводили окоченевших, еле двигающихся бойцов в тыл, к околице деревни, в глубокий овраг, где вокруг костров грелись партизаны. Когда цепь застывала и обессилевала, ее заменяли согрешшимися, мало-мальски оттаявшими людьми.

Так менялись всю ночь. По два взвода в каждом отряде посменно шли с кованой лежанки поля к кострам и обратно.

Антонов подполз к Демьяну:

— Старина, жив?

— Жив... якорь его задери!

— Теперь я понимаю поговорку: «зуб на зуб не по...»

— Слышишь? — встрепенулся Демьян Тимофеевич.

— Слышу.

Из-за обрывистого берега, от японцев, донесся воющий многоголосый стон. И разом потонул в жалобном, тоскливом не то крике, не то плаче:

— Бан-за-а-и-й!

— Замерзают, — прошептал Демьян Тимофеевич.

— Может, готовят атаку? Вишь кричат «ура»...

— Какое, в сосульку смерзлись — не до атаки им. Бодрятся просто. Наши поморозятся, а ихнему брату — крышка.

Утро пришло туманно-белесое, обнажило перелесок на фоне мертвенно-бледного неба, берег речушки, деревню... Мороз крепчал.

На левом фланге повскакали с земли закоченевшие, иззябшие партизаны: командующий отдал приказ бросить в атаку отряд Макарова-Зубарева. Лавина ожесточенных людей обрушилась на японское прикрытие. Закутанные в тяжелые меха, японские солдаты, неповоротливые и обезумевшие от прошибающего до костей холода, стреляли вразброд, стучали зубами, и не им было задержать эту лавину.

Бросая карабины в сторону, маленькие солдаты кричали в животном страхе, подымая вверх короткие руки:

— Бурсувигоо! Война не нада!

Командующий японским отрядом майор выстрелил себе в рот...

...Короткий бой кончился. Партизаны считали потери и трофеи. Трое убитых, десять раненых, шестнадцать обмороженных... ранены четыре коня. Захвачено два пулемета, молчавшая с вечера «траншейка» на опушке, еще одно легкое орудие, сотни снарядов, много пленных.

Окруженные толпою бородатых, всклокоченных людей в замызганных полушубках, пленные японцы, дико озираясь, неуклюже шагали в деревню в своих тяжело-весных мехах. И, казалось, все они на одно лицо.

— Недаром далась им эта ночь, — заметил Антонов, вглядываясь в эти истомленные, перепуганные лица.

Пленных сразу же разместили в избах. Стали поить их горячим чаем. Партизаны дружелюбно хлопали японцев по плечу:

— Ируси, хорошо! Большевик — ируси.

— Не бойся, ничего не будет.

По-прежнему недоверчиво озирались японцы, пили чай с опаской — нет ли отравы.

В избе, где стоял бывший демьянов отряд, пленных набилось особенно много. Партизаны всячески выказывали им свое расположение, ободряюще хохотали, давая понять, что никто убивать пленных и не думает.

Вдруг один, с нашивкой на погонах, должно быть унтер, привскочил, сорвал с себя погоны, швырнул их себе под ноги, дико рявкнул и залопотал, запинаясь, до неузнаваемости коверкая русские слова:

— Наса японси капитан... э... боршён капитано говорир есть... боршеви́ко-партизано... э... разбойник... разбойник? Надо пах-х-х, — он сделал жест, как бы вскидывая винтовку.

— Значит, убивать нас, разбойников?

— Большие «капитаны» — они насакажут!

Партизанский смех, казалось, подбодрил унтера:

— Капитано говорир есть: боршевик пахх ма-руньки.

Тут уж партизаны возмутились:

— Что они брешут, сволочи!

— Это ваши генералы приказывают убивать маленьких!

— С больной головы на здоровую.

Унтер еще больше ожесточился, он закричал:

— Капитано говорир есть: надо пахх (он показал себе на грудь), гахх... партизано японси солдат мучить... э... резати, не надо плен, надо пахх. Солочи! — оборвал он трудную свою речь, потрясая короткой рукой, сжатой в кулак.

— Так их, сволочей.

— Кости!

Дружный хохот будто разрушил стену между вчерашними врагами. Японцы повскакивали с лавок, широкая улыбка раздвинула одинаковые их лица — и погоны полетели на пол.

— Вот это молодцы! — закричал Пашка.

С тех пор, как ушли из таежной деревушки, где осталась его невеста, Пашка еще больше привязался к Демьяну Тимофеевичу и не раз извиняющимся тоном говорил ему:

— Подвел я тебя малость, Тимофеич. Из-за меня тогда началось. Пусть Еленка ждет до конца — пока воевать надо.

И Пашка старался быть исправным, выдержанным, дисциплинированным бойцом...

...Штаб командующего, после короткого совещания, принял предложение Макарова-Зубарева — отпустить пленных.

Японцев выстроили во дворе. К ним, в сопровождении командиров и партизан, вышел Макаров, заговорил торжественно:

— Японские солдаты! Вы свободны... Вы жертва обмана ваших генералов и капиталистов... Можете вернуться к своим. Партизаны укажут вам дорогу в Песчано-Озерку... Но мы не можем вернуть вам оружия. В дальнейшем не берите его от ваших генералов, не подымайте его против трудового народа! Расскажите остальным японским солдатам, как с вами здесь обращались, рассейте клевету и ложь, объясните им, что мы боремся за нашу общую свободу...

Скуластые лица замерли в напряженном ожидании: солдаты не понимали, что говорит высокий большевик. Один только унтер понял:

— Нету! — закричал он. — Японси солдат не хоцу свои капитано... не хоцу!..

Японцы затарахтели по-своему. Больше всех захлебывался унтер.

— Она не хоцу домой, — заявил он.

— Боятся расправы за плен, за пребывание у большевиков... перебьют их офицеры, когда узнают, что большевики их не мучили, а поили-кормили... Не допустят, чтоб они другим солдатам рассказали об этом, — заметил Антонов.

Макаров-Зубарев недоуменно развел руками:

— Как же, товарищи?..

— Может, они против империализму теперя? — спросил, подавшись к Макарову, седой партизан.

— То-то и есть...

Партизаны топтались в нерешительности, пленники на обращенные к ним вопросы только улыбались, обнажая белые зубы. Кто-то сбегал в избу, принес портрет Ленина, передал японцам. Портрет пошел по рукам, его разглядывали внимательно, долго.

— Ленин! — крикнул унтер.

В ответ — те же белозубые улыбки.

— Что ж... Веру в «капитанов» подкузьмили, видно, и то хватит, — раздумчиво, будто самому себе, сказал Демьян Тимофеевич. — Может, они и согласны вместе с нами по сопкам шляться, кто их знает? Но... куда мы с ними? До настоящего пролетарского понятия трудно сразу дойти... И язык другой, и все...

Послали за командующим. Юшкевич вышел во двор. Ему объяснили, в чем дело.

— Отвести на песчаноозерскую дорогу, как решили, — распорядился командующий. — Пусть будут нашими союзниками в интервентских рядах. Неплохая агитация для японских солдат: убедятся собственными глазами, насколько лживы их генералы. Помощь от них, если оставить, все равно невелика, одна обуза. Там они больше пользы нам принесут.

Ночь. Крепкий, тридцатиградусный мороз. Земля твердая, как сковородка. В поле тихо. Изредка, где-то далеко и глухо вздрагивают винтовочные залпы.

Партизаны покидают Андреевку. Черной лентой растянулись подводы по скрипучей укатанной дороге. Семьсот человек под командой Антонова уходят из деревни: час назад получено известие о приближении японского полка под командой майора Хори.

Вдали замелькали огоньки Виноградовской заимки. Антонов ехал верхом впереди колонны рядом с широкоплечим крестьянином в собачьей дошке. Это был Третьяк, ерковецкий житель. Месяц тому назад он был утвержден командиром ерковецкого отряда и своей рассудительностью, деловитостью и недюжинными военными способностями обратил на себя внимание главного штаба. При слиянии краснояровского и ерковецкого отрядов Третьяка назначили помощником Антонова. Это было всего несколько дней назад. Демьян Тимофеевич писал Антонову из штаба: «Третьяка слушай: умница, местность знает, лучше не надо...»

Колючая изгородь протянулась вокруг заимки. Овражистые канавы, березняк.

— Понимаешь, какое это место, — сказал Третьяк, перемахивая на коне через канаву. — Сам черт ногу сломит. Здесь мы их покрошим!

До отказа забили иззябшие партизаны вместительные избы заимки.

Антонов выставил у канав дозоры, пустил по полю конные разъезды.

Едва солнце притронулось первым своим лучом к серебристому инею березняка — по дороге со стороны Андреевки карьером примчался конный разведчик:

— Японцы!

Ударил далекий орудийный выстрел.

— Ццы! — эхом ухнул соседний лес.

Забегали по тревоге разбуженные партизаны, на ходу заряжая винтовки... Роты и взводы выстраивались во дворах.

Вот белобрысый мальчуган мечется от взвода к взводу, не может спросонья отыскать свой.

В соседнем дворе надрывается его сверстник, дружок:

— Ва-а-аська! Взвод здесь-я!

Рядом с Васькой топчется китайчонок — он сбежал от андреевского богатея, не захотел больше батрачить через силу, пристал к партизанам. Он просит... он не желает оставаться в резервном взводе, как ему приказано:

— Товарища командила!.. Васька!.. Моя... пойдем на пелвый канава...

Но смешного китайчонка никто не слушает.

...Разом все стихло... За колючей проволокой, в канавах, протянулись извилистые цепи партизан. Тихо, лишь в лесу от мороза потрескивает кора да изредка громко стучит дятел: тук-тук.

По андреевской дороге — отчетливо видно — трусит казацкий разъезд. Осторожно щупают глазами окрестность казаки.

— Пуах-х-х! — пронеслось вдруг эхом по лесу.

— Кто смел стрелять! — закричал Антонов, пробегая по цепи. — Уложу на месте негодяя!

Виновника нечаянного выстрела нигде нет... Кажется, сзади у займки выстрелил кто-то.

— Предатель затесался что ли? — прошипел Третьяк.

Казаки, подъехавшие было к выдавшимся на тракт первым домам займки и ничего не заметившие в канавах, закрытых березняком, уже мчались обратно, гулко топоча.

— Залп!.. Пулемет! — горячась, командовал Антонов.

— Открыли нас теперь! — скрипнул зубами Третьяк. — Вот незадача.

...Над цепью треснул разрыв первого снаряда. Японцы щупали займку из Андреевки. Шрапнельным дождем стали поливать они избушки займки. Застрочили

в лоб два японских пулемета. Пули рвали белую кору березок, пушили серебряной пылью замороженные сучья и, жалобно воя, летели над головами залегших партизан — все ниже и ниже...

В партизанской цепи были уже раненые. Кровью окрасились овчины и притоптанный снег в канавах. С бугра, под прикрытием пулеметов, спускались японские цепи; впереди шел сам майор Хори. Одетые в толстые шубы с поднятыми меховыми воротниками, солдаты казались снизу карликовыми медведями, барахтавшимися в сугробах.

— Подпустим ближе, — Третьяк высунул винтовку на край канавы.

Антонов утвердительно кивнул головой.

— Залп! — скомандовал он, когда японцы подошли совсем близко. — Пулемет!

Японская цепь замерла. Там и сям японцы садились в снег, кружась, валились в сугробы, испуская протяжные стоны, выкрикивая проклятья.

— Банзай! — прокатилось по цепи, и десятки японцев кучками кинулись к канавам.

Линия боя опоясалась беспрерывными залпами, невообразимой трескотней.

Антонов вскоре заметил, что японцы не в состоянии овладеть канавами — откатились, залегли и расстреливали, очевидно, последние патроны: отстреливались редко и будто нехотя.

— Чуешь? — спросил Третьяк. — Не хватает патронов.

— Я тоже думаю... В атаку?

— Да, в атаку. Не терять ни минуты! — Третьяк выскочил из канавы и закричал: — Ребята, за мной! Сомнем их!

Три прыжка успел сделать Третьяк, а на четвертом повалился лицом в снег, безвольно опустив руки.

— Третьяк убит! — тревожная весть метнулась по рядам.

Ерковчане потеряли любимого вожака. Необстрелянная ерковецкая молодежь, потрясенная этой внезапной вестью, в панике оставила позиции и побежала к избам заимки.

Момент атаки был упущен. Японцы уже охватывали заимку тесным полукругом, наседали.

— Э, черт! — Антонов метался с наганом среди бегущих... Не остановишь... бесполезно!

Вдруг он почувствовал зудящее жжение и теплоту в правом боку. Замелькали по-чудному в глазах молодые березки и, не отдавая себе отчета в том, что он делает, что происходит вокруг, Антонов резко прыгнул в сторону и упал в засыпанный снегом куст...

...Японцы жгли заимку, раскладывая в избах костры. Они грелись у пожарища. Они уже не могли преследовать отступающих партизан, не в силах были оторваться от благодатного пламени, спасавшего хотя бы на короткий срок от этого холода, вселявшего в них какой-то суеверный трепет.

Позади японцев шли казаки. Они штыками и саблями добивали на снегу раненых партизан...

В штабе командующего, находящегося неподалеку, Демьян Тимофеевич первый заметил огромный столб черного дыма над Виноградовкой, высоко уходящий в матовую синеву рассветного неба.

— Палят заимку. Японцы или Антонов с Третьяком?

Штаб выслал разведку. Разведка наткнулась на отступающих.

— Где командир?

Кто-то ткнул пальцем по направлению черного столба.

— Отступаем! — бросил мрачно.

...К полудню, когда японцы, спасаясь от холода, покинули выгоревшую заимку, партизаны вернулись на пепелище, подобрали тридцать два изуродованных казаками трупа, после долгих поисков нашли тело Третьяка. Голова его была разбита разрывной пулей. А в кустах партизаны подняли побелевшего, в промоченной кровью шинели, с едва заметными признаками жизни командира Антонова.

Красный клич разносится по тайге

Демьян Тимофеевич разбирал уже просмотренные Шиловым оперативные сводки. Всюду партизанские отряды теснили японцев и казаков, удачными налетами расстраивали белый тыл, наводили панику на японцев. Похоже было на то, что и это генеральное наступление

японской армии уже потерпело крах. На общем фоне удач виноградовское поражение казалось пустяком, досадной мелочью, неизбежной прорухой. Но жаль Третьяка и еще больше Михайлу Антонова, которого отправили в глубокий тыл, на Кульдур, в лучший госпиталь, но неизвестно еще, будет ли жить этот полюбившийся ему коломенский слесарь.

«А надо бы выходить, поставить на ноги, — для такого впереди столько дел!» — мысленно будто просил Демьян Тимофеевич кого-то, кто может спасти его друга. Тут же мысль перескочила на другое: пригодилась-таки его работа на горячих ключах!

Кульдурский курзал четко всплыл в сознании, стоял перед глазами старого плотника.

Из соседней комнаты штаба вышел Сафронов. Он держал в руках свежий номер «Красного клича».

— Ну что, редактор, отшлепал? — благодушно улыбнулся Демьян Тимофеевич.

Сафронов молча протянул ему пахнущий краской лист.

Член главного штаба Сафронов был редактором таежной газеты, которую совсем недавно стал издавать штаб. Она была нужна не только для борьбы с клеветой и ложью белых, не только для того, чтобы правильно информировать население тайги о том, что делается на партизанских фронтах и как далекая Советская Россия отбивается от интервентов и белогвардейцев, но и затем, чтобы систематически готовить население области к съезду Советов, который сочли необходимым созвать, как только несколько ослабнет японский натиск.

Партизаны, наборщики Шатохин и Димура, по частям переотправили из города в тайгу несколько пудов типографского свинцового шрифта. Они основательно опустошили наборные кассы белогвардейского «Амурского слова». Дошлые ребята нанялись наборщиками в областную белую газету и уносили шрифт в карманах на конспиративную квартиру ежедневно не больше горсти, чтоб не засыпаться. Смелчаки не ограничились этим. Они тут же, в типографии, ухитрились набрать и отпечатать тайком призывные листовки штаба и разбросать их по городу. Оригиналы воззваний они бесстрашно засовывали под оригиналы белогвар-

дейских статей и работали с оглядкой: подойдет мастер — набирают одну верстатку, для белых, отвернется — из-под кассы появляется другая верстатка, для тайги... На листовках, переполошивших белые власти, стояла внизу хитроумная марка: «Отпечатано в типографии главного штаба Амурской революционной области».

Листовки из предосторожности были расклеены на уличных витринах и на заборах лишь после того, как шрифт находился уже на пути в тайгу.

Задание штаба было выполнено. Шатохин и Демюра скрылись из города... Через неделю они уже были наборщиками, метранпажами и печатниками таежной газеты.

«Красный клич», лишь только он появился, стал звать трудящихся к объединению, организовывать, информировать их, готовить массы к съезду Советов области.

Роль партизанской газеты в эти дни бури и натиска была неизмеримо велика. Бодрые, призывные статьи, рождающие уверенность в конечном торжестве революции, — этим был полон «Красный клич» от первой до последней строки. Сам Степан Шилов, председатель областного военного коллектива, переименованного в реввоенсовет, вождь таежной армии, давал в газету воззвания, приказы, статьи, красочно описывал сражения с японцами и партизанское житье-бытье. Участие в газете любимого руководителя подымало авторитет ее, усиливало воздействие революционного печатного слова, впервые прозвучавшего в таежных дебрях.

Демьян Тимофеевич пробежал глазами по лозунгам и заголовкам первой страницы: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «В огне, дыму и порохе прогремит наш красный клич!» и принялся читать сообщение о том, сколько и где выбрано делегатов на областной съезд.

Деревни и села партизанского тыла уже избрали делегатов. Теперь надо было провести выборы в деревнях, которые переходили из рук в руки, — трудная, опасная задача!

— Товарищ Коломийц! — прервал Демьяна Шилов, появляясь на пороге. — Возьмешь пятнадцать че-

ловек и отправишься в Архаринский район. Надо провести выборы делегатов в четырех деревнях.

Получив необходимые инструкции, Демьян Тимофеевич быстро собрался и поскакал во главе небольшого отряда на восток. Брошенная на лавку газета так и осталась непрочитанной...

В Каменушку приехали под вечер на следующий день. Чем-то родным повеяло на Демьяна Тимофеевича, — знакомая-знакомая деревня! Отсюда начал он свой поход с Пашкой и Фомкой. Но как давно это было, будто целая вечность отделяла его от того памятного дня!

Вблизи были японцы. Демьян сразу выставил у околицы часовых и велел собрать сход.

Уже потемну, когда, заканчиваясь, отшумел сход, выбравший на съезд трех молодых парней, участвовавших в боях с японцами, и Пашкиного отца, — он давно уже знал о гибели своего второго сына и сильно постарел за эти месяцы, — к сборне подъехала кошевка, окруженная верховыми партизанами. В кошевке сидел долговязый человек со скрученными назад руками.

Один из конвоиров протискался сквозь плотную толпу мужиков к председательскому столу:

— Товарищ Демьян! Мы с поста белого милиционера захватили. Перся в деревню. Обезоружили...

Сход высыпал на улицу. Мужики окружили кошевку:

— А-а! Это вона кто!

Милиционер, словно затравленный волк, блуждал по толпе налитыми глазами.

— Товарищ командир! — зашумела толпа. — Это мучитель наш. Вот этот самый!

— Не токмо больших, ребятишек порол.

— Изгалялся!

— Пушай от японца пострадаем, а этого гада живым не пустим!

Демьян натужил голос:

— Граждане-товарищи! Раз заявляете на него — отпускать не буду. Повезу с собою в Черняевку, отправлю оттуда в штаб, пусть ревтрибунал судит. Там по приговору и расстреляют...

— Если отпустишь, с тебя спросим, — надвинулись мужики.

— Не отпущу.

— Мотри!

— Чтоб дешево не отделался за нашу кровь.

— Не отделается — присудят расстрелять. Сами знаете: карателей не милуем.

Толпа понемногу успокоилась.

Демьян Тимофеевич приказал отвезти захваченного милиционера в Черняевку, а выбранным делегатам велел собраться и следовать за отрядом.

На следующий день избрали делегатов на съезд в Гомелевке и поскакали вместе с ними в Домикан...

Под Королями, в предраассветных сумерках, японские разведчики, человек десять, поджигали мост через небольшую речушку. Демьян Тимофеевич приказал отряду и делегатам спешиться... Гикнули партизаны на коней, те ударились к лесу, японцы погнались за лошадьми. Этого Демьяну Тимофеевичу только и надо было. Он быстро провел делегатов под пылавшим уже мостом, вышел к опушке. Японцы заметили людей, открыли огонь. Но было уже поздно. До сосен бежали избранники Каменушки и Гомелевки под японскими пулями.

А Демьянов отряд, окопавшийся тем временем в чистом поле, в снегу, отвечал сбоку на японский огонь... Японцы кинулись в разные стороны.

Время было выиграно: делегаты скрылись в тайге, ловили разбежавшихся коней...

— Теперь можно уходить... Если б не пошли под мостом, всех бы до единого уложили на месте. Кругом — чисто. Не думали, не гадали они, что под мостом протолкнемся, — сказал Демьян Тимофеевич, вскакивая на коня.

Съезд Советов революционной области

Архаринские делегаты прибыли вовремя.

В сельской школе было тесно. С разных концов тайги, от Хингана до верховьев Зеи, сошлись сюда люди решать судьбу края, писать новую страницу истории. Крестьяне в тесной куче перемешивались с городскими в промасленных куртках, с партизанскими вож-

дями и командирами при наганах и шашках, с подпольщиками и бойцами. Смешались и спаялись в единой воле, в едином порыве добиться полного очищения области от интервентов и белых, вернуть свою, Советскую, власть...

В красном переплете кумача смотрел со стены улыбающийся проникновенно Ленин, смотрел на этих торжественных и в то же время простых людей, простыми словами запечатлевающих простую и великую правду.

Когда разместились по скамьям, по ученическим партам, над головами людей лесом встали зажатые меж колен винтовки — редкий делегат был безоружен. Вооруженный съезд как бы символизировал волю восставших.

Кряжистый Шилов поднялся за столом президиума, тряхнул чубом, и на скамьях, на партах, на подоконниках воцарилась тишина...

Он говорил недолго... Съезд Советов трудящихся Амура стал возможен благодаря победам революционного восстания над соединенными силами иноземных империалистов и отечественной контрреволюции. Последнее генеральное наступление японцев на советский остров в тайге окончилось поражением интервентов. Никакие мелкие неудачи партизан не могут затмить блестящих побед под Чудиновкой, под Гошем, под Еркуновцами, у десятка других сел. Командующие Юшкевич, Безродных, Задерновский, Дрогошевский оказались прекрасными полководцами революции... Теперь надо закрепить победу, наступать на город, изгнать интервентов с родной земли... Съезд обязан объявить мобилизацию в партизанские отряды, без мобилизации города не взять. Съезд должен также сформировать гражданскую власть — одному реввоенсовету теперь не справиться.

— Мы истощены, — сказал в конце своей речи Шилов, еле приметно взмахнув рукою, — мы, не скрою от вас, исходили кровью во время японского напора. Но мы питаемся и будем питаться не только людскими резервами восставшего населения области. Мы питаемся великими идеями Страны Советов — эти идеи непобедимы. А они, враги, с их пулеметами и броневиками, которых у нас пока нет, чем они питаются? Они оторваны от своей страны, от народа, не понимающего, зачем

посылают его солдат в далекую холодную Сибирь? При таком соотношении дело не только в броневиках... Мы непобедимы!

Густой шиловский голос потонул в бурном прибое аплодисментов...

После Шилова говорили бойцы, командиры, мужики.

Демьян Тимофеевич сидел в первом ряду, слушал горячие речи, и в этих речах, полных обиды разоренного и выбитого из колеи землероба, полных гнева народного, он почуял грядущее воплощение своей давней мечты о том, что вот он, плотник Демьян Коломийц, засучит рукава, возьмет в руки топор и пилу и начнет строить, — строить вот для них, для тех, кто отвоевал это право, помогал осуществлению его мечты... их мечты, строить крепко, прочно и навсегда... строить дворцы.

«Дворцы! — Демьян Тимофеевич улыбнулся в рыжий ус. — Ну, для дворцов я, пожалуй... того... не го-жусь...»

...Съезд выбрал исполнительный комитет области. В него вошли двадцать четыре человека. Председателем областного исполкома единогласно избрали Степана Шилова.

Потряхивая чубатой головой направо и налево, Степан Самойлович поблагодарил всех за оказанное ему высокое доверие.

— Теперь назначайте себе главковерха, который поведет вас на город... на соединение с Советской Россией. Со своей стороны предлагаю избрать из числа командующих человека, не знавшего еще поражений... Это Илья Безродных. Поглядите, вот он какой...

Степан Самойлович слегка тронул за локоть своего соседа справа.

Безродных встал во весь рост по-военному. Он был так огромен, этот непобедимый, такая мощь чувствовалась во всей его массивной фигуре, что съезд взорвался бурей овации. Его знали и любили партизаны, о нем шла широкая слава в тайге. Те, кто не знал Безродных, были восхищены одним видом этого великана. Такой не может не победить — утверждала овация...

Исполкому оставалось только выполнить волю съезда: первым своим решением, написанным тут же, на

съезде, исполком назначил Безродных главнокомандующим всеми вооруженными силами области и председателем реввоенсовета.

...«Красный клич» разнес весть о съезде по всей тайге и далеко за ее пределы. Вера в победу закрепилась. Теперь уже, подобно вешним снегам, быстро таяли ряды колебавшихся. Трудовое крестьянство почти поголовно уходило в отряды, и объявленная мобилизация лишь довершала то, что до нее проделал революционный энтузиазм масс.

Демьян Тимофеевич теряет любимого друга

Генеральное наступление японцев провалилось. В центре тайги гордо развевалось победное знамя Советов. «Таежный исполком», избранный на съезде в Ромнах, налаживал аппарат новой власти в самых глухих, отдаленных местах. Исполком стал центром притяжения разорванных волостей и сел, сплачивая их в единое советское целое.

Японское командование в бесчисленных стычках и крупных боях с ожесточенным, доведенным до крайности народом, в борьбе с тайгой, где из-под каждого куста грозила смерть, мало-помалу стало очищать укрепленные пункты области, станции, стягивая свои войска в город.

Большевистское лекарство и впрямь оказалось горьким для японских генералов: потери Японии оказались бесчисленны, затраты колоссальны, — разве можно теперь мечтать о покорении неприступной тайги, сказочно богатой Сибири? Но и это горькое большевистское лекарство не вылечило милитаристов от основной их болезни.

Милитаризм — старая, безнадежная болезнь. Свинцовым лекарством восставших народов долго еще суждено лечить во всех концах мира застарелую болезнь милитаризма, жажду колониальных грабежей и захватов.

Суждено смести с лица земли безнадежно больного, навсегда отбить у милитаристов непомерную жажду колониального грабежа и захватов, кровавых расправ и уничтожения целых народов.

Со скрежетом зубным японские империалисты были вынуждены «отложить завоевание Сибири до лучших времен». Теперь же они должны были, получивши основательный урок от революционного народа, посчитаться и с международной обстановкой, складывающейся не в их пользу, посчитаться и с положением в их собственной стране, нищей стране, глухо волновавшейся против непосильного бремени налогов, львиная доля которых шла на непопулярную, никчемную войну русской революции.

Япония отступала...

В конце января город, столица области, был уже обложен плотным кольцом тридцатитысячной партизанской армии. Город был накануне падения. Купцы, домовладельцы и спекулянты, пушники и золотопромышленники спешно вывозили свои ценности на китайский берег Амура, в Сахалин. Вереницы обозов, груженных разнообразной кладью, тянулись день и ночь через реку по торосистому, заснеженному льду из русского города в китайский...

...Но ничего этого не мог уже знать Михайла Антонов, коломенский слесарь. До этих добрых вестей о близкой победе умер он в заколдованной сумятицею буранов бездорожной тайге, в партизанском госпитале на кульдурских горячих ключах.

В тот день, когда его подняли под Виноградовкой, он был смертельно бледен и не приходил в себя. Его везли по бесконечным кривунам таежных троп, и голова его покачивалась от толчков.

У штаба, встревоженный, подошел к саням Демьян Тимофеевич.

— Кончается? — тихо спросил он.

— Кажись, нет... Должно, поморозился, — отозвался подводчик.

— В госпиталь! — прохрипел Демьян; на веснушчатом лице его заострились скулы, усы обвисли. — Да живей!..

На третьи сутки Антонов пришел в себя. Он лежал на широкой деревянной кровати. Вверху лосмился высокий, чисто выбеленный потолок... Первое ощущение — саднящая, как бы затихающая боль в пальцах ног и рук. Пустая-пустая, словно качающаяся на волнах, голова.

Наклонился человек в белом халате. Антонов сделал движение плечом, пытаясь повернуться к нему. Лицо передернулось гримасой боли: что-то разом потянуло в правом боку.

— Не шевелитесь, товарищ. Вам еще нельзя... Дать воды?

— Дать... — из горла шел шелестящий звук и все небо было точно в броню заковано.

«Однако это надолго, — подумал Антонов; он глянул на живот: белая материя горой топорщилась перед носом, туго, в несколько рядов обмотанная вокруг тела. — Навернули... постарались».

Неожиданно пронеслась, как далекий сон, отчетливая картина: серый рассвет, лес, канавы, заимка в кольце колючей проволоки, отступающие партизаны... Третьяк. Холодея, Антонов прошептал:

— Мы... разбиты?

— Напротив — на всех участках тесним, побеждаем, — сказал фельдшер.

«Успокаивает, как всякого раненого... его долг», — мучительно подумал Антонов, устало закрывая глаза.

Когда он снова открыл их, человек в белом халате стоял с кружкой в руке и пристально смотрел в лицо. И были в том взгляде и страх, и затаенная жалость. Антонов понял...

Фельдшер ловко приподнял одной рукой голову больного, а другой поднес к губам его кружку.

— Серьезно у меня? — спросил Антонов, сделав два глотка.

— Достаточно серьезно, — улыбнулся фельдшер. Улыбка должна была, по-видимому, означать, что хотя рана и серьезна, но терять надежды ни в коем случае не следует.

— Мне бы товарища Коломийца... из штаба... повидать, — прошелестел Антонов не то просящим, не то приказывающим тоном.

— Завтра он будет здесь. Когда придет, скажу ему.

Руки саднило. Антонов скосил глаза: обе обмотаны белоснежным марлевым бинтом и выглядят, как колодушки. «И тут наворочено».

— Это я обморозился?

— Было дело...

— Будут резать?

— Нет... оттерли. Под кустом вы зарылись руками и ногами в снег. Будут целые, не беспокойтесь.

— Правда? — улыбнулся с ярко-вспыхнувшей надеждой Антонов, снова рванулся плечом.

В глазах потемнело, рана в боку резанула острой болью.

— Вот это, кажется, посерьезней? — указал он взглядом на бок.

— Это — главное, а руки — пустяки.

Вечером Антонов почувствовал сильный жар. Слабо мигала высоко на стене лампа и казалась она зевом огнедышащей заводской печи. Не будь ее — все было бы в порядке, не тянуло бы жаром... В голове гудели паровые молоты.

— Убрать бы эту печь... лампу, — простонал Антонов, — отворите дверь, что ли.

— Начинается, — пробурчал фельдшер. В этой обстановке не спасешь от заражения... нет.

Желтые, красные, фиолетовые шли плавной чередой перед глазами пятна, полосы, темные точки. В разрывах этих пятен и полос выплывали картины далекого-далекого прошлого. Вот он, Мишка, бежит по заводскому двору, в гуле и грохоте ищет отца, прибежал сказать: с младшей сестренкой несчастье... Почему у него, у отца, такой тяжелый кулак? Почему ревет мать? Ничего непонятно, не припомнишь.

Когда впервые пошел на завод — прыгала от радости земля под ногами... Умерла мать, ревели ребятишки... Кружок в хибарке у дяди Никифора... Октябрь, ячейка... Красные полотнища через всю Тверскую... Колчаковский фронт. Пулемет на горке. Плен. Белые. Иркутск... И эти бородастые амурские мужики.

И во весь рост — рыжеусый ширококостый плотник, загородивший дорогу конем на узкой тропинке: «Якорь тебя задер!» Улыбается широко-широко...

Антонов с огромным усилием подымает веки. Притушенная лампа будто мигает, будто плавает. Но что еще плавает под высоким потолком? Голос? Да, голос... Нет, голоса. Широкой, нестройной, вперебой, волною точно протискиваются в щели дома.

— Поют? — спрашивает Антонов наклонившегося над ним фельдшера.

— Воды?
— Поют, спрашиваю?
— Поют... Отправляется отряд.
— Подкрепление?
— Нет, вдогонку, преследуют разбитых на линии...
— Вдогонку, — повторяет почти в бреду Антонов и слушает. Волною за окном нарастает песня. Ближе, шире, могучей... Будто стекла звенят... Будто далекая Коломна погромыхивает цехами.

Враг силен: не беда...
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами.
Никогда, никогда, никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!
Коль не хватит солдат,
Старики станут в ряд,
Станут дети и жены бороться...

— Слышишь, коль не хватит солдат... оборванных, голодных!.. Да, да... Никогда, никогда!

Обессиленный вспышкой, Антонов умолк, но улыбка все еще блуждала на губах его. Блуждала и тогда, когда он снова впал в беспамятство.

...Рок капризный не властен над нами,
Никогда, никогда, никогда, никогда...

ворвалось на миг в сознание откуда-то издалека, так далеко, что он еле уловил слова. И мелькнуло, как бы прощаясь, видение — шествие бородачей замыкал высокий парень в валенках и на высоко вскинутом штыке его ярко играют нестерпимые блики весеннего солнца...

Два чувства сплелись в клубок: вот-вот войдем в город... по всей линии отходит лютый враг, сжигая деревни и хутора, и вдруг — эта смерть.

Не хотелось верить Демьяну Тимофеевичу, что Михайла Антонов умер именно сейчас, накануне победы, накануне новой жизни, за которую бился... И вот погиб, не дождавшись!

— Эх-ма!.. — выдохнул Демьян сокрушенно, вглядываясь в землисто-мертвенное лицо Михайлы. — Не довелось тебе... Хоть бы одним глазком тебе посмотреть на то, что...

Демьян Тимофеевич отошел в угол, по щеке ползла щекочущая непривычная слезина. Многому научил его этот парень с опаленным лицом. Дал ему, Демьяну, какой-то неведомый доселе ключ, которым он впервые отпер теснившиеся вперевод мысли и чувства, направил их в одну точку... Михайла раскрыл ему глаза, указал единственный негибимый путь-дорогу. И теперь эта дорога пряма.

— Эх-ма! — повторил Демьян Тимофеевич, вытаскивая зачем-то из нагрудного кармана партбилет. «Не будь Антонова, не лежал бы ты сегодня здесь... Знаю, все равно лежал бы, — опроверг он сам себя, — но... потом, после, когда-нибудь. Плутал бы может. Не хотел бы, а все равно плутал...»

— До того опечален, что и не узнает, — раздался над ухом негромкий голос.

Демьян Тимофеевич поднял глаза. Перед ним стоял фельдшер в белом халате. Матово-бледное лицо, проседь в висках...

— Что-то знакомое... не могу признать... где виделось-то?

— Да здесь же, на Кульдуре.

— Неужто Самарин?.. Как постарел! — узнал Демьян Тимофеевич.

— Постареешь, — чуть улыбнулся Самарин. — Тогда я ведь сбежал. Вели нас на Биракан, вели на верную смерть... И понял я: какая ошибка, что не послушал тебя, не пошел вместе. Понял, что нельзя шататься в такое время... За колебания платят головою, как я чуть не поплатился... Глупо как!.. И бежал под вечер от милицейского конвоя, прямо в чащобу... Блуждал в тайге, пристал к партизанам. И вот...

Демьян Тимофеевич крепко, до боли, сжал руку фельдшера.

— Значит, порознь блуждали с тобой! И он тоже отсюда... со мною вместе, — показал он на мертвого Антонова. — Отсюда начал и здесь кончил...

Да, кульдурский горячий ключ был исходной точкой их совместного похода, и кто мог угадать, что именно здесь Антонов найдет свою смерть.

К прежним, таким разнообразным и волнующим, воспоминаниям о Кульдуре прибавлялось еще одно, вот это — свежее, неизгладимое, наполняющее тоской...

Последние выстрелы интервентов

Демьян Коломийц получил от реввоенсовета важное задание — отвезти в город секретный доклад областному комитету партии. Не впервой ему предстояло ехать туда. В одну из предыдущих командировок партийный комитет, по его просьбе, принял его в члены партии... Теперь вот снова в город, к подпольщикам, с радостными вестями...

— Встретишь на улице Шутца, — сказал Демьяну Сафронов, вручая доклад, — ты ведь, кажись, его знаешь...

— Шутца?.. Того самого, в погонах?

— Да, да! Он и сейчас еще в погонах ходит. Перебрался из Приморья, устроился в ихнем штабе. Ловко работает!.. Смотри — будь осторожен. Были провалы, расстрелы... Шпионят здорово... Мухи перед смертью кусаются больно. Не досчитаемся товарищей, когда вернемся.

Долго еще наставлял редактор. «Мастак на все руки, — залюбовался им Демьян Тимофеевич, вспомнив, как Сафронов ловко вырезал печать и штампы для таежного штаба. — Не зря, значит, при царе на Монетном дворе работал... пригодилось...»

Демьян Тимофеевич выехал в сопровождении пятих паруновских парней. Скакали верховые безостановочно по ухабистым дорогам день и ночь.

...Крохотная, приплюснутая сугробами деревенька. Разместились в покосившейся избушке у самой околицы.

— Что слышать? — спросил Демьян у хозяина. — Уходят японцы?

— Вчера целый полк в город повалил, стороной нас обошли... Говорят, в тайге еще остались.

— Уйдут!

— Знамо... Никуды не денешься. Подперли их наши... Ложились спать не раздеваясь...

Ночную тишь раскололи залпы.

— На коней! — вскакивая с лавки, крикнул Демьян.

Все шестеро — Коломийц и партизаны — выскочили во двор... помчались на быстроногих, фыркающих в испуге, конях.

Темно. Пальба. Пули свистят навстречу. Враг, вер-

но, бьет по огонькам деревни... Несутся партизаны узкой улицей.

Оступился демьянов конь, пал на передние ноги... Нет, не оступился!.. Впереди — два низкорослых силуэта, поминутно вскидывающие короткие ружья.

— Японцы!.. По дворам, ребята!..

Пока слезал с издыхающей лошади, машинально пощупал в полушубке за пазухой, где был зашит доклад реввоенсовета. «Не сграбастали б!»

Парни, бросив коней, — врассыпную. Демьян Тимофеевич прыгнул на высокое крыльцо. Обернулся... Японцы все шли по улице и стреляли... Вскинул винтовку, снял с двух выстрелов обоих...

Как будто никого, а пули сыпятся... Трещоткой заливается пулемет. Сзади, с огорода, визжат пули. «Это по мне! А где же ребята?»

Пустынна темная улица, погашены огни. Демьян Тимофеевич лезет под крыльцо, оторвал подавшуюся под нажимом крепких рук доску, ползком протискался под терраской во двор... Перемахивая скривившиеся плетни, дворами зашагал на край деревни. Бежать не рискнул, — увидят, будут палить. Теперь он был вне обстрела.

Выйдя в поле, Демьян Тимофеевич разрыл снег под кустом и улегся в яму. Здесь намело огромный сугроб — черта с два найдут, если б даже начали искать...

Весь в сугробе, только лицо наружу.

«Искать не будут, не до того им. А ребята?» — встревожился Демьян.

Галдя и спотыкаясь, пробежали мимо японцы. Демьян Тимофеевич считал солдат: раз, два, три... десять.

Часа три пролежал он в сугробе, снег под ним подтаял, полушубок чуть намок, холодил старые кости... Гасли в небе звезды.

Стрельба, наконец, прекратилась. Вылез Демьян Тимофеевич из-под снега — не идут застывшие ноги, не хотят слушаться. Гусиным шагом шел в деревню долго-долго, судорога схватывала икры. Еле добрал до околицы. Навалился брюхом на плетень и кубарем во двор — ногу на изгородь поднять не смог.

Подобрал винтовку, переброшенную заранее, отряхнул от снега. В двух шагах стоял паренек и внимательно разглядывал его.

— Кто это ночью стрелял? — прикинулся Демьян Тимофеевич.

— Знамо, японцы.

— Японцы? Прошли, что ли?

— Не бойся, прошли. Антилерия сейчас усакала... А ты партизан будешь?

— Партизан.

— Ишь ты! Ну идем, обогреешься. Ишь с тебя те-кет... как все равно в пролуби купался.

В избе, за самоваром, Демьян Тимофеевич узнал, что его ребята, переждав японцев, разыскали своих коней и умчались ивановской дорогой. «Обратно в штаб... с перепугу... дурни! Наведут еще панику, что пропал Коломийц...»

День потерял Демьян Тимофеевич на обсушку, на отдых.

«Пойду один, — решил он, — все равно ребятам возвращаться надо, им в город не ехать. Так и так — один. Проводили бы еще полста верст — какой толк... Пусть!»

Да, главное в городе. Там сейчас ждут. Нет, не ждут — горят, работают, готовятся, считают напряженно минуты, когда красная лента на штыке первого конного в конце широкой улицы у набережной Зеи будет сигналом к выходу из подполья. Сигналом, за которым немедленно последует бегство палачей и тюремщиков из гулких каменных коридоров — там, за городом. И откроются камеры, где ежечасно ждут смерти. И взвоятся красные флаги на шпиле каланчи, на высоком флагштоке белого, с колоннами, губернаторского дома...

Демьян Тимофеевич шагал от деревни к деревне, ехал с обозами мужиков, сдвигающимися к городу отрядами партизан. В пустом безмолвии снежных полей чудилась радость близкого освобождения.

В деревнях повторяли на все лады:

— Ушли!.. Не успели поджечь!.. Ушли... Освободились!.. Вздохнем!..

Лица кругом были все те же — бородатые, исстрадавшиеся, выпитые тревогами бессонных ночей, но сквозь угрюмость их угадывалась закипающая внутри хлесткая радость...

Ближе к городу — тревожнее.

Демьян Тимофеевич прошел линию фронта, сдал

винтовку командиру авангардной части, долго шагал за рекою по родной, но еще не отвоеванной земле...

Скоро город. Сильно стучало сердце.

На равнине под Астрахановкой Демьян Тимофеевич, шурясь от бьющих на́кось лучей первого предвесеннего солнца, остановился. Что-то, просвистав, ударило его в плечо.

Скинул полушубок — кровь, колотье. Пуля застряла в плече... На излете, должно быть...

Обвел взглядом окрестность — никого. «Шальная!.. Под городом постреливают... Ждут, боятся!..»

Сильно стучало сердце, крепко ударяла кровь в виски... Присел на черный, погорелый пенёк... Не пенёк, а уголь... Мутит больно, но рвутся ноги вперед.

«Перед смертью мухи кусаются», — вспомнил слова Сафронова и рассмеялся, клоня вниз отяжелевшую вдруг голову.

Разорвал рубаху, наложил повязку — дрожала рука, не слушалась, а из сердца подымалась светлая волна. Накинул на плечи полушубок.

«Дойду!.. Шальная... Сперва домой — да, да, домой: раненый на улице не покажешься, сцапают».

Кружилась голова, по снегу мельтешили черные ласточки. «Пройдет!»

И живо так представилось: домишко, огородишко, жена, Васька — он теперь матери помогает, — малыши... То-то обрадуется!.. Тогда было лето, а теперь зима. Тогда плакало небо всклокоченными беспокойными тучами, теперь оно ласкает, бьет на́кось лучами... Скоро вступаем в город... Красный флаг на белом губернаторском доме... То-то!.. В пестром потоке уличной толпы — маленький, в погонах, капитан, хитро подмигивающий Шутц. Скоро-скоро сымет погоны... за ненадобностью.

«Огородишко? Весь век сызмальства плотничал в артелях, в одиночку когда. Думал под старость своим огородом... А тут вон какие дела выходят!.. Красный флаг высоко над городом... Смеялся над собой тогда, на съезде, молодым хотел уступить дорогу, Ваське... Пусть Васька — да! Он пойдет — не отстану! Никак! Огородишко побоку... Кульдур... Хотел дворцы строить. Над собою насмеялся: сдрейфишь... Не сдрейфлю!.. Просчитались, Роман Иванович, опозорились,

ученый инженер! А Ветошкин давным-давно во Владивосток смотался — не по силам, знать... под японское крыло... Эх, Михайла!.. Дело наше крепкое...»

Дрожью в теле отдавалась воспламеняющая мысль, голова клонилась все ниже и ниже, путались мысли. Знал Демьян Тимофеевич — дойдет, не шальной пуле сшибить его с ног. Не в такое время умирать...

Солнце шло к далеким сопкам, гнало тени на пустыню снегов. Со стороны города звякали редкие выстрелы — будто напуганные, жалобно бессильные, последние выстрелы интервентов.

И Демьян Тимофеевич дошел... А вскоре, вместе с вышедшим из подполья областным комитетом, с тысячными толпами, он встречал таежную армию, хлынувшую широкими, ровными, как стрелы, улицами в принарядившийся город.

Ветер трепал боевые знамена. Это был ласковый ветер подкрадывающейся весны.

Дворцы на Кульдуре — на горячих клокочущих ключах — встали перед Демьяном Тимофеевичем явственней прежнего.

«Пусть учатся народы всего мира борьбе, освобождению, смотрят... всех научим... Пусть мотают на ус...»

Отряд за отрядом вливался в расцвеченный флагами город. Впереди, в широких розвальнях, у разукрашенного лапами елок пулемета, стояли члены таежного штаба... кричали, приветственно махали руками.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Повесть Ильи Чернева «Таежная армия» почти неизвестна современному читателю: она впервые вышла в Иркутске еще в 1932 году и вскоре была дважды переиздана небольшими тиражами.

В предисловии известного советского писателя Вс. Вишневского ко второму изданию говорилось: «Повесть эта дает картины гражданской войны на Амуре. Гражданская война на Амуре—одна из замечательнейших страниц борьбы рабочих и крестьян Дальнего Востока со своими угнетателями, белыми и японскими интервентами, за власть Советов. В 1919—1920 гг. существовала, так называемая, Амурская революционная область, окруженная со всех сторон оккупантами и белогвардейцами. Гнев и возмущение масс родили армию, выросшую в таежных дебрях. Эта таежная армия после ряда исторических боев с японцами (Ерковцы, Гош, Красный Яр, Чудиновка и др.) очистила область от японцев и белых и заняла главный город области Благовещенск (6 февраля 1920 г.). Советская власть на Амуре была восстановлена. Она сумела продержаться до воссоединения с советской Сибирью, явившись крупнейшим фактором ликвидации семеновщины и японской оккупации на всем Дальнем Востоке».

Определяя «Таежную армию» как «одно из наиболее крепких произведений об интервенционной войне», Вс. Вишневский с горечью отмечал, что народная война за власть Советов на Дальнем Востоке в художественной литературе отражена недостаточно.

И хотя с тех пор прошло немало лет, советский народ торжественно отметил 50-летие со дня окончательного освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев, однако и теперь приходится вспоминать о словах Вс. Вишневского. Особенно относится это к отражению бессмертного подвига приамурских партизан, к той роли, которую сыграли они в разгроме интервентов и белогвардейцев. Лишь несколько книг, изданных в последние годы Хабаровским книжным издательством (в том числе «Заслон» Л. Антоновой, «Сполохи» Б. Машука), частично восполняют пробел по этой теме. Героическая эпопея амурской партизанской армии еще ждет более полного, высокохудожественного отображения в литературе.

Вот почему заслуживает внимания полузабытая повесть Ильи Чернева.

В ней ярко описаны некоторые эпизоды героической партизанской войны на Амуре. Сильное впечатление производит описание боев под Чудиновкой, Виноградовской заимкой, на Гошском поле, у Павловки. На страницах книги читатель встречается с легендарными руководителями партизан — С. С. Шиловым, И. Г. Безродных, Г. С. Дрогошевским, Е. Ф. Юшкевичем и другими.

Автор шаг за шагом прослеживает, как зарождались ручейки партизанского движения в Приамурье. Сначала одиночки и маленькие группки, не принявшие власти белых и интервентов, затем отряды — и вот уже грозные соединения приамурских партизан неумоимо бьют врага. И никакими силами карателей и интервентов, никакими расправами и пытками невозможно было запугать народ, взявшийся за оружие. В жестокой и тяжелой войне была завоевана победа.

Именно так — из маленьких групп и одиночек выросли на Амуре несокрушимые партизанские полки, превратившие Амурскую область в освобожденный «красный остров» на Дальнем Востоке.

В центре повествования — образ партизана Демьяна Тимофеевича Коломийца. Это простой плотник из Благовещенска, всем сердцем принявший Советскую власть и вдохновленный большевистской идеей социалистического строительства. Он мечтает о дворцах и домах отдыха для народа. Начавшаяся интервенция заставляет его отложить осуществление этой мечты и взяться за оружие.

Район действия партизанского отряда Коломийца — курорт Кульдур, Ниманские прииски, восточная часть Амурской железной дороги. Там в 1919 году действовали боевые партизанские отряды А. Ф. Большакова и А. А. Волошина, несколько активных групп, сформировавшихся из числа активных советских и партийных работников Амурской области, Забайкалья и Приамурья. В этом районе были Д. С. Шилов, М. Н. Прохоров, М. И. Власюк и другие. Возможно, прототипом Коломийца послужил кто-либо из числа этих активных участников партизанского движения.

Отряд Коломийца вливается в общий поток амурского партизанского движения и поступает под командование областного военно-полевого коллектива — высшего центра руководства партизанским движением, выдающуюся роль в деятельности которого сыграл большевик Степан Самойлович Шилов.

Нельзя, однако, забывать, что повесть Ильи Чернева — не специальное исследование, не хроника гражданской войны, не историческое документальное описание. Это художественное произведение. Не ставя своей целью скрупулезно воспроизвести день за днем события тех лет, автор имел право на собственное осмысление событий, на домысел — в интересах наиболее цельной и яркой передачи типических черт партизанского движения.

Это касается, главным образом, отдельных случаев смещения хронологической канвы событий.

Так, разговор Демьяна Коломийца с Г. С. Дрогошевским происходит у автора в конце 1919 года. Между тем командующий повстанческой крестьянской армией Генрих Станиславович Дрогошевский в мае 1919 года был схвачен белогвардейцами и вскоре казнен в Благовещенске.

Бои под Виноградовской заимкой и под Ерковцами происходили не в декабре, а первый — в феврале, второй — в октябре.

Редактором партизанской газеты «Красный клич» в повести назван А. И. Сафронов. Он действительно работал в этой газете, но возглавлял редакционный коллектив Б. В. Добровенский, посланный в тайгу подпольным обкомом партии, направлявшим всю партизанскую борьбу в области.

Читателю, который хочет расширить свое представление о героической борьбе приамурских партизан против интервентов и белогвардейцев, можно посоветовать обратиться к документальным книгам, выпущенным Хабаровским книжным издательством, — «Таежные походы» (1972 г.) и «Красный остров» (1967 г.).

Остается порадоваться тому, что повесть Ильи Чернева, где нарисованы незабываемые картины партизанской войны на Амуре, выходит наконец массовым тиражом. Читается она с интересом и помогает лучше понять героический подвиг трудящихся Приамурья, которые в труднейших условиях сумели разгромить интервентов и белогвардейцев и изгнали их с нашей земли.

*Н. А. ШИНДЯЛОВ,
кандидат исторических наук.*

Чернев Илья

Ч 49 Таежная армия. Хабаровское кн. изд., 1974.
(«Дальневосточная героика»).

144 с. с илл. 100 000 экз. 23 к.

Повесть, впервые изданная в 1932 году, возвращает нас к незабываемым годам борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке. Читатель найдет в ней яркие картины подвигов приамурских партизан, раз-
вернувших народную войну против интервентов и бе-
логвардейцев и изгнавших их с нашей земли.

7—3—2

74

P2 ДВ

Чернев Илья

ТАЕЖНАЯ АРМИЯ

Редактор Н. Т. Кабушкин. Художники А. В. Гуриков и В. А. Смирнов. Художественный редактор А. В. Колесов. Подписано к печати 16/1-1974 г. Бумага 84×108/32, типограф-
ская № 3. Печ. л. 4,5 (усл. 7,56), уч.-изд. л. 7,72. Тираж
100 000 (1—50 000). Заказ № 7836. Цена 23 коп.

Хабаровское книжное издательство Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли, Хабаровск, ул. Серышева, 81.

Типография № 1 Амурского областного управления издательств,
полиграфии и книжной торговли, Благовещенск, ул. Кали-
нина, 10.

23 коп.

Хабаровское книжное издательство

